

«БИТЬ И ИГРАТЬ СКОРЕЕ, ОТТОГО СКОРЕЕ ШАГ»

Барabanщик и музыкант
пехотного полка
1763—1786 гг.

▲ Фузилер, фурьер, барабанщик,
валторнист Тенгинского пехотного полка
в парадной строевой форме
1763—1786 гг.

Обмундирование военных музыкантов второй половины XVIII столетия

ВО ВТОРОЙ половине XVIII века русское военное искусство, развивая принципы стратегии и тактики, установленные еще Петром I, достигло невиданного расцвета. Выдающиеся русские полководцы П.А. Румянцев и А.В. Суворов, уделяя большое внимание моральному духу армии, видели в военных оркестрах важное средство патриотического и боевого воспитания, воодушевления и сплочения солдат.

Пехотный строевой устав и «Обряд службы» Румянцева отводят военной музыке значительную роль в боевой подготовке, в повседневной жизни армии и тем более в походах и сражениях. Суворов также придавал большое значение военной музыке. О этом убедительно свидетельствуют следующие его слова: «Хороший и полный хор музыкантов возвышает дух солдат, расширяет шаг; это ведет к победе, а победа к славе».

Новаторские принципы, сформированные великим полководцем в военном деле, вся его неутомимая деятельность оказали прямое влияние на развитие военной музыки. Важнейшим результатом этого влияния явилось возникновение в конце XVIII века новых видов маршевой музыки — так называемых скорого и беглого маршей, которые отличались от тихого церемониального марша значительно более быстрым темпом и предназначались не для помпезного, чинного движения во время парадов, а для ускоренного передвижения войск, как этого требовал в боевых условиях Суворов.

Публикацию подготовил
капитан 1 ранга в отставке
Е.Н. КОРЧАГИН

Трубочка карабинерского полка
1786—1796 гг.

Иллюстрации из кн.: Военная музыка в Санкт-Петербурге. 1703—2003. СПб.: Арт Деко, 2004. 251 с., ил.

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы. Книги. Учебные пособия» агентства «Роспечать».

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков — 70137. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книги» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу в первом полугодии 2006 года — 26 рублей. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки:
119160, Москва,
Хорошевское шоссе,
д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала».

Электронная версия «Военно-исторического журнала» на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут оформить подписку на журнал с личным получением по адресу: 119160, Москва, Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ, тел.: (095) 157-80-47.

Ежемесячное издание
Министерства
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ноябрь
№ 11
2005 год

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Суды чести
и офицерские
собрания
на страже
военных
традиций.
XIX — начало
XX века

Этапы становления
Вооруженных сил
Казахстана

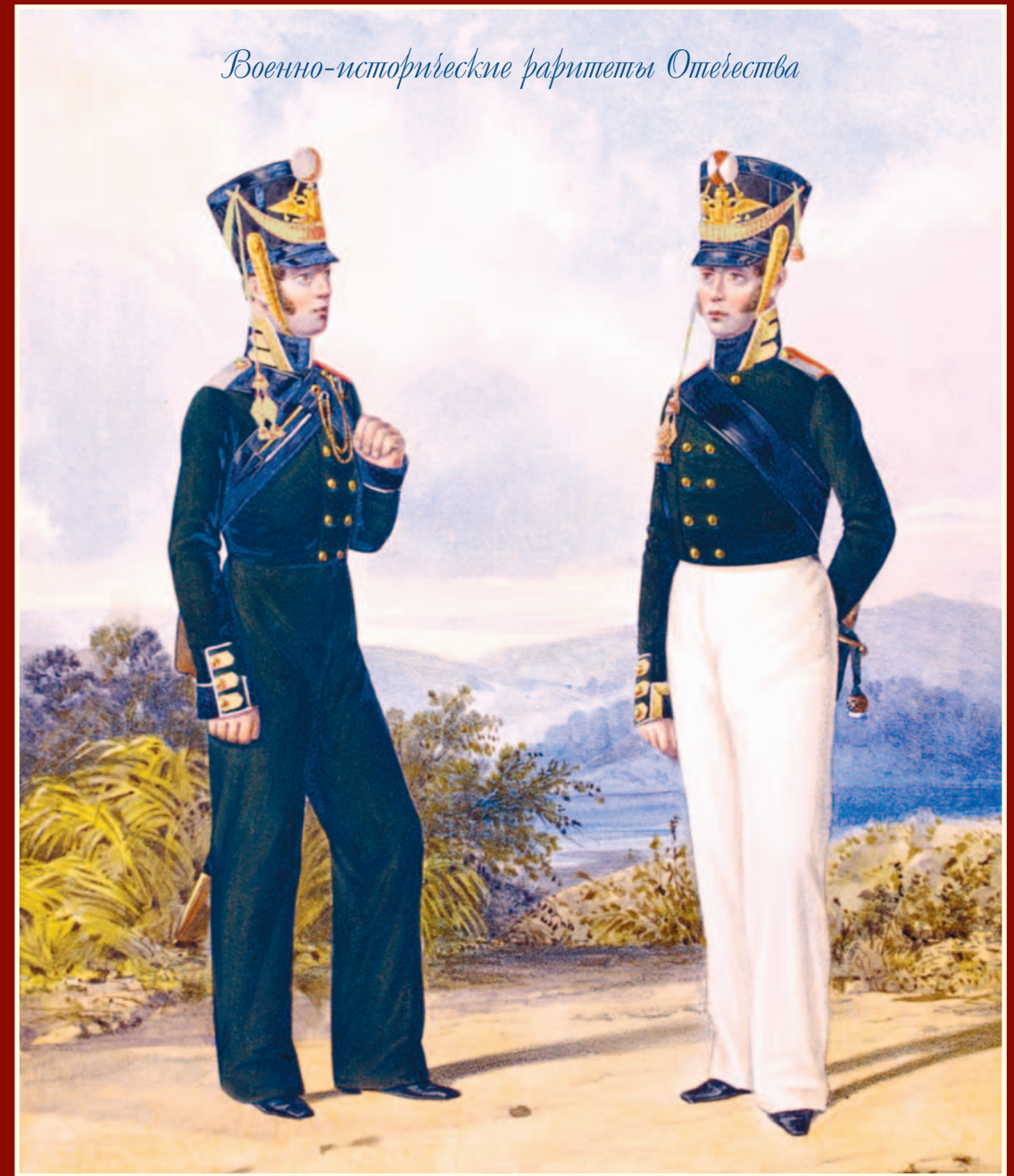
Войсковая
артиллерия
вермахта
в 1941 — 1945 гг.

Гражданская война:
русская армия
генерал-лейтенанта
П.Н.Врангеля

Из
неопубликованных
рукописей
В.М. Догадина:
в Николаевском
инженерном
училище.
1903—1906 гг.

ISSN-0321-0626

Военно-исторические раритеты Отечества

Бомбардир и унтер-офицер артиллерийской команды Гвардейского экипажа
1811 г.

Из коллекций Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи
(Санкт-Петербург)

20 ноября — День ракетных войск и артиллерии
(первоначально установлен 19 ноября,
ныне отмечается в третье воскресенье ноября)

Военно-исторический журнал 2005 № 11 ноябрь

Форма одежды и нагрудные знаки авиаторов Российской императорской армии 1910–1917 гг.

ИСТОРИИ военной авиации Российской Империи посвящено множество книг, статей и публикаций. Но среди обширной и разнообразной информации о подвигах летчиков, их боевом мастерстве, техническом снаряжении и вооружении практически нет сведений о том, какую форму носили первые российские авиаторы. Этой интересной теме еще не уделено должного внимания. Между тем в униформе наглядно отразился тот большой и стремительный путь, который военная авиация прошла за несколько лет, превратившись из рискованного увлечения энтузиастов в перспективные специальные войска. Всего за четыре года авиация перешла от индивидуальных знаков, выделявших только офицеров-летчиков, к единой форменной одежде с широкой системой обозначения частей и специальностей.

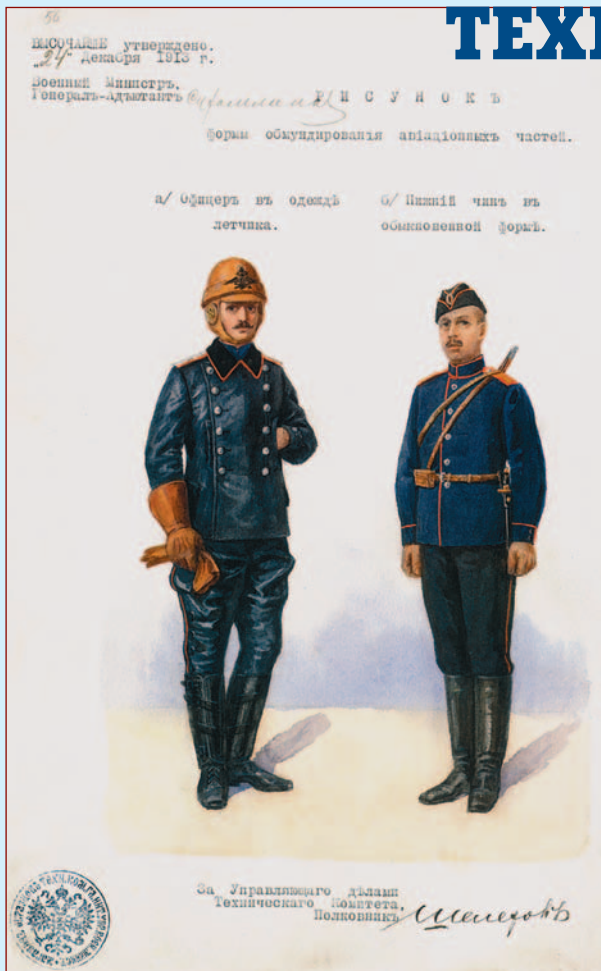
Быстрое становление воздушных сил обусловило причудливое сочетание в авиационной форме разных традиций. В ней в значительной мере присутствовали заимствования от формы воздухоплателей и инженерных войск, напоминавшие об их большом вкладе в становление авиации. В то же время немало элементов было взято из морской униформы в знак признания авиации пусть и воздушным, но все-таки флотом, а также как свидетельство живого участия в ее организации вице-адмирала великого князя Александра Михайловича.

К сожалению, война и внутренние потрясения государства не позволили провести полную унификацию авиационного обмундирования. В результате к 1917 году наряду с основной формой существовали ее разновидности. Так, совершенно особый внешний вид имели слушатели авиационных школ, ориентировавшиеся на форму военно-учебных заведений. Собственная система была у служащих управленческих структур авиации, следовавших мундиру Военного министерства, но с добавлением летных элементов. Своим путем шла морская авиация, в которой доминировали традиции флота.

Несмотря на введение авиационной униформы, военным летчикам разрешалось носить форму тех частей, которые командировали их для службы в отрядах, ротах, парках и дивизионах. Это обстоятельство свидетельствовало о пока еще не обособленной кадровой системе российской авиации. Зато в ней сложилась разветвленная схема внешних отличий по специальностям и квалификации — логическое продолжение довоенного восприятия авиации как немногочисленного рода войск, опирающегося на индивидуально подготовленных солдат и офицеров.

А.В. КИБОВСКИЙ

Иллюстрации из кн.: Кибовский А.В., Степанов А.Б., Цылаков К.Б. Униформа российского военного воздушного флота. Т. 1. М.: Фонд содействия авиации «Русские витязи», 2004.

Высочайше утвержденный 24 декабря 1913 года рисунок формы обмундирования авиационных частей

Мундир образца 1914 года для офицеров авиационных частей

Николай II в сопровождении великого князя Александра Михайловича осматривает первый выпуск Офицерской школы авиации Отдела воздушного флота 26 октября 1911 г.

Офицер и военный чиновник Управления военного воздушного флота Военного министерства в парадной форме, установленной в октябре 1916 г. Реконструкция

Нагрудный знак летчика-наблюдателя офицера Генерального штаба 1914 г.

Погоны летчика авиационного отряда Гренадерского корпуса старшего унтер-офицера из вольноопределяющихся С.В. Бейера Ноябрь 1916–1917 гг.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
РАРИТЕТИ
ОТЕЧЕСТВА

«ВОЗДУШНАЯ РЫЦАРСКАЯ ТЕХНИЧЕСКОЕ

«ЗА ВЕРУ, ЗАКОН И ПАСТВУ»

Ордена Российской Империи: орден Белого орла

Крест, звезда и лента ордена Белого орла

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
РАРИТЕТИ
ОТЕЧЕСТВА

Портрет императора Николая I. Неизвестный художник середины XIX в.

Крест ордена Белого орла с короной и мечами. Крест ордена Белого орла

Цепь с крестом ордена Белого орла. Мастер Н.В. КЕЙБЕЛЬ. 1829 г.

ПОСЛЕ третьего раздела Польши (1795) прекратили свое существование польские ордена Белого орла и Св. Станислава. Их возрождение связано с императором Александром I. После поражения Наполеона в 1815 году Александр I объявил о возрождении польских орденов Белого орла и Св. Станислава для награждения подданных Царства Польского, входившего в состав Российской Империи. С этого времени на кресте ордена Белого орла появилась монограмма Александра I. Знак этого ордена состоял из белого одноглавого орла с короной, наложенного поверх золотого четырехконечного креста с синей эмалью с расширяющимися раздвоенными концами и золотыми шариками на них. В центре золотой звезды ордена помещалось изображение серебряного креста с лучами по концам. На концах креста — девиз ордена: PRO FIDE LEGE ET GREGE (За веру, закон и паству).

В начале царствования Николая I орденская система подверглась многочисленным реформам. В ноябре 1831 года к числу российских императорских орденов были причислены два ордена Царства Польского: Белого орла и Св. Станислава.

Орден Белого орла был значительно видоизменен. Помещенный в центральном медальоне золотой звезды девиз ордена стал звучать следующим образом: ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ЗАКОН. Белый одноглавый орел — герб Польского королевства накладывался теперь поверх золотого четырехконечного креста с красной эмалью. Орденский крест с польским орлом, в свою очередь, размещался на середине российского двуглавого орла под тремя коронами.

Орден Белого орла в иерархии российских орденов занял высокое место вслед за орденом Св. Александра Невского. За период с 1831 по 1917 год им были награждены около полутора тысяч человек.

Иллюстрации из кн.: Польза. Честь. Слава. Награды России. М.: ИПЦ «Художник и книга», 2004. 300 с., ил.

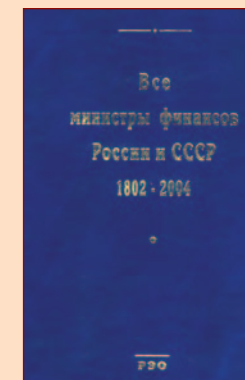
• **К читателям «Молодежного военно-исторического журнала»**

ВКНИГЕ* собраны биографии всех министров финансов России. Здесь читатель найдет как широкоизвестные, так и малоизвестные факты из жизни и деятельности тех, кто возглавлял Министерство финансов России и СССР на протяжении более чем 200 лет — с начала XIX до начала XXI века. Их личная история переплетается с историей нашей страны, принимаемые ими решения зачастую касались буквально каждого жителя России. Подробные биографии многих

РЕДКАЯ КНИГА — ПОБЕДИТЕЛЮ КОНКУРСА

министров, собранные по архивным источникам, воспоминаниям самих министров и их родных, публикуются впервые. В книге использованы фотографии из личных архивов. В выбранном формате (все министры за два столетия) не было возможности дать полноценные жизнеописания этих выдающихся личностей, хотя многие из них заслуживают отдельной книги или даже многотомника. Тем не менее впервые обо всех министрах собрана такая подробная информация. Перед читателями проходят удивительно разно-

родные люди, некоторые из которых состоялись не только как министры финансов, но и как писатели, экономисты, военные деятели, коллекционеры, чекисты, музыканты-любители, бизнесмены, садоводы, революционеры, патриоты, оппозиционеры и т.д. Одни были «сухарями» и старыми холостяками, другие — лихими кавалерами и многодетными отцами. Министерство — всегда единичное, и всю ответственность несет министр. Поэтому биографии министров финансов дают и «биографию» Министерства финансов.

Эту книгу получит в подарок победитель конкурса (условия см. на с. 74–75).

* Федоров Б.Г. Все министры финансов России и СССР. 1802 — 2004. М.: Русское экономическое общество. 2004. 632 с., ил.

Основан
в августе 1939 года

Учрежден
Министерством
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ноябрь
№ 11 (547)
2005 год

- ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ** 3 **MILITARY TRAINING AND EDUCATION**
В.М. КОРОВИН, В.А. СВИРИДОВ — Суды чести и офицерские собрания на страже военных традиций в XIX — начале XX века
V.M. KOROVIN, V.A. SVIRIDOV — Courts martial of honor and officers' meetings standing on guard of military traditions in XIX — beginning of XX centuries
- ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО** 7 **MILITARY CONSTRUCTION**
Х.С. МУХАНБЕККАЛИЕВ — Вооруженные силы Республики Казахстан: этапы становления
Kh.S. MUKHANBETKALIEV — The Armed Forces of the Republic of Kazakhstan: stages of formation
- В.Г. КИКНАДЗЕ — Радиоразведка отечественного Военно-морского флота в войнах первой половины XX века 13
V.G. KIKNADZE — Radio reconnaissance of this country Navy in wars of the first half of XX century
- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ** 17 **THE GREAT PATRIOTIC WAR: COMMANDERS AND CHIEFS**
А.А. ПЕЧЕНКИН — Командующие фронтами 1944 года
A.A. PECHENKIN — The Front commanders of 1944
- ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ** 23 **DOCUMENTS AND MATERIALS**
Германия накануне операции «Багратион» (Публикация В.И. ЛОТЫ)
Germany on the eve of the operation of "Bagration" (Publication of V.I. LOTA)
- ФРОНТОВОЙ АЛЬБОМ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»** 26 **BATTLE ALBUM OF "VOENNO-ISTORICHESKIY ZHURNAL"**
Н.В. ПАЛЬЧИКОВ — Отважный комбат
N.V. PALJCHIKOV — Courageous battalion commander
- ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ** 28 **FROM HISTORY OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT**
А.М. СУДАРИКОВ — Центр развития химической науки отечественного военно-промышленного комплекса
A.M. SUDARIKOV — Center of chemical science development of the military-industrial complex of this country
- А.В. ЛОБАНОВ — Войсковая артиллерия вермахта в 1941—1945 гг. 31
A.V. LOBANOV — Wehrmacht's field artillery in 1941—1945
- ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ** 35 **MILITARY HISTORIC HERITAGE**
В.И. КОРЯВКО — «Ни один из способных полководцев никогда не выбирал выжидательного положения...»
V.I. KORYAVKO — "No one of capable commanders chose temporizing position..."
- ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ** 36 **HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY**
М.И. ИВАШКО — Военные храмы армии и флота России
M.I. IVASHKO — Military temples of Russia's Army and Navy
- НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ** 44 **UNKNOWN FROM THE SPECIAL SERVICES LIFE**
О.М. ХЛОБУСТОВ — «Советские люди вправе знать о деятельности... органов КГБ»
O.M. KHLOBUSTOV — "Soviet people have the right to know about activities ... of the KGB organs"
- ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА** 49 **THE CIVIL WAR**
Ю.Л. КУШЕР — Русская армия генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля
Yu.L. KUSHER — Lieutenant-General P.N. Vrangel's Russian Army
- МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ** 54 **BETWEEN THE TWO WORLD WARS**
В.А. ИВАНЦОВ, А.М. ШЕЛЕПОВ, П.Ф. ГЛАДКИХ — О подготовке к войне медицинских служб приграничных военных округов СССР
V.A. IVANTSOV, A.M. SHELEPOV, P.F. GLADKIKH — About preparation to the war of medical services of the USSR frontier military districts
- ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ** 59 **EPOQUE REFLECTED IN BIOGRAPHIES**
В.Д. МАТВЕЕВ — Альфонсо Ферреро Мармора установил дипломатические отношения Италии с Россией
V.D. MATVEEV — Alfonso Ferrero Marmora established diplomatic relations of Italy with Russia

МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ * * THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE

- ЗАБЫТОЕ ИМЯ** 63 **FORGOTTEN NAME**
Е.П. АБРАМОВ — Суворов называл его «храбрым капитаном»
E.P. ABRAMOV — Suvorov used to call him "brave captain"
- ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА** 66 **MILITARY CHRONICLE OF THE FATHERLAND**
Б.Г. ШАРОН — Поход канонерской лодки «Грозный» на открытие Немецко-Балтийского канала
B.G. SHARON — Trip of the gunboat of "Groznyashchy" for participation in the opening ceremony of German-Baltic channel
- ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ** 70 **FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS**
В.М. ДОГАДИН — В Николаевском инженерном училище (Публикация З.Д. ЯСМАН)
V.M. DOGADIN — At Nicolas engineer school (Publication of Z.D. YASMAN)
- К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»** 74 **TO THE READERS OF "THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE"**
А.С. ЖДАНОВСКИЙ — Криптограмма «Маршал Советского Союза Л.А. Говоров»
A.S. ZHDANOVSKY — The cryptogram "Marshal of the Soviet Union L.A. Govorov"
- КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ** 76 **CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY**
М.И. ФРОЛОВ — «Ленинград надо ликвидировать как крупный город»
M.I. FROLOV — "Leningrad should be liquidated as a big city"
- В.Г. ОПОКОВ — Исторические фальсификации XX века 76
V.G. OPPOKOV — Historical falsification of XX century
- В.И. МУСАЕВ — Россия — Эстония: 1939—1940 гг. 78
V.I. MUSAEV — Russia—Estonia: 1939—1940
- П.Д. БУРИКОВ — В польском плену 79
P.D. BURIKOV — In Polish captivity

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ — 6, 48, 53, 73; ХРОНОГРАФ — 38; СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ — 58; КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА — 69; ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» — 75; СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ НОМЕРА — 80

SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION — 6, 48, 53, 73; CHRONOGRAPH — 38; ASK — AND WE SHALL ANSWER — 58; THE BOOKSHELF OF A MILITARY HISTORIAN — 69; THE EDITORIAL MAIL OF "VOENNO-ISTORICHESKIY ZHURNAL" — 75; INFORMATION ABOUT AUTHORS AND REVIEWERS OF THE ISSUE — 80

VOYENNO-
ISTORICHESKIY
ZHURNAL

11

(547) 2005 November

The Journal of Military History

Edition of the Ministry of Defense
of the Russian Federation
Founded in August, 1939

В ОЧЕРЕДНЫХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА

Полководцы и военачальники

И.Х. Баграмян:
«... Надо, обязательно
надо наступать»

Против лжи и фальсификаций

Под видом поиска
исторической правды

Военная летопись Отечества

Главное управление
специального
строительства:
этапы пути

Локальные войны и вооруженные конфликты XX века

В декабре 1972 года
вьетнамские летчики
на советских МиГах
мужественно
отражали удары
американской
авиации

Военное строительство

«Центр тяжести
оперативной работы
должен непременно
лежать в морском
штабе его
величества...»

Из истории вооружения и техники

Военная
авиаиндустрия
Ленинграда в 20—30-е
годы XX века

У истоков создания
первых
межконтинентальных
баллистических ракет

Решением президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включен в Перечень ведущих научных изданий Российской Федерации, в которых рекомендовано публиковать результаты научных исследований на соискание ученой степени доктора наук

И.А. АНФЕРТЬЕВ — главный редактор «Военно-исторического журнала», капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Редакционная коллегия:

С.В. АВЕРЧЕНКО — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», подполковник (Москва)

В.П. ВОЛОДИН — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба ВС РФ по военно-научной работе, генерал-лейтенант, кандидат технических наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тyla Вооруженных сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛЫЧКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.В. КУЗИНА — ответственный секретарь редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

В.В. МАСОРИН — главнокомандующий Военно-морским флотом, адмирал, кандидат педагогических наук (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

В.И. ОСТАНКОВ — начальник Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор военных наук, профессор (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.И. РЕЗНИК — начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ, генерал-полковник, доктор политических наук, кандидат экономических наук (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

С.Е. РЫБАКОВ — начальник Управления информации и общественных связей МО РФ — заместитель начальника Аппарата министра обороны РФ, полковник, доктор философских наук, профессор (Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник (г. Подольск Московской области)

Редакционный совет:

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник Научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

Л.П. ЗАПРЯГАЕВА — директор Российского государственного архива кинофотодокументов, заслуженный работник культуры РФ (г. Красногорск Московской области)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЕВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЕВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — начальник Центрального музея Вооруженных сил, полковник (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

А.А. ЧУРИЛИН — директор Историко-документального департамента МИД РФ (Москва)

РЕДАКЦИЯ:

научные редакторы:

Ю.А. ГЛУШКОВА;
Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;
В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;
О.В. КАРПОВА, полковник;
В.Г. КИКНАДЗЕ, капитан 3 ранга, кандидат военных наук;

В.Г. ОППОКОВ, капитан 1 ранга в отставке;
А.В. ОСТРОВСКИЙ;
А.А. ПИМЕНОВ, полковник в отставке

секретариат:

Ю.В. СНЕГОВА (заместитель ответственного секретаря);
К.Н. АГАФОНОВА;
М.В. ЗАБРОДИНА;
Е.В. КРИГЕР

литературная редакция:

О.К. ГРАЧЕВА, заслуженный работник культуры РФ;
А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса;
Г.В. САТИК

художественные редакторы:

Л.П. ДЕМАХИНА;
Т.Г. ПИМЕНОВА

заведующая редакцией:

М.П. МОИСЕЕВА

СУДЫ ЧЕСТИ И ОФИЦЕРСКИЕ СОБРАНИЯ НА СТРАЖЕ ВОЕННЫХ ТРАДИЦИЙ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

СОЗДАНИЕ Петром I регулярной русской армии привело к формированию новой прослойки в воинской среде — офицерского корпуса. Первоначально, как известно, это были в основном иностранцы, имевшие опыт командно-штабной службы в европейских армиях, ради которого в общем-то их и приглашали в Россию. Вместе с боевым опытом иностранцы принесли с собой и опыт поведенческой культуры, царившей в западно-европейской офицерской среде. Этот опыт, с поправками на российские условия, и лег в основу системы нравственных правил, которые стали определять и службу, и быт офицера. Порядок применения этих правил контролировался не только непосредственно начальниками — командирами полков, дивизий, учебных заведений, но и самим офицерским сообществом. Силу этого «общественного мнения» хорошо понял еще Петр I. В своем указе в 1720 году он писал: «Во всех полевых и гарнизонных полках объявить, что ежели в которых полках явятся такие офицеры, что за шумством и другими непотребными их поступками в службе им быть невозможно, таких свидетелемствовать всем того полка штаб- и обер-офицерам по совести и под присягой и те свидетельства заручать, описывая обстоятельно их шумство и другие непотребные их поступки, и потом каждому аншефу такие подлинные свидетельства, при своем доношении, присылать для решения в военную коллегию»¹. Таким образом, офицера за «непотребные» поступки, по существу, нельзя было уволить или серьезно наказать без согласия сослуживцев — офицеров полка. Последнее обстоятельство имело как положительные, так и отрицательные стороны. В 1829 году указом императора Николая I вся власть, при решении вопросов морали сосредоточилась в руках непосредственных командиров, что позволяло избавиться от неугодного без особых хлопот². Но вскоре стало понятно, что совсем без общественного воздействия все же не обойтись, и со второй половины XIX века в войсках вводятся суды чести, а позднее создаются и общества офицеров³. Наиболее интенсивно эта работа шла в ходе проведения Д.А. Милютинных военных реформ.

В «Положении об охранении воинской дисциплины и взысканиях дисциплинарных», введенном в действие приказами военного министра № 249 (1863 г.) и № 131 (1865 г.), устанавливались «Особенные правила об увольнении от службы по приговору суда общества офицеров». В них указывалось, что «для охранения достоинства военной службы офицеры, замеченные в недоброжелательном поведении или поступках, хотя не подлежащих действию военно-уголовных законов, но не совместных с понятиями о воинской чести и доблести офицерского звания или изблаженных в офицере отсутствие правил нравственности и благородства, подвергаются суду офицерского общества. Суду этому представляется также разбор случающихся между офицерами ссор и обид»⁴. При этом поступки офицеров, связанные с нарушением обязанностей службы, воинского чинпочитания или противоречащие долгу службы и присяги, суду общества офицеров не подлежали.

Суды общества офицеров учреждались при полках, отдельных батальонах, артиллерийских брига-

дах, а также могли быть созданы в других отдельных частях военного ведомства (в штабах, в инженерных командах, в крепостных гарнизонах и т.д.). Их юрисдикции подлежали лишь обер-офицеры⁵. В случаях, когда штаб-офицеры оказывались виновными в поступках, несовместимых «с доблестью офицерского звания», они увольнялись со службы «с особого высочайшего на то разрешения».

Суд общества офицеров в полках состоял из семи человек, избираемых из числа штабных офицеров, ротных командиров и офицеров не ниже штабс-капитанского звена, в отдельных батальонах, артиллерийских бригадах и равных им воинских частях — из пяти, избираемых из числа штаб- и обер-офицеров: трех — не ниже штабс-капитана, двух — не ниже поручика. Сверх определенного числа членов, на случай убыли, избирались два кандидата: в полках — не ниже штабс-капитана, а в отдельных батальонах, артиллерийских бригадах — не ниже поручика.

Члены суда и кандидаты избирались следующим образом. В приказе по полку объявлялся день и час выборов. Все штаб- и обер-офицеры собирались в назначенное место и по команде старшего из присутствовавших каждый из них писал на карточке фамилию избираемых членов и кандидатов суда. Карточки (без подписи) собирались полковым адъютантом, который подсчитывал, сколько голосов получил каждый из избираемых. Девять (в батальоне — семь) офицеров, получивших наибольшее число голосов, считались избранными. Из них двое младших по званию назначались кандидатами. Избрание в члены суда и в кандидаты производилось ежегодно с объявлением результатов выборов в приказе по каждой воинской части.

ФУНКЦИОНИРОВАЛ суд общества офицеров следующим образом. Прежде всего следовало удостовериться в справедливости предъявляемых обвинений, для чего существовал особый совет посредников⁶, на который возлагались: а) производство дознания о справедливости или несправедливости обвинения; б) первоначальный разбор ссор, случающихся между офицерами; в) изыскание средств к их примирению⁷. Напомним, что провинности, связанные с нарушением служебных обязанностей, суды не рассматривали, поэтому, когда не знали как квалифицировать тот или иной проступок, обращались за разъяснениями к командиру полка⁸.

Если по окончании дознания посредники признавали обвинение недоказанным, старший из них докладывал об этом командиру полка, и совет прекращал свои действия. Если же обвинение подтверждалось, совет был вправе, опять-таки с разрешения полкового командира, предложить обвиняемому оставить полк и подать просьбу об отставке, назначая ему для размышления трехдневный срок. В случае отказа офицера подать такое прошение совет представлял подробный доклад о результатах дознания командиру полка.

Командир полка, получив донесение, принимал решение: следует или нет приступать к обсуждению проступка офицера с целью выявления степени его вины, при этом предметом рассмотрения являлось лишь то, о чем было доложено посредниками.

Председательствующим на суде общества офицеров назначался один из штаб-офицеров. Председатель не принимал участия ни в обсуждении дела, ни в составлении приговора: он лишь наблюдал за поддержанием порядка и соблюдением правил, установленных для ведения суда и составления приговора.

Надо отметить, что ответчик имел право потребовать отвода кого-либо из членов суда, равным образом и последние могли просить суд освободить их от участия в заседании. Окончательное решение по этому вопросу оставалось за судом (при решающем мнении председателя).

Решение суда принималось большинством голосов в отсутствие обвиняемого. При равенстве голосов мнение признавалось в пользу обвиняемого. Если ответчик не являлся в суд без уважительной причины, решение могло приниматься заочно, причем вплоть до удаления его из полка. Решение, подписанное председателем и всеми членами суда, объявлялось привлекаемому к ответственности офицеру немедленно и затем представлялось полковому командиру. Если офицер решением суда оправдывался, полковой командир докладывал об этом по команде, офицер же приказом по полку оставался служить и уже не мог быть за ту же вину уволен по распоряжению вышестоящего командования. Если суд выносил обвинительное заключение, признавая необходимость увольнения офицера из полка (и со службы), полковой командир представлял донесение об этом корпусному командиру с приложением приговора суда. При этом в высочайшем приказе и в указе об отставке офицера, как правило, не объяснялись причины его увольнения и не упоминалось, что офицер уволен по приговору суда общества офицеров, за исключением тех случаев, когда «само общество офицеров по свойству проступка признавало необходимым означить в приказе, что офицер уволен по приговору суда» с указанием причины увольнения⁹. Офицер, уволенный по приговору суда общества офицеров, не мог быть вновь принят на службу иначе, как с особого высочайшего разрешения.

Хотя протесты на решение суда подавать не допускалось, обвиненный судом офицер имел все же возможность в течение тридцати суток подать командиру полка жалобу на нарушение тех или иных процессуальных правил, что могло послужить поводом к пересмотру дела, а следовательно, и к принятию иного решения.

При увольнении со службы по приговору суда честный офицер не имел права для доказательства своей невиновности подавать иски в гражданский суд. Считалось, что «колебать нравственно обязательную силу заключения общества офицеров значило бы ослабить самое значение суда и доверие в нравственной справедливости его приговора. С предостережением обвиняемому права требовать формального суда не достигалась бы и самая цель офицерского суда»¹⁰.

ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ влияние на служебную деятельность и повседневное поведение офицеров оказывали офицерские собрания полков¹¹. Трудно назвать конкретную дату рождения офицерских собраний в России, но истоки их становления можно отнести к началу XVIII века.

В 1718 году в Петербурге существовали ассамблеи — дворянские собрания, которые устраивались не только для забавы, танцев и пиршества, но и для дела, где «можно было не только друг друга увидеть, но и о всякой нужде переговорить». Непременными их участниками были обер-офицеры. С этого, видимо, и повели свое начало офицерские собрания, которые обеспечивали общение и воспитание офицеров и их семей не только в столичных, но и в отдаленных воинских гарнизонах Российской Империи.

В 1776 году с согласия Екатерины II состоялось торжественное открытие с балом и ужином Кронштадтского морского клуба, который в то время объединял около 70 человек и содержался на взносы своих чле-

нов, имел специальное помещение, где можно было собираться с 17 до 24 ч. В клубе имелись газеты, журналы и другая как специальная, так и художественная литература. Члены собрания имели возможность играть в шахматы, шашки, бильярд и, конечно, обсуждать служебные вопросы. Два раза в неделю в клубе устраивались товарищеские ужины, раз в месяц проводились танцевальные вечера, на которые приглашались гости и члены семей офицеров¹².

В 1779 году был образован клуб штаб- и обер-офицеров Новгородского пехотного полка в г. Тихвине, в 1782-м — военный клуб в Санкт-Петербурге. Создавались они в основном для установления добрых отношений между сослуживцами, их сближения, совместного проведения свободного времени.

Дальнейшее развитие офицерских собраний связано с именем графа А.А. Аракчеева — председателя военного департамента Государственного совета, под руководством которого создавались военные поселения. В 1824 году по его инициативе было приказано в поселенческих войсках устраивать библиотеки и «офицерские рестораны». Устав аракчеевских военных собраний запрещал иметь в ресторанах «горячие напитки», «употреблять шампанское вино», брать что-либо «на запиши», т.е. в долг. В то же время офицерам предоставлялся дешевый «стол», разрешалось устраивать вечера с музыкой, играть в шахматы, шашки, карты. Приезжим офицерам предоставлялись «покои с удобствами». После расформирования поселенческих батальонов прекратили существование и эти собрания.

В начале 60-х годов XIX века в Санкт-Петербурге возник кружок офицеров инженерных войск, собиравшихся в Петропавловской крепости для изучения военно-технических вопросов, в 1864 году в Новгородской губернии был образован саперный офицерский клуб, который служил уже не только для научных занятий офицеров, но и для проведения ими свободного времени, отдыха и развлечения.

В 1869 году мысль об устройстве военных (офицерских) собраний в войсках заинтересовала Военное министерство и по высочайшему повелению была учреждена комиссия по образованию в войсках офицерских собраний и военных библиотек. Работа этой комиссии проходила настолько успешно, что уже в 1871 году с одобрения военного министра Д.А. Милютина во многих частях Варшавского, Виленского и Финляндского военных округов организовались военные собрания.

«Общие офицерские столы» получили распространение и во время выхода частей в лагерь. Это позволяло удешевить жизнь офицеров, и к тому же они становились чуть ли не единственным местом, где могли собираться и семья.

В 1873 году было принято первое «Положение об офицерских собраниях», в результате чего к концу следующего года военные собрания стали открываться практически во всех дивизиях и гарнизонах. Так как их уставы нередко отличались друг от друга, то «Положением об офицерских собраниях в отдельных частях войск» (1881 г.) был введен как бы единый устав, требовавший от любого офицерского собрания укрепления корпоративного духа его членов, утверждения и поддержания должных товарищеских отношений, содействия развитию и совершенствованию военного образования, поддержания офицеров материально, организации отдыха и досуга. В офицерском собрании размещались столовая, библиотека, фехтовальные и гимнастические залы, бильярд, тир, игровые и другие комнаты.

В дальнейшем была продолжена работа по совершенствованию структуры офицерских собраний, конкретизации прав и обязанностей их членов.

Офицерское собрание находилось в прямом ведении командира части, являвшегося его председателем. Все штаб- и обер-офицеры, проходившие службу под руководством последнего, а также прикоман-

дированные к части обязательно состояли членами офицерского собрания. Врачи и чиновники военного ведомства, занимающие штатные должности, не состояли его членами, но могли посещать собрание на правах временных членов. По традиции почетными членами собрания являлись бывшие командиры, которым высочайшим указом был пожалован мундир части. Подпрапорщики, эстандарт-юнкера и подпоручики допускались в столовую, пользовались библиотекой и участвовали в тактических занятиях, но всякие игры в собрании им воспрещались.

В собрание входили его действительные и временные члены, имеющие разные права и обязанности. Действительные присутствовали на общих собраниях в обязательном порядке, а временные имели право участвовать в них, когда рассматривались вопросы выборов исполнительных органов собрания или какие-то хозяйственные проблемы. Временные члены не могли приводить в собрание посторонних лиц (гостей). В установленные дни и часы собрание разрешалось посещать членам семей офицеров и их знакомым (семейные вечера).

НЕСМОТРЯ на то что офицерские собрания являлись местом культурного отдыха, где каждый мог чувствовать себя совершенно непринужденно, это не означало, что забывались воинская дисциплина, этикет, воинские правила поведения. Соблюдению офицером чести и достоинства как на службе, так и вне ее придавалось огромное значение.

В театре, в гостях, в поезде, в ресторане или в гостинице — всюду офицер должен был помнить, что он носит мундир русской армии¹³. На семейных вечерах все держали себя просто, как в единой культурной семье. Обычно офицеры и члены их семей здоровались за руку. Законом для офицера было уважение к женщине (ни один офицер не садился, если стояли женщины). Обычно семейные вечера, а также проводы офицера, переведенного в другую часть, заканчивались ужином, где присутствовали все офицеры части и где, несмотря на свободу общения, все было полно строгого приличия: даже после выпитого вина не проскальзывала невольная шутка, никто не фамильярничал со старшими и не позволял себе бестактности в виде намека на протекцию, все это считалось дурным тоном¹⁴. Автор статьи «Заметки о развитии военных познаний и общих военных принципов в среде офицеров нашей армии» Э.Ф. Свидзинский писал: «Офицер должен воздерживаться от всяких увлечений и от всех действий, могущих набросить хотя бы малейшую тень на него лично, а тем более на корпус офицеров. Слово офицера всегда должно быть законом правды, а потому ложь, хвастовство, неисполнение обязательств — пороки, подрывающие веру в правдивость офицера, бесчестят его звание и не могут быть терпимы»¹⁵.

Офицерское собрание полка могло ходатайствовать о переводе из полка офицеров, чем-то запятнавших свою честь, и даже об увольнении их со службы. Но при этом офицеру предоставлялась возможность и самому подать соответствующий рапорт.

Под пристальным вниманием офицерского собрания находились даже такой сугубо, казалось бы, личный вопрос, как выбор офицером невесты. При этом до 23-летнего возраста офицеру запрещалось вступать в брак¹⁶. Суждение общества офицеров о пристойности брака было строгим, но логичным. Не разрешалось жениться на опереточной актрисе или цыганке из хора, на дочери человека неблаговидной профессии, например ростовщика. Если семья невесты своим образом жизни, поведением, воспитанием показывала, что находится в положении более низком, нежели подобает быть людям, допускаемым в офицерскую среду, разрешение на свадьбу ставилось под сомнение. В то же время бедность невесты, ее национальное происхождение, скромность общественного положения не являлись препятствием к

положительному решению вопроса о браке¹⁷. В приказе военного министра № 134 (1909 г.) говорилось: «Вопрос о пристойности брака обер-офицеров, предварительно окончательного разрешения брака, передавать на обсуждение суда чести».

ВАЖНЫМ элементом сплочения офицерского коллектива являлись общие собрания офицеров части, являющиеся высшим органом офицерского собрания. Они проводились с разрешения командира, о чем объявлялось в приказе с указанием дня, времени и вопросов, выносимых на обсуждение. Как правило, обсуждались вопросы службы, быта офицеров, материальной обстановки, чести и достоинства, установления денежных взносов на нужды офицерского собрания, выборов в распорядительный комитет и членов суда общества офицеров и др.

Общее собрание назначалось в дни, свободные от службы, и присутствие офицеров на нем было строго обязательным. Никто не имел права оставить собрание до его закрытия, уклониться от участия в общем голосовании или передать свое право голоса другому. Вел собрание председатель, каждый раз назначаемый командиром части из числа штаб-офицеров. Вопросы решались открытым голосованием, большинством присутствующих, за исключением выборов на различные должности (в распорядительный комитет, суд общества офицеров и т.д.), которые проводились закрытым голосованием, а результаты объявлялись приказом по части, причем командир части не имел права изменить решение собрания по выборам.

Офицеру предоставлялось право посещения офицерского собрания любой части, но чаще всего каждый предпочитал посещать свое полковое.

В офицерских собраниях кроме обычных правил приличия должны были точно соблюдаться все требования дисциплины, за чем следил старший в чине. Весьма строгими были правила допуска в офицерские собрания лиц, не являвшихся их членами. Офицер нес моральную ответственность за того, кого он вводил в собрание, и не имел права покинуть собрание, пока там находились приглашенные им лица. Как правило, офицер приглашал приглашенного другим офицером и их женам. В первую очередь его представляли командиру части и старшему в офицерском собрании. Все правила офицерского собрания распространялись и на приглашенных лиц.

В гвардии в силу особенностей ее комплектования и достаточно привилегированного положения офицеров традиции позволяли в отдельных случаях не приглашать командира полка (несмотря на то что он был председателем собрания) на отдельные собрания офицеров. В качестве примера можно привести довольно любопытный случай из воспоминаний князя В.С. Трубецкого о проведении одного общего собрания офицеров: «Собрание это хорошо сохранилось у меня в памяти. Дело касалось полковой чести, а на таких собраниях командир не присутствовал. Полковой командир, хотя и носил нашу кирасирскую форму, однако, как бывший кавалергард, то есть выходец из чужого полка, не считался коренным «синим кирасиром». Посему традиции официально не позволяла ему участвовать в обсуждении интимных и деликатных полковых вопросов, касающихся тесной офицерской корпорации полка. С решениями же общих собраний полка командир обязан был считаться, даже если они шли вразрез с его личными желаниями. Таково уж было положение в гвардии»¹⁸. Впрочем, надо сказать, что преимуществ, которые имели офицеры гвардии и Генерального штаба, болезненно воспринимались армейцами, что не способствовало созданию в России единой офицерской касты.

В заключение отметим, что последним мероприятием, нацеленным на сплочение русского офицерского корпуса, было общее собрание I съезда офицеров армии и флота, состоявшееся 21 мая 1917 го-

да, на котором был утвержден устав Союза офицеров армии и флота. Правда, просуществовал союз недолго: после Октябрьской революции 1917 года деятельность офицерских собраний была прекращена на долгие годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Фалецкий А.* Суды чести в Пруссии. Возможны ли подобные суды у нас? // Отечественные записки. СПб., 1863. Т. СXLVII. С. 265.

² Там же. С. 267.

³ Значительное влияние на организацию судов чести в русской армии оказала Пруссия, в которой они впервые появились в 1808 г. Первоначально на решение прусских судов чести передавались только те проступки, которые считались недостойными офицерского звания (пьянство и т.п.), при этом их власть была ограничена: если две трети голосов были поданы против обвиняемого, то он только лишался производства в следующий чин. С 1843 г. королевским указом была определена следующая цель судов чести: «...охранять как общую честь целого товарищества, так и честь каждого отдельного лица против тех сочленов, которых поступки не соответствуют истинному понятию о чести вообще. Им предоставлено право выключать подобных товарищей из своей среды, для того чтобы честь прусского офицера сохранялась неприкосновенною, а молва как о каждом члене, так и о всем сословии осталась незапятнаною» (см.: *Фалецкий А.* Указ. соч. С. 238—239).

⁴ Цит. по: *Анисимов А.* Новый дисциплинарный устав. Варшава, 1879. С. 52.

⁵ К началу Первой мировой войны в сухопутных войсках обер-офицерами являлись младшие офицеры: прапорщик, подпоручик, поручик, штабс-капитан, капитан; на флоте — мичман, лейтенант, старший лейтенант; в кавалерии — прапорщик, корнет, поручик, штабс-ротмистр, ротмистр.

⁶ Совет посредников в каждом полку состоял из пяти обер-офицеров (по одному из каждого чина, где не было пяти обер-офицерских чинов — по два одного и того же чина), избираемых на год всем обществом офицеров воинской части. В посредники могли избираться и штаб-офицеры, заменяя в таком случае в составе совета обер-офицеров.

⁷ Наши офицерские суды. СПб., 1865. С. 53.

⁸ По свидетельству ротмистра В.М. Кульчицкого, в числе поступков офицеров, разбирающихся в полковом суде чести, могли быть: «драка между офицерами, заем денег в долг у нижних чинов, игра с нижними чинами в карты, на бильярде, привод в офицерское собрание лиц сомнительного поведения, писание анонимных писем, нечестная игра в карты, отказ от уплаты карточного долга, двусмысленное ухаживание за женой товарища по полку, появление в общественном месте в нетрезвом или неприличном виде и т.п.» (См.: *Кульчицкий В.М.* Советы молодому офицеру. Харьков, 1917. С. 18—19).

⁹ Наши офицерские суды. С. 60.

¹⁰ *Анисимов А.* Указ. соч. С. 52.

¹¹ В «Военной энциклопедии» И.Д. Сытина военные собрания трактуются как «правильно организованные военные товарищества, направленные к объединению и взаимному сближению своих сочленов, к облегчению им развития специальных знаний и к представлению разумных и полезных развлечений и удобств жизни» (См.: *Военная энциклопедия.* СПб., 1912. Т. 2. С. 612).

¹² См. подробнее: *Островский А.В.* «Пользовался всеобщей любовью и уважением». Штрихи к портрету одного из основателей Кронштадтского морского собрания И.П. Бунина // *Воен.-истор. журнал.* 2003. № 11. С. 74

¹³ Так, в Санкт-Петербурге в 1911 г. существовал четкий перечень заведений, которые офицер имел право посещать и где он не должен был появляться. К первым относились Императорский аэроклуб, Императорское автомобильное общество, яхт-клуб, дворянское, купеческое, благотворное собрания, литературно-художественное общество. В числе запрещенных для посещения офицерами заведений были частные клубы и собрания, где велись азартные игры, «Варьете», Яр-ресторан, мелкий кинематограф, рестораны и гостиницы низших разрядов, все трактиры, чайные, пивные, а также буфеты 3-го класса на станциях железных дорог. См.: *Морихин В.Е.* Традиции офицерского корпуса России. М., 2003.

¹⁴ Военный сборник. 1898. № 11. С. 120.

¹⁵ О долге и чести воинской в Российской армии. Собр. материалов, документов и статей / Сост. Ю.А. Голушко, А.А. Колесников. М., 1991. С. 110.

¹⁶ *Чиненный С.А.* Почему гусар не мог жениться // *Воен.-истор. журнал.* 2000. № 2. С. 32.

¹⁷ Российские офицеры // *Воен.-истор. журнал.* 1994. № 1. С. 48.

¹⁸ *Трубецкой В.С.* Записки кирасира. М., 1991. С. 186.

**Полковник В.М. КОРОВИН;
полковник В.А. СВИРИДОВ**

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

Международная конференция в Вашингтоне

ДЕЛЕГАЦИЯ Ассоциации офицеров запаса Вооруженных сил (Мегапир) по приглашению американской стороны приняла участие в работе международной конференции, проводимой Ассоциацией Армии Соединенных Штатов Америки. Всего в конференции приняли участие делегации около 40 стран. Российскую возглавил председатель Совета директоров ассоциации А.Н. Канышин. В состав делегации вошли десять человек, в том числе президент фонда «Офицерское братство» Маршал Советского Союза Д.Т. Язов, президент фонда «Мегапир» маршал артиллерии В.М. Михалкин, председатель правления Ассоциации генерал-полковник Ю.Д. Букреев и другие.

Конференция посвящена рассмотрению особенностей строительства и развития вооруженных сил в современных условиях. Она состоялась в Вашингтоне в Большом выставочном центре. Участникам конференции была предложена для ознакомления выставка новейших разработок вооружения и военной техники, представленной более 500 предприятиями военно-промышленных комплексов США и ряда европейских государств. Кроме торжественных мероприятий были проведены дискуссии и обмен мнениями по проблемам развития вооружения и военной техники, применения войск с учетом новых вызовов. Также члены делегации приняли участие в обмене мнениями по этим же проблемам в Гарвардском университете в Бостоне, где прошли встречи и беседы с будущими специалистами по проблемам национальной безопасности, членами Совета Бельферского центра науки и международных отношений и студентами, изучающими страны Евразии и Россию.

* * *

Историко-документальная выставка, посвященная 100-летию Русско-японской войны 1904—1905 гг.

В ВЫСТАВОЧНОМ зале федеральных государственных архивов состоялась торжественная церемония открытия историко-документальной выставки «Мы скорбю платим вам и восхищемся...». Именно эти строки из стихотворения великого князя Константина Константиновича, обращенные к защитникам Порт-Артура, выразили то настроение, которое пытались передать организаторы выставки — Федеральное архивное агентство, Российский государственный военно-исторический архив, Выставочный зал федеральных государственных архивов. В выставке также приняли участие Российский государственный архив Военно-морского флота, Российский государственный архив кино-фото-документов, Государственный архив Российской Федерации, Архив внешней политики Российской Империи, Историко-документальный департамент МИД РФ, Государственный Исторический музей и частные коллекционеры.

Пресс-конференцию открыл заместитель руководителя Федерального архивного агентства В.П. Тарасов. Он подчеркнул, что особенностью данной выставки заключается в максимально объективном освещении исторического события, в котором наша страна потерпела поражение. В пресс-конференции также приняли участие директор Российского государственного военно-исторического архива И.О. Гаркуша, заместитель директора первого департамента Азии МИД РФ В.И. Саплин, а также директор Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве РФ вице-адмирал в отставке Ю.П. Квятковский.

Цель выставки, посвященной столетию Русско-японской войны 1904—1905 гг. — воссоздание максимально достоверной картины той поры. Большинство музейных экспонатов и уникальных архивных документов демонстрируется впервые. Наряду с военной атрибутикой на выставке представлены личные вещи солдат и офицеров, предметы быта, дневники и письма. Некоторые документы раскрывают трагические судьбы жертв войны. Важнейшее место в экспозиции занимают редчайшие фотографии — портреты генералов, офицеров, солдат русской и японской армий, изображения эпизодов боев, вручения наград, прощания с погибшими, сцен армейского быта. На выставке демонстрируются два фильма: «На сопках Маньчжурии» и «Маленькая победная война».

* * *

Архивные коллекции возвращаются на родину

ЛЕТОМ 2005 года русский эмигрант в Париже Н.Н. Рутыч-Рутченко* осуществил передачу большого объема архивных материалов (более 1000 папок) в дар Библиотеке-фонду «Русское зарубежье». Значительная часть переданных документов поистине уникальна. Основу коллекции составляют бумаги полковника П.В. Колтышева, одного из ближайших сподвижников и доверенных лиц бывшего главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерала А.И. Деникина. Исключительную историческую ценность представляют почти 600 писем и открыток А.И. Деникина. Не менее важна переписка П.В. Колтышева с видными представителями Белого движения, как военными, так и общественно-политическими деятелями, среди которых генералы Н.Н. Стогов, В.К. Витковский, Н.Д. Неволовский, А.В. Туркул, Н.В. Шинкаренко, профессор М.М. Федоров, А.В. Карташев и другие. Чрезвычайно интересны воспоминания и дневниковые записи самого П.В. Колтышева о Гражданской войне на юге России, о жизни русских в оккупированном фашистами Париже. К жемчужинам коллекции относятся и несколько писем классика русской литературы И.С. Шмелева, а также авторская машинопись с правкой его статей для газеты «Добролет» (1936—1938). Уникальны и документы законспирированной политической антисоветской организации «Национальный центр» (1918—1920), они были переданы дарителем священником о. Николаем (Солдатенковым).

Все переданные документальные исторические источники, ранее неизвестно хранившиеся, а ныне безвозмездно отправленные на родину Н.Н. Рутычем-Рутченко, имеют исключительную ценность для России. Часть архива уже используется исследователями. Основной же объем документов станет доступным после необходимой обработки.

В сентябре по случаю передачи архивных материалов Н.Н. Рутыча-Рутченко в дар Библиотеке-фонду «Русское зарубежье» состоялась пресс-конференция, в которой приняли участие директор Библиотеки-фонда В.А. Москвин, заместитель редактора «Российского военного сборника» исследователь наследия военной эмиграции И.В. Домнин, а также историки, общественные и политические деятели.

* **Николай Николаевич Рутыч-Рутченко** — известный историк и общественный деятель русской эмиграции. Он является одним из членов-учредителей Общества ревнителей русской истории в Париже. Им написан ряд книг о политической системе в СССР, о военной эмиграции, а также труды по Белому движению 1918—1922 гг. За долгие годы Н.Н. Рутыч-Рутченко собрал уникальный архив, который с 2001 г. постепенно передает в «Русское зарубежье».

Ю.А. ГЛУШКОВА

Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу страны «Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации», с которым он выступил на совместном заседании палат парламента 18 февраля 2005 года, вызвало большой отклик и в казахстанском обществе в целом, и среди военнослужащих Вооруженных сил. Офицеры и служащие армии Казахстана высоко оценили изложенные в документе положения об укреплении государственности, обеспечении стабильности и развития страны как современного демократического и правового государства.

СТАНОВЛЕНИЕ Вооруженных сил Казахстана шло параллельно с превращением бывшей Казахской ССР в суверенное государство. К тому времени на территории Казахстана находилась группировка войск Советской армии, предназначенная для защиты юго-восточных рубежей СССР. В нее входили объединения, соединения и части стратегических ядерных сил, 40-й общевойсковой армии, корпуса противовоздушной обороны и смешанный авиационный корпус ВВС, а также соединения и части тылового и технического обеспечения¹.

Последовательно реализуя политику по обеспечению военной безопасности государства, Президент Республики Казахстан 25 октября 1991 года издал указ «Об образовании Государственного комитета обороны Казахской ССР». Председателем ГКО был назначен Герой Советского Союза, впоследствии — Халык Каһарманы (Народный герой), генерал-лейтенант С.К. Нурмагамбетов. Во время Великой Отечественной войны в боях на реке Пилице в Польше в звании капитана он командовал пулеметной ротой и за личное мужество и умелое руководство подразделением был удостоен звания Героя Советского Союза. Войну закончил командиром стрелкового батальона, штурмом бравшего имперскую канцелярию фашистского рейха. В мирные годы окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, Высшие академические курсы и вырос до генерал-лейтенанта, за-

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ

местителя командующего войсками Среднеазиатского военного округа, затем Южной группы войск, начальника штаба Гражданской обороны Казахстана.

Начальником штаба и первым заместителем председателя Государственного комитета обороны был назначен полковник (позднее генерал-майор) С.А. Алтынбеков. Управления и отделы возглавили генерал-майор Н.И. Хлюпин, полковники А.Б. Тасбулатов, С.С. Тауланов, М.Д. Шампиев и другие.

Госкомитет обороны Казахстана создавался на базе штаба Гражданской обороны и республиканского военного комиссариата.

Становление военного ведомства проходило в нелегких условиях. Ему была поставлена задача осуществлять «контроль за войсками» и одновременно держать «в поле зрения передвижения войск, проведение различного рода военных учений, вывоз военного имущества из республики и ряд других направлений в военной деятельности армии».

16 декабря 1991 года был провозглашен конституционный закон о государственной независимости Республики Казахстан, который определил, что «Республика Казахстан в целях охраны своей независимости и территориальной целостности имеет право на создание собственных Вооруженных сил»². Однако это право было реализовано только 7 мая 1992 года по указу Президента «О создании Вооруженных сил Республики Казахстан»³, согласно которому все воинские соединения, части и учреждения, дислоцировавшиеся на территории республики, были взяты под юрисдикцию Казахстана. Полномочия Государственного комитета обороны передавались Министерству обороны. Во главе военного ведомства остался генерал-полковник (с 9 мая 1993 г. генерал армии) С.К. Нурмагамбетов.

Хотя казахстанские Вооруженные силы структурно и организационно и строились по образу и подобию Советской армии, при-

чем вооружение и боевая техника тоже были советскими, все же многие вопросы требовали иных решений. Нужна была новая нормативно-правовая база, особенно по проблемам статуса военнослужащих, видам, срокам и содержанию военной службы, присвоению воинских званий, перемещениям по службе и т.д.

Все эти вопросы нашли отражение в блоке военных законов, прежде всего в законе «Об обороне и Вооруженных силах Республики Казахстан» от 22 декабря 1992 года, определявшем роль, место и задачи Вооруженных сил в общей системе обеспечения безопасности республики⁴, в законе «О всеобщей воинской обязанности и военной службе», закрепившем принцип комплектования армии на смешанной основе, сочетающей срочную службу по призыву и службу по контракту⁵, в законе «О статусе и социальной защите военнослужащих и членов их семей», в котором были законодательно закреплены статус и социальная защищенность военнослужащих республики, установлены права, свободы, обязанности и ответственность военнослужащих при исполнении воинского долга⁶.

В апреле 1993 года в Казахстане были созданы собственные Военно-морские силы⁷, в составе военно-морской базы, 10 катеров береговой охраны и двух малогабаритных катеров. Необходимость в них диктовалась тем обстоятельством, что с развалом СССР водное пространство Каспия стало морем пяти субъектов международного отношения: Казахстана, Азербайджана, России, Туркменистана и Исламской Республики Иран. При этом каждое государство имело интерес к континентальному шельфу и экономической зоне Прикаспийского региона, которые требовали охраны и защиты.

Наличие собственных Вооруженных сил потребовало и создания системы руководящих принципов, определяющих сущность, характер и способы их применения, а также военного строитель-

ства в целом. Так, в феврале 1993 года была принята военная доктрина Республики Казахстан⁸. В ней особо подчеркивалось, что Казахстан никому не угрожает, готов со всеми государствами строить отношения на основе взаимного учета интересов, не стремясь к военному превосходству, признает за каждым государством, нацией равное право на участие в решении всех вопросов международной жизни, выступает против силовой политики и гонки вооружений и никогда и ни при каких обстоятельствах не начнет первым военные действия против какого-либо государства, если сам или его союзники не станут объектом вооруженной агрессии.

ОДНОЙ из основных проблем, с которой пришлось столкнуться руководству Вооруженных сил Республики Казахстан, была проблема офицерских кадров, квалифицированных военных специалистов. Дело в том, что за три года (1992—1995 гг.) убыль офицеров составила около 11,5 тыс. человек, из которых 7,1 тыс. были откомандированы в другие государства и 4,4 тыс. уволены по различным причинам⁹. По опыту Великой Отечественной войны в Казахстане были созданы трехмесячные офицерские курсы, открыт экстернат для подготовки младшего офицерского состава. Из прапорщиков и сержантов срочной службы, пожелавших стать офицерами, готовили командиров низового звена. Все эти меры в те годы сыграли определенную роль. Кроме того, Министерство обороны РК стало активнее проводить работу по приглашению на службу офицеров-казахстанцев, служивших в других регионах бывшего Союза, в войска стали приходить офицеры из военных комиссариатов, были призваны многие офицеры-пенсионеры, годные по состоянию здоровья к военной службе, а также офицеры запаса, окончившие военные кафедры гражданских вузов.

Разумеется, все эти меры носили временный характер. Решающее значение имела подготовка собственных офицерских кадров. В Казахстане перед провозглашением суверенитета находились два высших военных учебных заведения — Алма-Атинские высшее общевойсковое командное училище имени Маршала Советского Союза И.С. Конева (АВОКУ) и высшее пограничное командное училище имени Ф.Э. Дзержинского (АВПКУ). Училища располагали квалифицированным преподавательским составом, хорошей учебно-материальной базой и готовили офицеров по трем военным специальностям.

Алма-Атинское высшее военное общевойсковое командное училище имени И.С. Конева, вскоре переименованное в Алма-Атинское высшее военное училище (АВВУ), начиная с 1993 года стало готовить специалистов по четырем специальностям. Однако, учитывая, что армии требовалось все больше и больше офицеров с широким профилем подготовки, училище с 1994 года стало многопрофильным и начало готовить офицеров по одиннадцати военным специальностям¹⁰.

Не осталась в стороне и подготовка казахстанских военных летчиков. В 1996 году на базе Актюбинского высшего летного училища Гражданской авиации было образовано Актюбинское высшее военное авиационное училище имени дважды Героя Советского Союза Т.Я. Бегельдинова.

В 1994 году для подготовки офицеров запаса после длительного перерыва были вновь открыты военные кафедры в гражданских высших учебных заведе-

**Первое руководство ВС РК.
В центре — Президент
Н.А. Назарбаев**

Первый министр обороны Республики Казахстан Герой Советского Союза, Народный герой генерал армии С.К. Нурмагамбетов

ниях страны. Военная подготовка студентов по программе офицеров запаса стала осуществляться по 39 специальностям.

Настоящей кузницей офицерских кадров стала Военная академия Вооруженных сил Республики Казахстан, созданная указом Президента от 11 февраля 1997 года на основе АВВУ¹¹. В том же году в нее был осуществлен набор слушателей, а в 1999 году ее первые 13 выпускников были направлены в войска для прохождения службы на различных высших командных должностях.

Надо также отметить, что одной из серьезных мер по решению кадровой проблемы в войсках стало подписание в августе 1992 года соглашения между военными ведомствами Казахстана и России о порядке прохождения военной службы лицами офицерского состава, прапорщиками и мичманами. Это дало возможность осуществлять согласованные меры, направленные на обеспечение существующего порядка прохождения военной службы, перевода, откомандирования, увольнения и пенсионного обеспечения лиц офицерского состава, прапорщиков и мичманов.

Наряду с решением организационных и кадровых задач решались вопросы и боевой учебы. Так, крупное командно-штабное учение состоялось в 1993 году, а на следующий год на базе Аягузского полигона были проведены показательные занятия по боевой подготовке с руководящим составом

Герой России, Народный герой, летчик-космонавт полковник Т. Мусабаев; Герой Советского Союза, Народный герой генерал армии С.К. Нурмагамбетов, дважды Герой Советского Союза генерал-майор в отставке Т.Я. Бегельдинов

Воины казахстано-российского батальона в горах Таджикистана 1997 г.

Вооруженных сил и командирами соединений и частей. В том же году на базе Отарского учебного центра было проведено общевойсковое тактическое учение, в ходе которого в течение десяти суток отрабатывались боевые действия сухопутных войск во взаимодействии с авиацией и десантными подразделениями. На базе Сарыозекской дивизии было проведено учение с боевыми стрельбами. Дивизия под командованием генерал-майора Б.Е. Ертаева показала высокую обученность личного состава¹².

Таким образом, в начальный период становления казахстанской армии был осуществлен комплекс мероприятий, направленных на оптимизацию организационно-штатной структуры центральных органов, соединений и частей, создание устойчивой системы управления, подготовку офицерских кадров и совершенствование военного образования. Все это подготовило почву для коренной реорганизации всех Вооруженных сил.

ОСЕНЬЮ 1995 года к руководству Вооруженными силами пришел генерал-лейтенант А.Х. Касымов, имевший большой опыт оперативной работы. Новый министр обороны серьезное внимание уделил упорядочению эксплуатации техники и вооружения, тыловому хозяйству, укреплению в армии дисциплины и правопорядка, подготовке младших командиров¹³.

Подготовка сержантов на базе Кадетского корпуса давала младшим командирам как бы базовое образование, востребованное во всех видах Вооруженных сил. Кроме того, в учебных

центрах их готовили по конкретным специальностям, а на курсах переподготовки и усовершенствования сержантского состава — для замещения должностей в звене взвод—рота—батальон.

Что касалось вооружения и военной техники, то принимались меры по улучшению эксплуатации ВВТ, экономии моторесурса, организации ремонта на местных заводах, утилизации и реализации морально устаревших образцов.

Было признано целесообразным отказаться от содержания так называемых пустых дивизий и полков, началась переработка общевойсковых уставов, менялась социальная база войск, происходила адаптация тылового обеспечения к условиям рыночной экономики.

Целью всех преобразований, как указывал Президент и Верховный главнокомандующий ВС РК Н.А. Назарбаев, являлось создание качественно новых, профессиональных, небольших по численности, но хорошо вооруженных и мобильных Вооруженных сил, способных защитить суверенитет и территориальную целостность государства, основными критериями которых являются долг, честь, совесть, отвага и компетентность¹⁴.

Эстафету по реформированию армии на этой основе осенью 1996 года принял новый министр обороны М.К. Алтынбаев. Были приняты конкретные и решительные меры по коренному укреплению воинской дисциплины, наведению твердого уставного порядка в каждом подразделении, решен ряд организационных задач¹⁵.

Под руководством М.К. Алтынбаева Главный штаб был преобразован в Генеральный штаб Вооруженных сил, разграничены функции Министерства обороны и Генерального штаба, осуществлены мероприятия по реализации гражданского контроля над армией и созданию трех видов Вооруженных сил¹⁶. Расширение функций Генерального штаба и реорганизация его структуры позволили улучшить оперативное руководство Вооруженными силами, уделять больше внимания вопросам их обеспечения финансовыми, материально-техническими ресурсами и социально-правовой защиты военнослужащих и гражданского персонала. Разграничение функций Министерства обороны и Генерального штаба позволило более четко установить их области ответственности, сократить управленческий аппарат. На Министерство обороны в те годы возлагались организация оборонного строительства, военно-политическое руководство Вооруженными силами, обеспечение их материальными ресурсами, функции контроля. Генеральный штаб стал органом оперативно-стратегического планирования, применения и организации повседневной деятельности войск. В 1997—1999 гг. был сокращен центральный аппарат Министерства обороны, оптимизирована организационно-штатная структура органов управления соединений и частей, реформированы военно-строительные части, начат переход общевойсковых соединений и частей на бригадную основу, авиационных полков — на штаты авиационных баз. Вооруженные силы были разделены на Силы общего назна-

Президент — Верховный главнокомандующий Вооруженными силами Республики Казахстан Н.А.Назарбаев на тактическом учении 1998 г.

На командно-наблюдательном пункте дивизии 1999 г.

чения, Силы воздушной обороны и Силы охраны государственной границы.

Силы общего назначения — основа боевой мощи армии Казахстана — предназначались для защиты суверенитета и территориальной целостности страны путем отражения нападения и нанесения ответного удара агрессору на стратегических направлениях. Силы воздушной обороны, сформированные из Военно-воздушных сил и Войск противовоздушной обороны, предназначались для прикрытия административно-политических, промышленно-экономических центров и районов страны, группировок Вооруженных сил, важных государственных и военных объектов от ударов противника с воздуха. В то же время перед ними ставилась задача поражения с воздуха группировок войск противника, его объектов государственного и военного управления, тыла, транспортных коммуникаций и военно-экономического потенциала. Силы охраны государственной границы, объединив Пограничные войска и Силы береговой охраны, должны были охранять и оборонять государственную границу республики.

Что касается усиления гражданского контроля в армии, то распоряжением Президента на должность заместителя министра обороны по экономике и финансам и начальника департамента международных отношений и внешних связей Министерства обороны было назначено гражданское лицо. Это был совершенно необходимый шаг в целях поддержания законности и контроля над расходованием оборонного бюджета и других происходящих в военной сфере процессов.

ПРЕЗИДЕНТ Казахстана Н.А. Назарбаев во время встречи в 1997 году с командованием, профессорско-преподавательским составом и слушателями Военной академии подчеркнул, что успех военной реформы во многом зависит от современного военно-научного обеспечения. Первым шагом по созданию собственной военно-научной базы стало решение министра обороны о создании в Военной академии научно-исследовательского отдела и открытии в ведущем военном вузе страны адъюнктуры для подготовки научно-педагогических и научных кадров высшей квалификации¹⁷.

2000 год положил начало следующему этапу строительства Вооруженных сил — этапу их качественного становления, чему предшествовал ряд существенных изменений, происшедших как на внешнеполитической арене, так и внутри государства. Эти изменения потребовали пересмотра ряда положений военной доктрины, и 10 февраля 2000 года указом Президента Республики Казахстан она была утверждена в новой редакции¹⁸, определив реальные и эффективные пути и средства обеспечения военной безопасности государства применительно к его современному геополитическому положению в Центрально-Азиатском регионе. Казахстан исходит из того, указано в доктрине, что у него нет прямых врагов, но сохраняются потенциальные военные угрозы, как внешние, так и внутренние. В то же время Казахстан не может руководствоваться прежними установками на отражение всего спектра потенциальных военных угроз: его стратегия заключается в выполнении лишь самых важных и крайне необходимых задач

по нейтрализации и локализации наиболее вероятных из них, причем ограниченными силами и более экономными способами.

Новая военная доктрина определила главные направления строительства и реформирования казахстанских Вооруженных сил: оптимизация их структуры, приоритетное развитие мобильных сил; совершенствование системы управления, переход к военно-территориальной структуре; создание системы подготовки резерва; совершенствование системы военного образования и подготовки военных кадров, создание и развитие военно-научной базы; повышение престижа военной службы и гуманизация военно-служебных отношений. Реализацию этих направлений намечено осуществлять поэтапно, с учетом экономических возможностей государства.

Одними из важнейших документов по вопросам обороны и военного строительства стали утвержденные 7 июля 2000 года Концепция военной реформы и Государственная программа военного строительства на период до 2005 года.

Военная реформа представляет собой этап военного строительства, основное содержание которого составляют количественно-качественные преобразования военной организации государства, направленные на реализацию новой военной доктрины. Главной целью военной реформы является совершенствование военной организации государства путем приведения ее в соответствие с изменениями в геополитическом окружении республики, современными экономическими условиями и ресурсными возможностями страны, новыми задачами обеспечения военной безопасности.

**Министр
обороны РК
генерал-лейтенант
М.К. Алтынбаев
вручает
Боевое знамя
начальнику
Военной
академии
генерал-майору
А.Б. Тасбулатову
1998 г.**

**Кадеты
у обелиска
Чокану
Валиханову
1998 г.**

При этом в качестве основных задач военной реформы были поставлены следующие:

совершенствование системы управления военной организацией государства в соответствии с новыми задачами в области обеспечения обороноспособности и национальной безопасности;

создание хорошо оснащенных, мобильных Вооруженных сил, других войск и воинских формирований, способных обеспечить защиту жизненно важных национальных интересов государства от существующих и потенциальных военных угроз;

адаптация мобилизационной подготовки страны к условиям нового экономического устройства государства;

повышение престижа военной службы, усиление социальной защиты военнослужащих, членов их семей и лиц, уволенных с военной службы¹⁹.

Важнейший вопрос военной реформы — изменение системы комплектования Вооруженных сил. Поэтапный переход на комплектование армии личным составом по контракту позволит поднять боеспособность войск, уменьшить сроки срочной военной службы, что, как предполагается, в корне изменит отношение призывников и всего общества к военной службе в целом, поднимет ее престиж.

Этому же будет способствовать и совершенствование системы военного образования. Подготовку военных кадров планируется осуществлять путем реорганизации военно-учебных заведений, перехода к многоуровневой, скоординированной межведомственной системе обучения. Создание в стране единой системы подготовки военных кадров для всех силовых структур на основе государственного заказа отвечает требованиям современной обстановки и задачам, стоящим перед

военной организацией государства. Одними из главных приоритетов кадровой политики являются следующие принципы: комплектование войск кадровыми офицерами — высококвалифицированными профессионалами; прозрачность кадровой политики, когда назначение каждого кандидата происходит гласно, с учетом мнения постоянно действующей аттестационной комиссии и офицерской общественности; постоянное совершенствование уровня профессиональной подготовки офицеров, ротация кадров, бережное отношение к людям.

Военная реформа предусматривает также преобразования в воспитательной и социальной правоподготовке. Одним из направлений в этой сфере является проблема межнационального общения в воинских коллективах. Зачастую решение этой проблемы ограничивалось лишь призывами уделять больше внимания работе с молодежью, воспитанию ее в духе патриотизма и дружбы народов. В казахстанской армии изначально существовали объективные условия, для того чтобы в многонациональных воинских коллективах взаимоотношения строились на началах подлинной дружбы и братства, чему, безусловно, способствует общая заинтересованность людей в надежной безопасности независимого Казахстана. Военное строительство нельзя отделять от патриотической идеи, патриотического воспитания. Частью этого направления работы должна стать героико-патриотическое воспитание молодежи, наполненное новым содержанием: духом национального возрождения, сплочения народов Казахстана. Решение всех этих задач является залогом нового качественного состояния Вооруженных сил Казахстана — надежного инстру-

мента обеспечения военной безопасности государства.

ГОСУДАРСТВЕННОЙ программой военного строительства военная реформа делится на три этапа. На первом (до 2002 г.) все усилия были направлены на оптимизацию структуры и численности ВС РК, повышение удельного веса полностью укомплектованных общевойсковых соединений и мобильных сил. На втором этапе (до конца 2005 г.) планируется завершить формирование видов Вооруженных сил и региональных направлений с соответствующей военной инфраструктурой, перейти к территориальному принципу комплектования на контрактной основе, приступить к техническому переоснащению войск.

В ходе третьего этапа основные усилия предполагается направить на повышение качественных параметров армии за счет увеличения в ее составе количества высоко мобильных и боеспособных соединений и частей, технического переоснащения войск, полноценного ресурсного обеспечения оперативной, боевой и мобилизационной подготовки.

Таким образом, речь идет о концептуально новом направлении военного строительства, где первоочередным является вопрос обеспечения качественных параметров военной организации государства.

Выполнение важнейших задач и направлений военной реформы, переход к военно-территориальной структуре и создание органов военно-административного управления было суждено начать министру обороны, ныне генералу армии М.К. Алтынбаеву. 7 мая 2003 года был издан указ Прези-

**Монумент
славы дочерям
казахского
народа Героям
Союза
Маншук
Маметовой
и Алие
Молдагуловой.**
Алматы, 1999 г.

**Воины-
десантники
на параде**
Май, 2000 г.

дента Н.А. Назарбаева «О мерах по дальнейшему совершенствованию структуры Вооруженных сил Республики Казахстан»: ВС РК перешли на трехвидовую основу — Сухопутные войска, Силы воздушной обороны, Военно-морские силы. На основе Мобильных сил образован новый род войск — Аэромобильные войска. Создан новый стратегический орган управления — Комитет начальников штабов. Его возглавил генерал-майор Б.К. Дарбеков. Военные округа реорганизованы в региональные командования «Астана», «Восток», «Запад» и «Юг»; областные, городские и районные военные комиссариаты республики преобразованы соответственно в департаменты, управления и отделы по делам обороны.

Показателем нового качества казахстанской армии являются результаты самых масштабных за все годы ее существования стратегических командно-штабных учений «Сарыарка-2004», «Жетысу-2004», учение подразделений специального назначения «Калкан-2004», казахстанско-британское учение «Степной орел-2004», этап учения «Боевое сотрудничество-2004» в рамках объединенной системы противовоздушной обороны государств — участников СНГ, а также боевые стрельбы подразделений противовоздушной обороны Сил воздушной обороны и Сухопутных войск. В августе 2004 года состоялось совместное учение вооруженных сил государств — членов ОДКБ «Рубеж-2004». Проведенные учения позволили на практике продемонстрировать возможные возможности Вооруженных сил, других войск и воинских формирований,

еще раз подтвердив, что они находятся в состоянии боеготовности, всегда готовы защитить страну, ее территориальную целостность.

Нельзя не отметить и того, что все позитивные изменения в военной сфере государства стали возможны на фоне роста всех экономических показателей: увеличились зарплата и социальные пособия, повышается уровень благосостояния людей, налицо подъем экономики.

В заключение хотелось бы отметить, что в результате реформирования казахстанская армия должна отвечать следующим требованиям: это немногочисленная по составу, но мобильная, хорошо оснащенная и высокотехнологичная армия с достаточной огневой мощью, способная совершать быстрые и эффективные маневры и в кратчайшие сроки решать любые задачи; это армия, оснащенная автоматизированными системами управления войсками и оружием, современными средствами связи и навигации; это армия, где будут служить истинные патриоты, в которой не будет места должностным преступлениям и злоупотреблениям; это армия, служба в которой — действительно престижная и почетная — будет мечтой молодых людей²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Министерства обороны Республики Казахстан (ГАМО РК). Ф. 372. Оп. 6920. Д. 2. Л. 38, 39.

² О государственной независимости Республики Казахстан. Конституционный закон Республики Казахстан от 16 декабря 1991 года // Новые законы Республики Казахстан. Алматы, 1992. Т. 1. С. 7.

³ Казахстанская правда. 1992. 8 мая.

⁴ Законодательство Республики Казахстан об органах обороны, правосудия, безопасности и правопорядка. Алматы, 1996. С. 124.

⁵ О всеобщей воинской обязанности и военной службе. Закон Республики Казах-

стан // Законодательство Республики Казахстан об органах обороны, правосудия, безопасности и правопорядка. С. 40—64.

⁶ О статусе и социальной защите военнослужащих и членов их семей. Закон Республики Казахстан // Законодательство Республики Казахстан об органах обороны, правосудия, безопасности и правопорядка. С. 141—161.

⁷ О создании Военно-морских сил Республики Казахстан. Указ Президента Республики Казахстан // Законодательство Республики Казахстан об органах обороны, правосудия, безопасности и правопорядка. С. 117.

⁸ Серикбаев К.С. Военная безопасность страны. Проблемы и перспективы военной реформы. Алматы, 2000. С. 7.

⁹ Алтынбаев М.К., Белан П.С., Дубовец Г.Ф. Армия суверенного Казахстана: создание и развитие. 1992—2005 гг. Алматы: Дауір, 2004. С. 123.

¹⁰ Тасбулатов А.Б. Развитие профессионального военного обучения в Республике Казахстан. Алматы: Білім, 2000. 200 с.

¹¹ Указ Президента Республики Казахстан от 11 февраля 1997 года // Казахстанская правда. 1997. 12 февраля.

¹² Воин Казахстана. 1994. 27 мая.

¹³ Касымов А.Х. Главная цель реформы в армии — человек // Ковчег. 1996. 4 января.

¹⁴ Назарбаев Н.А. Оборона — коллективная. Армия — народная // Воин Казахстана. 1992. 11 декабря.

¹⁵ Алтынбаев М.К. Основные задачи современного этапа военного строительства в процессе реализации стратегии развития Республики Казахстан до 2030 года // Ориентир. 1998. № 1. С. 3.

¹⁶ О реформировании Вооруженных сил Республики Казахстан. Указ Президента Республики Казахстан от 17 ноября 1997 года // Военная академия ВС РК. Д. 12. С. 165.

¹⁷ Тасбулатов А.Б. Военная академия — основная кузница офицерских кадров. В кн.: Исторический опыт защиты Отечества. 1999. С. 68.

¹⁸ Военная доктрина Республики Казахстан. Указ Президента Республики Казахстан // Воин Казахстана. 2000. 12 февраля.

¹⁹ Концепция военной реформы в Республике Казахстан. Астана, 2001. С. 289.

²⁰ Назарбаев Н.А. Выступление перед профессорско-преподавательским составом Военной академии ВС РК // Воин Казахстана. 1998. 12 февраля.

**Полковник
Х.С. МУХАНБЕКТАЛИЕВ**

РАДИОРАЗВЕДКА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА В ВОЙНАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

БОЛЬШИЕ трудности реформистских преобразований претерпела радиоразведка в связи с политическими событиями в России. Так, после передачи в декабре 1917 года управления всеми морскими силами Балтийского моря Центробалту и завершения 2 мая 1918-го Ледового похода боевых сил флота из Ревеля (Таллина) и Гельсингфорса (Хельсинки) в Кронштадт радиоразведка БФ была расформирована¹. Однако уже в ноябре Реввоенсовет Республики принял решение о создании четырех районов связи Балтийского флота (Кронштадтского, Петроградского, Шлиссельбургского и Онежского), имевших сокращенные функции. Шифрованием занималось специальное шифровальное отделение, а задачи радиоперехвата возлагались только на радиостанцию «Новая Голландия», направлявшую все сведения непосредственно в штаб флота. В период отражения интервенции экспедиционных корпусов США, Англии и Франции посты радиоразведки на некоторых кораблях лишь эпизодически вели перехват радиোগрам противника. Таким образом, в период Гражданской войны и военной интервенции радиоразведывательная деятельность на Балтике оказалась фактически свернутой. Однако ее опыт был использован в других регионах.

В начале 1920 года на Черноморском флоте было принято решение о формировании службы наблюдения и связи (СНиС), начальником которой был назначен С. Касаткин, с созданием Одесского, Очаковского, Херсонского и Мариупольского районов. Главное управление начинавшей действовать структуры включало в себя командование и оперативный отдел с дежурством по связи, четырьмя шифровальщиками и двумя переводчиками, что свидетельствует о ведении перехвата иностранного радиобмена.

Особого внимания заслуживает радиоразведка, которая велась в тот период радистами Волжско-Каспийской военной флотилии. Во второй половине октября 1918

года ее связисты перехватили несколько радиোগрам противника об обстановке в районе Гальяны на Каме. Это дало возможность командованию флотилии успешно организовать поход на Гальяны в целях освобождения пленных красноармейцев. Большую роль сыграла радиоразведка после выхода кораблей в море. Поскольку как на восточном, так и на западном побережье Каспия практически отсутствовала проводная связь, радиосредства имели первостепенное значение. Вот почему между противоборствующими сторонами развернулась настоящая война за захват и уничтожение радиостанций.

Яркой страницей в историю радиоразведки вошел случай захвата одной из станций и использования ее в радиоигре.

30 декабря 1919 года отряд кораблей флотилии подошел к полуострову Мангышлак и внезапным ударом после высадки десанта захватил Форт-Александровский. Долгое время командование противника не имело о том сведений и продолжало передавать на местную радиостанцию, уже находившуюся в других руках, радиогаммы, поступавшие из штаба генерала А.И. Деникина, для передачи адмиралу А.В. Колчаку. Радист с эсминца «Карл Либкнехт» Н. Чемруков, работавший на захваченном объекте, 5 мая 1919 года получил доступ к важному сообщению о переходе из Петровска в Гурьев парового судна «Лейла» с военной миссией во главе с генералом А.Н. Гришиным-Алмазовым. Радиотелеграфист К. Ровков прослушал переговоры между английским вспомогательным крейсером «Президент Крюгер» и «Лейлой», вскоре после чего последняя была захвачена эсминцем «Карл Либкнехт». В числе попавших в руки краснофлотцев ценных документов оказался секретный план совместного похода войск А.И. Деникина и А.В. Колчака на Москву.

Через радиостанцию форта проводилась, как уже говорилось, активная дезинформация. Все перехваченные адресные сообщения противника после внесения в них в штабе 11-й армии необходимых изменений, передавались ничего не подозревавшим адресатам.

Радиоперехватом во флотилии успешно занимались не только береговые, но и корабельные радиостанции. Так, 2 апреля 1920 года радисты эсминца «Карл Либкнехт» завладели радиогаммой, предписывавшей генералу В.С. Толстому погрузить гарнизон и серебро на корабль в Форт-Александровском и ждать дальнейших приказаний. Это сообщение в совокупности с добытыми ранее данными позволяло сделать вывод о подготовке противостоящей стороны к переходу в персидский (иранский) порт Энзели (Пехлеви)². 4 апреля в 16 ч 45 мин у Тюб-Караганского залива эсминец «Карл Либкнехт» обнаружил и обстрелял неприятельский вспомогательный крейсер «Милютин», повредив его, и канлодку «Опыт». На следующий день десант краснофлотцев пленил два казачьих полка, артиллерийскую батарею, отдельную сотню, роту и пулеметную команду Уральской армии, в том числе 2 генералов, 77 офицеров и 1088 рядовых казаков, и захватил трофеи, среди которых имелось 1450 кг серебра³.

С января 1919 года радиоразведку на морских и речных театрах войны вели помимо флотских фронтовые спецподразделения Красной армии — пеленгаторные и приемо-информационные радиостанции. Так, в сентябре в интересах Юго-Восточного фронта, имевшего задачей разгром войск генерала А.И. Деникина, вели разведку приемо-информационные и связные армейские радиостанции. Они также осуществляли радионаблюдение на Каспийском море за судовыми радиостанциями противника в районе боевых действий. В ноябре радиоразведкой Красной армии был раскрыт факт поставки военного имущества и продовольствия неприятельским войскам на судах «Астрахань», «Азия», «Европа», «Слава» и «Президент Крюгер», входивших в состав Каспийской флотилии противостоящей стороны. Кроме того, в октябре 1920-го радиоразведка Юго-Западного фронта обнаружила на Черном море у бере-

¹ Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2005. № 9.

гов Крыма корабли интервентов с боеприпасами, продовольствием и снаряжением для армии генерала П.Н. Врангеля и установила наличие радиосвязи между штабом последнего и руководством Антанты. С началом стратегического наступления на Крым войск Южного фронта (28 октября 1920 г.) армейская радиоразведка добывала сведения о переходах боевых кораблей и морских транспортов противника⁴.

Исследуя период Гражданской войны и военной интервенции в России, можно сказать, что в истории радиоразведки отечественного ВМФ он явился переходным этапом от полного прекращения ее ведения до очередных значительных результатов. Успешное использование разведывательных станций Красной армии для обеспечения боевых действий корабельных сил на морских театрах в этот период было не случайно: поскольку основным видом добывания нужных сведений в русском флоте была наземная радиоразведка, то после развала флотов часть ее специалистов оказалась именно в армейских разведывательных подразделениях. Что же касается Советско-финляндской войны, да и Великой Отечественной, то к их началу единственными подразделениями в советском ВМФ, выполнявшими разведывательные задачи с помощью радиотехнических средств, были береговые радиоотряды (БРО) флотов, осуществлявшие ведение наземной радиоразведки.

Исходя из задач, поставленных перед флотом в Советско-финляндской войне, на радиоразведку БФ возлагалось обнаружение военных кораблей противника и нейтральных государств, особенно броненосцев береговой обороны и подводных лодок Финляндии и Швеции, слежение за деятельностью неприятельских ВВС, выявление организации морских перевозок противостоящей стороны в северной части Балтийского моря, Ботническом и Финском заливах и метеорологических условий на театре⁵.

Анализ результатов деятельности БРО БФ показал, что поставленные перед ним задачи в основном были выполнены. Так, перед началом военных действий, а также в ходе войны береговой разведывательный отряд систематически обнаруживал корабли ВМС Финляндии. Было установлено, что подводные и канонерские лодки противника в основном находились в восточной части Финского залива и периодически обнаруживались в районах Аспэ, Нарви и Гогландского плеса. Броненосцы береговой обороны (ББО) систематически выявлялись в районах

Хельсинки, Порккалла-Удд и на переходах к м. Хельсинки и в Турку. Выполняя поставленные задачи, БРО БФ выявил передислокацию ББО противника в Ботнический залив, что в дальнейшем было подтверждено данными воздушной разведки. Наблюдение за финскими ледоколами позволило установить их основную коммуникацию: Аландские шхеры в направлении о. Сельшер — плавающий маяк Стурброттен — о. Эршер — шведские шхеры. Поддержание фарватеров во льду осуществлялось как финскими, так и шведскими ледоколами. Частое обнаружение финских транспортов в датских, норвежских и западных портах Швеции указало на возможность использования этих портов финскими судами для доставки вооружения, направлявшегося из западных государств. Активная деятельность финской авиации с аэродромов в Турку и Марианхамина в пределах Або-Аландских шхер, выявленная флотской радиоразведкой берегового базирования, свидетельствовала об обеспечении коммуникации авиацией⁶.

В ходе наблюдения за местоположением и радиосвязью кораблей ВМС Швеции было установлено, что шведский флот был в основном сосредоточен в районе Стокгольмских шхер, а отдельные его корабли осуществляли патрулирование торговых судов вдоль шведского побережья⁷.

Дешифровальная разведывательная служба (ДРС), работа которой во многом зависела от результатов радиоразведки, в период войны провела большую работу по разработке шифров противника. Малая активность его флота и ограниченность его действий климатическими условиями не вызывали большого количества радиообмена. При этом все шифры ВМС Финляндии, раскрытые до войны, с ее началом были сменены. Таким образом, ДРС при крайне ограниченном количестве радиоразведывательного материала пришлось вести разработку шифров заново. Тем не менее в течение войны отделение раскрыло 26 шифров Финляндии, что позволило прочитать более 1000 радиogramм противника и тем самым выявить данные о деятельности и местоположении корабельных сил и береговой обороны, о переброске личного состава, вооружения и техники, авариях, минных постановках, пунктах формирования частей, получить другие сведения о противнике. Существенным недостатком в деятельности дешифровальной разведывательной службы являлось то, что некоторые полученные ею сообщения обесценивались из-за запаздывания материалов радиоперехвата.

В общем же радиоразведанные о дислокации кораблей противника были достоверными и подтверждались донесениями авиации и подводных лодок. При этом со времени их получения до момента информирования командования проходило не более 1,5 часа, что позволяло принимать своевременные решения⁸.

Анализ архивных документов показал, что радиоразведке Северного флота удалось добыть гораздо меньше разведывательных данных о деятельности ВМС и ВВС Финляндии, чем Балтийского. Так, перед началом войны БРО североморцев в соответствии с записями «Журнала разведывательных данных оперативного дежурного штаба СФ» располагал следующими сведениями: 17 июня 1939 года ББО «Ильмаринен» находился в Турку, откуда по радио было передано шифрованное разведдонесение серий «вне всякой очереди»; с 13 ч 00 мин до 19 ч 00 мин 17 июня 1939 года обнаружена работа 27 радиостанций ВМС Финляндии, которые передавали данные по организации радиосвязи, при этом были переданы три радиogramмы серий «вне всякой очереди» и две «экстренные»⁹.

Исследование разведывательного обеспечения Северного флота в войне свидетельствует о нерегулярном поступлении данных радиоразведки. Например, за декабрь 1939 года от БРО СФ поступили лишь четыре таких донесения, сообщавших некоторые подробности о ВМС и ВВС Финляндии, о том, что 2 января 1939 года скр «М. Сааре» находился в районе Тромсе совместно с зм «Аегир», а ББО «Ильмаринен» — в районе Турку; что 4 января в 15 ч 00 мин обнаружены на перелете из Тромсе в Вадсе финские самолеты без установления их количества и времени вылета; что 11 января в 19 ч 00 мин в Варангер-Фиорде наблюдается зм «Тилер», а к 16 ч 00 мин предполагается прибытие сюда зм «Слейпнер» (подтверждено данные воздушной разведки)¹⁰.

Кроме того, архивные документы дают основание считать, что разведывательные данные как в штаб СФ, так и другим адресатам либо не поступали, либо оставались никем не востребованными иногда в течение нескольких дней. Так, в «Журнале записей разведывательных данных оперативного дежурного штаба СФ» отсутствуют какие-либо записи 5—7, 9—10, 12—13 декабря 1939 года, а за 8 и 14—16 имеется ничего не значащее примечание: «изменений нет, донесений от БРО СФ нет»¹¹. Подобная подробность вызывает естественное недоумение, поскольку она зафиксирована после тех суток, в течение которых какие-либо разведывательные данные в журнал вообще не заносились.

Анализируя состояние организации разведки СФ в ходе Советско-финляндской войны, приходишь к пониманию того, что выводы о ее неудовлетворительности, а в отношении войсковой и агентурной — «о ее отсутствии вообще», сделанные на совещании начальствующего состава по обобщению опыта боевых действий, проходившем 14—17 апреля 1940 года¹², имели веские основания.

Таким образом, наилучших результатов в разведывательном обеспечении боевых действий ВМФ в Советско-финляндской войне добилась радиоразведка Балтийского флота, ведение которой осуществлял БРО БФ. Не случайно в директиве наркома ВМФ флагмана флота 2 ранга Н. Г. Кузнецова от 14 февраля 1940 года, где, в частности, говорилось о неудачной деятельности флотской разведки, указывалось, что лишь радиоразведка БФ выполнила свою задачу¹³.

Обобщение и анализ результатов боевого применения радиоразведки в Советско-финляндской войне позволили командованию разведывательных отделов флотов сделать необходимые выводы по направленности ее дальнейшего развития. Однако многие правильные решения, в частности включение дешифровального отделения в состав БРО, начали воплощаться в жизнь лишь с началом Великой Отечественной войны.

К 22 июня 1941 года в советском ВМФ действовали 6 береговых радиоотрядов флотов (флотилий) и 25 береговых радиопеленгаторных пунктов (БРП), являвшихся структурными подразделениями БРО. С их помощью были добыты важные сведения о подготовке Германией и ее союзниками агрессии против СССР. По данным радиоразведки стало известно о развертывании в январе—феврале 1941 года новых радиосетей подводных лодок, торпедных катеров и надводных кораблей, а также 16 германских армейских радиостанций вблизи советской границы. Около побережья Латвии начиная с марта систематически обнаруживалась радиосвязь немецких подводных лодок; тогда же в районе Либавы были перехвачены радиопередачи 5 кораблей вероятного противника, искавших потерпевший аварию гидросамолет.

С апреля и до начала войны систематически пеленговались радиопередачи немецких гидросамолетов, совершавших интенсивные разведывательные полеты в средней и северной частях Балтийского моря, а также в устье Финского залива. В мае возросла интенсивность перево-

зок из Германии в Финляндию, в мае—июне отмечено прибытие немецкой авиации на аэродромы северной Норвегии. Не осталось незамеченным нашей радиоразведкой начало разведывательного похода ПЛ «Дельфинул» и эм «Мэрэшести» ВМС Румынии к Крымскому полуострову, ею также были выявлены мероприятия боевой подготовки отряда румынских боевых кораблей и торпедных катеров совместно с гидроавиацией 13—15 июня; 15—16 все корабли ВМС Румынии вышли в море в полной готовности к ведению боевых действий¹⁴.

Как эти, так и другие сведения, добытые радиоразведкой, явились существенным вкладом в освещение обстановки перед началом войны, сыграли определенную роль в своевременном принятии командованием советского ВМФ решения о переводе флотов в повышенную степень боевой готовности — оперативную готовность № 2, а затем и в готовность № 1.

В первый период войны БРО Краснознаменного Балтийского флота докладывал командованию о сосредоточении подводных лодок противника на наших коммуникациях в Финском заливе и в районе островов Моонзундского архипелага, составе и районе активности торпедных катеров в Финском заливе, характере действий надводных кораблей в Рижском заливе, а ВВС — в восточной части Балтийского моря и в Финском заливе, местонахождении германских морских и армейских аэродромов на территории оккупированных районов СССР и в Финляндии, а также о составе, базировании, характере деятельности ВМС Финляндии и движении транспортов между портами Балтики. С началом блокады Ленинграда перед БРО БФ дополнительно была поставлена задача по предупреждению командования флота о деятельности ВМС противника, направленной на подготовку наступления на Ленинград с моря и нарушение наших коммуникаций.

В результате за шесть месяцев 1941 года береговые радиоотряды перехватили 81 555 радиogramм, передали 3233 донесения о местонахождении кораблей, самолетов, аэродромов и минных постановок противника. За 1942-й — 176 408 и около 5000 соответственно.

На Черноморском флоте учет результатов деятельности радиоразведки начал вестись лишь с 18 августа 1942 года. Однако в ходе тщательного исследования были выявлены некоторые более ранние примечательные факты, например в период обороны Севастополя. Так, с 4 января по 3 ию-

ля 1942-го оперативной группе БРО ЧФ в труднейших условиях удалось выявить переброску армейских частей противника из районов реформирования в район Грамматиково — Саурун, концентрацию вражеских войск в районе Феодосии и Судака, переброску 6-го армейского корпуса из Николаева под Лозовую, личного состава и различных грузов по железной дороге и морем, армейских частей из Бессарабии на фронт, а также появление в Крыму 7-го армейского корпуса, прибывшего из Сибири, концентрацию неприятельских сил в направлении на Ростов, перемещение горно-стрелковых частей под Новороссийском и Нальчиком; выявить все аэродромы в Крыму и Приазовье, состав базировавшейся на них авиации.

Несмотря на напряженность работы в первый период войны, радиоразведка наращивала возможности своего боевого применения. Так, в это время зародилась и получила значительное развитие радиоразведка на ультракоротких волнах, позволявшая получать ценные данные и на тактическом уровне. Немецкие самолеты-разведчики «Хейнкель-26» данные разведки передавали на УКВ открытым текстом. В начале 1942 года на БФ стал успешно применяться систематический радиоперехват радиосвязи немецкой авиации в УКВ-диапазоне, а с июня вахты по этой системе были обычными при штабах авиационных соединений Балтийского флота. Летом 1943-го группой радиоразведки БРО БФ в Ленинграде было перехвачено на ультракоротких волнах донесение немецкого самолета-разведчика об обнаружении большого количества советских автомашин, артиллерийских орудий и личного состава. Немецкий летчик вызывал бомбардировочную авиацию. Данные радиоразведки доложили в штаб Ленинградского фронта. На место срочно вывезенных техники и личного состава были поставлены ящики, пустые повозки, бревна. Через некоторое время вражеские бомбардировщики ожесточенно бомбили лужные цели. Вечером 19 марта группа радиоразведки БФ установила прибытие на аэродром Котлы фашистских самолетов 1-й бомбардировочной эскадрильи, а утром следующего дня бомбоштурмовым ударом авиация флота уничтожила 20 самолетов противника.

Подобным образом радиоразведка применялась и на Северном флоте. Так, для повышения эффективности боевых действий наших истребителей при отражении налетов авиации противника на объ-

екты флота командующий СФ вице-адмирал А.Г. Головки ходатайствовал перед начальником Главного морского штаба (ГМШ) адмиралом И.С. Исаковым о распространении такой формы боевого применения радиоразведки и на ПВО. В июне 1943 года предложение было одобрено с введением в штат БРО СФ для этих целей 6 радистов, 2 коротковолновых и 2 ультракоротковолновых радиоприемников. В январе 1944-го по приказу начальника штаба СФ контр-адмирала М.И. Федорова в целях выявления радиотехнических средств противника и обеспечения боевой деятельности подводных лодок и торпедных катеров в Варангер-фиорде на полуостров Средней в район Пумманки была направлена оперативная группа радиоразведки.

Деятельность радиоразведки Северного флота на протяжении второго и третьего периодов войны позволяла своевременно обеспечивать союзников информацией о слежении противником за выходом союзных конвоев из портов и их обнаружении немецкими подводными лодками и самолетами, о районах развертывания ПЛ, об организации взаимодействия между вражескими подводными лодками и авиацией в совместных операциях на коммуникациях. Союзникам сообщались также радиочастоты, позывные противника, радиопеленги на фашистские корабли, береговые радиостанции и другие сведения. Так, 24 января 1943 года радиоразведка СФ обнаружила взлет с аэродрома Билле-фиорд и полет четырех торпедоносцев Хе-115 в сторону о. Медвежий. Информацию передали командиру эскорта конвоя, находившегося в том районе. Позже он сообщил об уничтожении двух Хе-115 и выразил «благодарность русской радиоразведке за своевременное предупреждение». Недели раньше в 00 ч 33 мин подводным лодкам СФ были переданы сведения, добытые средствами радиоразведки, о движении конвоя противника в южной части Варангер-фиорда. В 19 ч 23 мин подводная лодка Щ-404 обнаружила конвой, атаковала и потопила транспорт водоизмещением 10 тыс. т¹⁵.

В Каспийской военной флотилии в период с 19 мая по 11 октября 1943 года в г. Орджоникидзе действовала Астраханская оперативная группа из состава флотильской БРО. За это время ею были установлены деятельность 3730 германских самолетов и дислокация 45 аэродромов, о чем сообщалось заблаговременно.

Своевременность, достоверность и разнообразность данных, добывавшихся радиоразведкой, сильно укрепили ее авторитет на флоте как среди высшего командования, так и среди командиров соединений и кораблей.

В борьбе с фашистскими захватчиками на морских и приморских направлениях радиоразведчики советского ВМФ с честью выполнили свой воинский долг. В их числе: В.М. Адамов, С.А. Арутюнов, Ф.Н. Бабинский, А.П. Гогуев, Л.А. Головин, П.Н. Грунский, П.Н. Дмитриев, П.И. Егоров, А.И. Ермолаев, П.Е. Ивченко, И.Д. Кац, П.И. Кислин, Н.П. Козуб, П.М. Куприяненко, П.Б. Курников, И.Я. Лаврищев, В.Я. Локтин, И.Е. Маркитантов, А.Н. Мерцалов, В.Н. Покровский, Г.Т. Савалин, Н.П. Семенов, Г.А. Стрелков, Б.Г. Суслевич, И.И. Трофимов, А.Г. Хавин¹⁶. Они помогли предотвратить многие потери и обеспечили нанесение значительного ущерба противнику.

Безусловно, вклад радиоразведки советского ВМФ в победу в Великой Отечественной войне был значительно больше, чем в предыдущих войнах первой половины XX века, что в большей степени объясняется ее возросшими возможностями, а также более интенсивным использованием радиосвязи в ходе боевых действий. Вместе с тем необходимо отметить и ряд факторов, отрицательно повлиявших на результаты боевого применения радиоразведки советского ВМФ в ходе войны. В результате недостаточного внимательного отношения со стороны командования различных уровней к этому виду разведки в довоенный период радиоразведка оказалась ни качественно, ни количественно не готова к войне в полной мере, а именно: не имелось теории радиоразведки; отсутствовали необходимые руководящие документы и система подготовки соответствующих кадров (до войны состоялся лишь один выпуск офицеров для радиоразведки, а вахтенных операторов вообще не готовили), комплект личного состава составлял 25 проц.; технические средства были морально устаревшими и физически изношенными; береговые части радиоразведки не отвечали требованиям маневренности и гибкости ведения разведки; оборудованные запасные позиции, как и готовность к ведению радиоразведки во всех диапазонах радиоволн (в том числе УКВ), отсутствовали.

Кроме того, в ходе войны с наибольшей остротой проявились и другие просчеты: отсутствие единства взглядов на флоте на взаимодействие радиоразведки с дешифровальной разведывательной службой, нарушение сроков представления отчетных документов по радиоразведке и низкое качество их исполнения, недостаточность в качестве и количестве поставлявшихся отечественной промышленностью технических средств разведки и связи для ВМФ, неудовлетворительный выбор позиций при пере-

дислокации радиоотрядов и радиопеленгаторных пунктов, низкий уровень взаимодействия с другими видами разведки и др.

К сожалению, и в ходе Великой Отечественной войны основными подразделениями ВМФ, добывавшими радиоразведывательные данные, оставались части наземной радиоразведки — береговые радиоотряды. Лишь на СФ в 1944 году были предприняты попытки ведения морской радиоразведки, например подводными лодками, что дало положительные результаты, а также в отдельных случаях надводными кораблями. Однако опыт СФ широкого распространения не получил. Одной из причин этого являлось отсутствие в нашем ВМФ корабельных радиопеленгаторов.

Таким образом, исторический опыт развития и боевого применения радиоразведки отечественного ВМФ в войнах первой половины XX века наглядно показывает важность и эффективность этого вида разведки. Научные исследования, направленные на обобщение исторического опыта и выявление недостатков, на обоснование приоритетных начал, должны сыграть свою положительную роль в дальнейшем развитии и совершенствовании боевого применения радиоразведки ВМФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. р-54. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

² *Востоков К.* Рождение радиоразведки // Независимое военное обозрение. 2000. № 30(203). С. 5.

³ *Березовский Н.Ю.* и др. Боевая летопись ВМФ, 1917—1941. М.: Воениздат, 1992. С. 365,366.

⁴ История радиоразведки Советской Армии. М.: ГШ ВС СССР, ГРУ, 1979. С. 24.

⁵ РГА ВМФ. Ф. р-2045. Оп. 1. Д. 17. Л. 108.

⁶ Там же. Л. 109.

⁷ Там же. Ф. р-92. Оп. 2. Д. 498. Л. 64.

⁸ Там же. Ф. р-2045. Оп. 1. Д. 17. Л. 110.

⁹ Там же. Ф. р-970. Оп. 2. Д. 130. Л. 68,69.

¹⁰ Там же. Л. 69—71.

¹¹ Там же. Л. 71.

¹² Тайны и уроки зимней войны, 1939—1940 / Под общ. ред. В.А. Золотарева. СПб.: Полигон, 2002. С. 465.

¹³ *Андреев В.Н., Игнатенко Ю.М., Литвиненко В.Г.* Разведка БФ в годы Великой Отечественной войны // Очерки из истории БФ. Калининград: Янтарный сказ, 2001. Кн. 4. С. 112.

¹⁴ *Рукавишников Е.Н., Кикнадзе В.Г.* Радиоразведка БФ в Великой Отечественной войне // Очерки из истории БФ. Калининград: Янтарный сказ, 2003. Кн. 5. С. 174.

¹⁵ *Соболев В.* Радиоразведка ВМФ в Великой Отечественной войне // Морской сборник. 1981. № 6. С. 18—20.

¹⁶ *Адамов В.М.* Боевая деятельность советской военно-морской разведки в Великой Отечественной войне. М.: Филиал НИИ-34 ВМФ, 1975. С. 36.

**Капитан 3 ранга
В.Г. КИКНАДЗЕ**

КОМАНДУЮЩИЕ ФРОНТАМИ 1944 ГОДА

К.К. РОКОССОВСКИЙ был одним из самых талантливых полководцев Великой Отечественной войны, участвовавшим в большинстве важнейших стратегических наступательных операций. Ему довелось действовать на решающих участках советско-германского фронта, сражаться с очень сильным противником во главе с опытейшими гитлеровскими генералами и фельдмаршалами. При этом почти всегда Рокоссовскому удавалось избирать наилучший в конкретном сложившейся обстановке способ разгрома врага. Всегда творчески К.К. Рокоссовский относился к выбору направления главного удара. При этом его решения иногда расходилась с общепринятыми теоретическими положениями. Так было, например, при подготовке Бобруйской наступательной операции (составная часть операции «Багратион»), в которой Константин Константинович командовал 1-м Белорусским фронтом. После скрупулезного изучения и глубокого анализа обстановки он решил нанести войсками правого крыла фронта два удара с разных участков по сходящимся направлениям с целью окружения и последующего разгрома бобруйской группировки противника. При этом, как считал Рокоссовский, оба удара должны были быть главными, что шло вразрез с установившимися в области военного искусства взглядами. Это решение командующего 1-м Белорусским фронтом было подвергнуто критике в Ставке ВГК, однако он, несмотря на сильное давление со стороны Верховного Главнокомандующего и его заместителя Г.К. Жукова, а также некоторых членов ГКО, предлагавших ограничиться одним мощным ударом с плацдарма в районе Рогачева, проявив упорство, сумел отстоять свою точку зрения.

Как известно, Константин Константинович блестяще претворил в жизнь свой план, утвержденный Ставкой, и уже через неделю после начала наступления, 29 июня 1944 года, ему было присвоено давно заслуженное звание Маршал Советского Союза, а еще через месяц и звание Героя Советского Союза.

В операции «Багратион» войска

К.К. Рокоссовского добились огромных успехов. Прорвав оборону противника, они окружили и уничтожили его бобруйскую группировку, затем устремились к Минску, где, соединившись с войсками 3-го Белорусского фронта, устроили немцам еще один, значительно более грандиозный «котел». Освободив сотни населенных пунктов, соединения 1-го Белорусского фронта вступили на территорию Польши и подошли к реке Висле. Но за два с половиной месяца непрерывных боев они исчерпали свои наступательные возможности и нуждались в передышке и пополнении. Хотя до Варшавы было рукой подать, К.К. Рокоссовский не имел возможности освободить этот город, в котором прошли его детство и юность. В польской столице в это время вспыхнуло восстание, но гитлеровцы его жестоко подавили, почти полностью разрушив Варшаву. Древний город был освобожден от немецких захватчиков лишь в январе следующего 1945 года.

А пока, в августе—декабре 1944 года, войска 1-го Белорусского фронта вели боевые действия по удержанию и расширению захваченных на реках Нареве и Висле плацдармов и готовились к зимнему наступлению на центральном, варшавско-берлинском направлении. В середине ноября 1944 года И.В. Сталин сообщил Рокоссовскому о назначении его командующим войсками 2-го Белорусского фронта. Константин Константинович был очень огорчен, посчитав, что его переводят на второстепенное направление, а брать Берлин доверяют новому командующему 1-м Белорусским фронтом Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову. Он даже, не сдержавшись, с обидой спросил Верховного Главнокомандующего, за что такая немильность. И.В. Сталин ответил, что Рокоссовский ошибается, поскольку на главном — берлинском направлении, по предварительному замыслу, должны будут действовать три фронта, в том числе и 2-й Белорусский, и все они примут участие во взятии столицы нацистской Германии. И тем не менее К.К. Рокоссовский с большим сожалением покидал войска, которыми командовал более двух лет. Сталин разрешил ему взять с собой к новому месту

службы любых работников полевого управления фронта, с которыми он сработался. Однако Константин Константинович, подумав, решил не брать с собой никого, чтобы не нарушать слаженную, высокоэффективную деятельность штаба. И.В. Сталин особо поблагодарил его за этот поступок¹.

Иван Данилович Черняховский (1906—1945)² сделал блестящую военную карьеру. С 1924 года он учился сначала в Одесской пехотной, а затем в Киевской артиллерийской школе, в последующем командовал артиллерийскими взводом и батареями. В 1936 году Черняховский с отличием окончил Военную академию механизации и моторизации РККА имени И.В. Сталина. Яркое военное дарование, воля и упорство молодого командира не остались без внимания вышестоящих начальников. Его служебный рост был стремительным: за семь лет Иван Данилович прошел путь от командира батальона до командующего фронтом. С 1937 по 1941 год он последовательно командовал танковыми батальоном, полком, бригадой, дивизией. Тридцатичетырехлетний полковник И.Д. Черняховский начал войну в Прибалтике в должности командира 28-й танковой дивизии. В оборонительных сражениях он проявил умение управлять частями и подразделениями в трудных условиях начального периода войны, за что дважды был награжден орденом Красного Знамени. С июня 1942 года талантливый генерал* командовал 18-м танковым корпусом, а уже в июле этого года — 60-й армией. Выдвижению И.Д. Черняховского способствовали командующий Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутин и начальник Генерального штаба А.М. Василевский, увидевшие в нем перспективного военачальника. Высоко ценил молодого командарма и К.К. Рокоссовский. «Знакомаясь с войсками 60-й армии, переданной нам из Воронежского фронта, — писал он, — я внимательно приглядывался к генералу И.Д. Черняховскому. Это был замечательный командующий. Молодой, культурный, жизнерадостный. Изумительный человек! Было видно, что в армии его очень любят. Это сразу бросается в глаза. Если к

* Звание генерал-майор И.Д. Черняховскому было присвоено 5 мая 1942 г.

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2005. № 10.

командарму подходят докладывать не с дрожью в голосе, а с улыбкой, то понимаешь, что он достиг многого. Командиры всех рангов остро чувствуют отношение старшего начальника, и, наверное, мечта каждого из нас — поставить себя так, чтобы люди с радостью выполняли все твои распоряжения. Вот этого Черняховский достиг...»³.

За полтора года командования 60-й армией И.Д. Черняховский успешно осуществил около десятка армейских наступательных операций. Нередко, не имея численного превосходства в силах и средствах, он наносил решительное поражение противнику. «Генерал И.Д. Черняховский, — писал генерал армии П.Н. Лашенко, — умело управлял войсками, одинаково хорошо знал тактику и оперативное искусство. Обладая сильной волей и отлично развитыми организаторскими способностями, И.Д. Черняховский всесторонне и искусно готовил каждый бой, операцию. Любую сложную и трудную оперативную-тактическую обстановку он анализировал быстро и делал из нее правильные выводы. После принятия наиболее целесообразного решения он активно участвовал в разработке плана операции... Как правило, всегда проводил с командирами и начальниками родов войск детальный розыгрыш предстоящих действий. Следует подчеркнуть, что И.Д. Черняховский обладал исключительно высокой работоспособностью и выносливостью, мог непрерывно в течение нескольких суток управлять войсками армии без отдыха, сохраняя остроту мышления»⁴. За успешное командование армией в Воронежско-Касторненской операции, Курской битве, Киевской, Житомирско-Бердичевской, Ровно-Луцкой и Проскуровско-Черновицкой операциях Иван Данилович был удостоен звания Героя Советского Союза, награжден третьим орденом Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени.

В апреле 1944 года освобождена должность командующего Западным фронтом. Маршалы Советского Союза А.М. Василевский и Г.К. Жуков рекомендовали назначить на этот пост самого молодого командующего армией И.Д. Черняховского. Начальник Главного управления кадров (ГУК) Наркомата обороны генерал-полковник Ф.И. Голиков при докладе Верховному Главнокомандующему сказал, что это назначение может быть болезненно воспринято некоторыми генералами, имевшими больший командный стаж и ожидавшими повышения. И.В. Сталин не согласился с доводами начальника ГУКА,

считая, что честолюбием отдельных лиц можно пренебречь, если это принесет пользу делу. Сдав 60-ю армию бывшему командующему 2-м Белорусским фронтом генерал-полковнику П.А. Курочкину, Иван Данилович выехал в Москву за новым назначением. 17 апреля 1944 года генерал-полковник Черняховский** был назначен командующим войсками Западного фронта, а через неделю (после переименования последнего) — 3-го Белорусского, став самым молодым полководцем Красной армии.

В предстоящей операции «Багратион» войскам под командованием И.Д. Черняховского отводилась важная роль: они должны были освободить Оршу, совместно с 1-м Прибалтийским фронтом Витебск и принять участие в освобождении Минска. В дополнение к общевойсковым армиям Ставка ВГК усилила 3-й Белорусский фронт 5-й гвардейской танковой армией под командованием маршала бронетанковых войск П.А. Ротмистрова. По плану это мощное объединение должно было наступать в полосе 11-й гвардейской армии вдоль Минского шоссе на г. Оршу. Однако Черняховский знал, что именно на этом направлении противник создал наиболее прочную оборону, которую трудно будет прорвать. Поэтому он заранее предусмотрел возможность ввода 5-й гвардейской танковой армии на другом — богусhevском направлении. Так и произошло в действительности. Наступление началось 23 июня. На богусhevском направлении 39-я и 5-я армии прорвали оборону противника и продвинулись вперед на 10—13 км, расширив прорыв до 50 км. На следующий день был освобожден г. Богусhevск. На оршанском направлении продвижение оказалось незначительным. Для развития успеха на богусhevском направлении И.Д. Черняховский 24 июня ввел в сражение в полосе 5-й армии КМГ генерал-лейтенанта Н.С. Осликовского, а на следующий день и гвардейскую танковую армию П.А. Ротмистрова. Умелый маневр силами и средствами, смелые, основанные на точном расчете действия командующего 3-м Белорусским фронтом привели к успеху операции. Во взаимодействии с соседним 1-м Прибалтийским фронтом войска И.Д. Черняховского 25 июня в районе Витебска окружили, а затем уничтожили крупную группировку противника. В тот же день представи-

** И.Д. Черняховскому звание генерал-лейтенанта было присвоено 14 февраля 1943 г., а генерал-полковником он стал 5 марта 1944 г.

тель Ставки ВГК Маршал Советского Союза А.М. Василевский, доложив Верховному Главнокомандующему об этом успехе, ходатайствовал о присвоении Ивану Даниловичу звания генерал армии, что и произошло 26 июня 1944 года (за три дня до тридцатилетия Черняховского). А стремительное наступление продолжалось, и руководимые генералом армии Черняховским войска совместно с правым крылом 1-го Белорусского фронта и 2-м Белорусским в начале июля завершили окружение более чем 100-тысячной группировки противника восточнее Минска.

В июле—августе 1944 года соединения 3-го Белорусского фронта освободили города Вильнюс, Лиду, Каунас, форсировали реку Неман, вышли к государственной границе СССР с Восточной Пруссией, вступили на территорию Северо-Восточной Польши. В основе успехов войск под командованием И.Д. Черняховского лежали его редкий полководческий дар, огромная работоспособность, сильная командирская воля. 29 июля он был награжден второй медалью Золотая Звезда.

В 1944 году на северном и северо-западном участках СФВ действовали войска Карельского, Ленинградского, Волховского и трех Прибалтийских фронтов, которыми руководили опытные генералы.

С 14 января по 1 марта 1944 года войсками Ленинградского (генерал армии Л.А. Говоров), Волховского (генерал армии К.А. Мерецков) и частью сил 2-го Прибалтийского (генерал армии М.М. Попов) фронтов во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом (КБФ) проводилась Ленинградско-Новгородская стратегическая наступательная операция, в результате которой было нанесено тяжелое поражение немецкой группе армий «Север» и окончательно снята блокада Ленинграда, освобождены почти вся Ленинградская и Новгородская области, а также основная часть Калининской, и тем самым созданы благоприятные условия для разгрома противника в Прибалтике.

В рамках этой операции войска Волховского фронта под командованием К.А. Мерецкова с 14 января по 15 февраля успешно осуществили Новгородско-Лужскую операцию. Она отличалась оригинальностью замысла. Перед фронтом ставилась задача взломать вражескую оборону в районе Новгорода и ударом на Лугу расколоть группу армий «Север» на стыке ее 18-й и 16-й армий. И.В. Сталин не зря называл Мерецкова «мудрым ярославцем» (по другим источникам, «хитрым»). Кирилл Афанасьевич и на этот раз сумел

обмануть противника, решив нанести силами 59-й армии генерал-лейтенанта И.Т. Коровникова два удара по сходящимся на Люболяды направлениям: главный — с плацдарма на реке Волхов севернее Новгорода и вспомогательный — из района юго-восточнее города через озеро Ильмень с целью окружить и уничтожить новгородскую группировку противника. И если возможность наступления с плацдарма немецкое командование предвидело, то удар южной группы войск 59-й армии явился для него неожиданным. Совершив в ночь на 14 января 15-километровый марш-бросок по неокрепшему еще льду реки Мсты, а затем и озера Ильмень, эта группа внезапно, без артиллерийской подготовки атаковала части 38-го армейского корпуса 18-й немецкой армии и к исходу дня захватила на западном берегу озера плацдарм до 6 км по фронту и около 4 км в глубину. Для развития успеха на этом направлении 15 января была введена в сражение стрелковая дивизия из 2-го эшелона армии. Одновременно за счет свежих соединений наращивалась сила удара и на главном направлении. За три дня напряженных боев главная полоса обороны противника севернее и южнее Новгорода была прорвана. 20 января соединения 59-й армии совместно с 7-м стрелковым корпусом, введенным К.А. Мерецковым из фронтового резерва, освободили Новгород. В дальнейшем войска Волховского фронта, развивая наступление в западном и юго-западном направлениях, очистили от врага железнодорожную магистраль Ленинград—Москва и во взаимодействии с 67-й армией Ленинградского фронта 12 февраля овладели г. Лугой. Итогом операции стали разгром восьми пехотных и танковой дивизий и нанесение тяжелого поражения еще четырем дивизиям противника. Враг был отброшен на запад до 150 километров.

В феврале 1944 года Ставка ВГК, посчитав, что Волховский фронт выполнил возложенные на него задачи, и в связи с сокращением полосы наступления Красной армии на северо-западном стратегическом направлении приняла решение реорганизовать там управление войсками. Директивой от 13 февраля Волховский фронт расформировывался, входившие в его состав соединения и части передавались Ленинградскому и 2-му Прибалтийскому фронтам, а полевое управление временно выводилось в резерв Ставки. 19 февраля последовала новая директива Ставки, согласно которой поле-

вое управление бывшего Волховского фронта предписывалось использовать в качестве управления Карельского фронта нового состава. Командующим войсками этого фронта был назначен генерал армии К.А. Мерецков⁵.

Во второй половине 1944 года Карельский фронт под руководством К.А. Мерецкова провел в сложнейших условиях лесисто-болотистой местности и Заполярья две наступательные операции: 21 июня — 9 августа Свирско-Петрозаводскую (в рамках стратегической Выборгско-Петрозаводской операции) и 7—29 октября совместно с Северным флотом Петсамо-Киркенесскую стратегическую. В этих операциях генерал армии Мерецков проявил незаурядное полководческое искусство. И в том, и в другом случаях он мастерски осуществил решительное массирование сил и средств на направлениях главных ударов, что в значительной степени обеспечило сравнительно быстрый прорыв мощной, глубокоэшелонированной обороны противника, умело организовал тесное взаимодействие сухопутных войск с Ладожской и Онежской военными флотилиями, Северным флотом и авиацией, эффективно применял глубокие обходы и охваты по бездорожью с внезапным выходом во фланг и тыл врага, осуществлял его безостановочное преследование с началом отхода и т.д. Заслуги К.А. Мерецкова в освобождении от немецко-фашистских захватчиков значительной части Карело-Финской ССР, советского Заполярья, выводе из войны на стороне нацистской Германии Финляндии 26 октября 1944 года были отмечены присвоением ему звания Маршал Советского Союза.

Перед началом январского 1944 года наступления на северо-западном стратегическом направлении (Ленинградско-Новгородская операция) командующий Ленинградским фронтом генерал армии Л.А. Говоров скрытно перебросил на кораблях и судах КБФ через Финский залив в непосредственной близости от берега, занятого противником, на ораниенбаумский плацдарм десятки тысяч солдат и офицеров, сотни артиллерийских орудий и танков 2-й ударной армии. Ее соединения, а также соединения 42-й армии, действовавшей из района Пулково, в ходе Красносельско-Ропшинской фронтовой наступательной операции (14—30 января) нанесли удары по сходящимся на Ропшу направлениям и, прорвав сильную, глубокоэшелонированную оборону противника, разгромили его петергофско-стрельнин-

скую группировку. Развивая успех в направлении Кингисеппа и Красногвардейска, войска фронта к 30 января продвинулись на 60—100 км от Ленинграда и вышли на рубеж реки Луги в ее нижнем течении, а на отдельных участках форсировали ее. В результате этой операции, проведенной одновременно с уже упоминавшейся выше Новгородско-Лужской операцией Волховского фронта, было нанесено серьезное поражение немецкой 18-й армии. Советские войска полностью освободили Ленинград от вражеской блокады и обстрелов дальнобойной артиллерией. На последующих этапах Ленинградско-Новгородской стратегической наступательной операции фронт под командованием Л.А. Говорова силами правого крыла захватил плацдарм на западном берегу реки Нарвы и вступил на территорию Эстонской ССР, а войсками левого крыла к концу февраля вышел к Псковско-Островскому укрепрайону, где и перешел к обороне, приступив к подготовке новой операции.

В летне-осенней кампании 1944 года войска Ленинградского фронта провели две успешные наступательные операции: силами правого крыла во взаимодействии с КБФ и Ладожской военной флотилией Выборгскую (часть Выборгско-Петрозаводской операции), а левого крыла при поддержке Краснознаменного Балтийского флота — Таллинскую (в рамках Прибалтийской стратегической операции).

В Выборгской операции (10—20 июня) войскам правого крыла Ленинградского фронта (23, 21 и 13-я воздушная армии) предстояло прорвать созданную финнами на Карельском перешейке мощную оборону (глубиной до 120 км), состоявшую из трех оборонительных полос, ряда промежуточных и отсечных позиций, насыщенных большим количеством железобетонных и деревоземляных сооружений. Кроме того, вокруг г. Выборга были построены два оборонительных обвода, укреплено побережье Финского залива от возможных десантов с моря. По сути, это была все та же знаменитая, но реконструированная и дополнительно развитая «линия Маннергейма», которую войскам Красной армии уже приходилось прорывать в 1940 году. Тогда им потребовалось для ее сокрушения и взятия Выборга свыше трех месяцев.

Л.А. Говоров, участвовавший, как известно, в организации артиллерийского обеспечения прорыва 1940 года, при подготовке и ведении операции всесторонне учел полученный в то время опыт, что позволило его войскам на этот

раз выполнить поставленную задачу за 10 дней. Командующий Ленинградским фронтом в Выборгской операции продемонстрировал умение организовывать и осуществлять последовательный прорыв сильно укрепленной многополосной обороны противника, причем в сложных условиях лесисто-болотистой местности, при необходимости одновременно изменять направление главного удара, скрытно и оперативно осуществлять крупные перегруппировки войск в ходе наступления. Особенности операции под руководством Говорова были предварительное разрушение наиболее прочных долговременных сооружений в главной полосе вражеской обороны огнем артиллерии и ударами авиации, широкое применение штурмовых отрядов и групп при овладении опорными пунктами, тесное взаимодействие войск с силами КБФ и Ладужской военной флотилии. На завершающей стадии операции, 18 июня 1944 года Л.А. Говорову указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Маршал Советского Союза.

В сентябре 1944 года войска левого крыла Ленинградского фронта (8-я и 2-я ударная армии) осуществили операцию по разгрому немецко-фашистских войск в Эстонии. Готовясь к ней, Л.А. Говоров скрытно от противника произвел перегруппировку войск 2-й ударной армии (свыше 100 тыс. человек, более 1000 орудий и минометов, около 4000 автомашин) с нарвского участка в район г. Тарту. 17 сентября армия после мощной артиллерийской и авиационной подготовки внезапно перешла в наступление, прорвала вражескую оборону и начала развивать успех в северо-западном направлении, в тыл нарвской группировки немцев, что вынудило ее командование спешно отводить войска к Таллину. Командующий Ленинградским фронтом организовал стремительное преследование противника, не давая ему возможности закрепиться на промежуточных рубежах. 22 сентября 8-я армия, перешедшая в наступление в ночь на 19 сентября, при содействии сил флота освободила столицу Эстонской ССР г. Таллин. Войска 2-й ударной армии, продвигаясь на запад и юго-запад, 23 сентября освободили г. Пярну (Пернов) и вышли к Рижскому заливу, а 26-го к исходу дня вступили на территорию Латвии. Отличительной чертой Таллинской операции было широкое применение Говоровым оперативного маневра.

В ходе Рижской операции, 1 октября 1944 года Ставка ВГК возложила на Маршала Советского Сою-

за Л.А. Говорова координацию действий 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов с оставлением за ним обязанностей командующего войсками Ленинградского фронта.

В апреле 1944 года генерал армии М.М. Попов был освобожден от должности командующего 2-м Прибалтийским фронтом и понижен в звании на одну ступень⁶. Этим фронтом он командовал с октября 1943 года, однако крупных успехов в этот период не добился. Его войска оказались перед глубокой, хорошо развитой в инженерном отношении обороной противника, для преодоления которой у М.М. Попова не было достаточных сил. Предпринятое весной 1944 года наступление в Прибалтике оказалось малорезультативным, войска 2-го Прибалтийского фронта продвинулись незначительно, ощутимого поражения противнику нанести не смогли. И.В. Сталин усмотрел в этом вину командующего, упрекнув его в неспособости квалифицированно руководить вверенными соединениями и нежелании признавать свои ошибки. В результате новым командующим 2-м Прибалтийским фронтом был назначен генерал армии А.И. Еременко.

На должность командующего фронтом в апреле 1944 года вновь был выдвинут генерал-полковник И.И. Масленников⁷. В это время Ставка ВГК решила, что Ленинградский фронт, вобравший в себя три армии и всю полосу наступления бывшего Волховского фронта, стал слишком громоздким. Его войска (7 армейских объединений) действовали одновременно на четырех операционных направлениях — выборгском, таллинском, псковском и островском, что негативно сказывалось на качестве управления ими. В связи с этим директивой от 18 апреля Ленинградский фронт был разделен на два: собственно Ленинградский в составе четырех общевойсковых армий и 3-й Прибалтийский (три армии, а немногим позже еще одна — 1-я ударная из состава 2-го Прибалтийского фронта). Создавая новое фронтовое объединение, в Ставке отлично понимали, что больших перспектив оно не имеет, поскольку уже в 400 км перед ним простиралось Балтийское море. Однако в пределах такой дальности действий 3-му Прибалтийскому фронту предстояло, по свидетельству бывшего в то время начальником оперативного управления Генерального штаба С.М. Штеменко, решить весьма значительные оперативные задачи⁸.

17 июля этот фронт перешел в наступление, имея задачу разгромить псковско-островскую

группировку противника, освободить города Псков и Остров, а в дальнейшем овладеть городами Тарту, Пярну и выйти в тыл вражеским войскам, оборонявшимся в районе Нарвы. Поскольку И.В. Сталин считал И.И. Масленникова недостаточно опытным командующим фронтом, то еще где-то примерно 8 июля направил ему в помощь в качестве представителя Ставки ВГК генерал-полковника С.М. Штеменко⁹.

Главный удар командование фронта решило нанести со стрелецково-островского плацдарма на западном берегу реки Великой смежными флангами 1-й ударной и 54-й армий в обход наиболее сильного Островского укрепленного района в общем направлении на Балвы, Гулбене. Планом операции предусматривалось разгромить вначале островскую, а затем псковскую группировку противника, причем последнюю предполагалось обойти с юга с одновременным фронтальным ударом по ней.

В период подготовки Псковско-Островской наступательной операции была осуществлена значительная внутрифронтальная перегруппировка войск с целью сосредоточения необходимых для успешного наступления сил и средств на небольшом по размерам стрелецковом плацдарме. Для того чтобы скрыть от немецкого командования действительное направление готовящегося удара, восточнее г. Острова имитировалось создание мощной группировки в составе нескольких дивизий, а в конце июня здесь даже была проведена частная наступательная операция. Все это позволило привлечь основное внимание противника к этому направлению.

Накануне наступления, 16 июля во всех армиях была проведена разведка боем, позволившая в значительной степени вскрыть систему огня противника и на следующий день надежно подавить ее. За первые два дня операции войска ударной группировки фронта прорвали оборону врага южнее г. Острова и с 19 июля перешли к преследованию начавших отход немецких соединений.

21 июля перешедшая в наступление по плану фронта 67-я армия прорвала долговременную оборону противника на островском направлении и при содействии соединений 1-й ударной штурмом овладела г. Островом, который являлся наиболее сильным опорным пунктом обороны немцев на пути к центральным районам Прибалтики. Его падение предвещало успех дальнейшего наступления в обход Пскова. 23 июля этот древний русский город был освобожден. Ближайшая задача, поставленная фронту, выполнена. Теперь перед войсками И.И. Масленникова открывался путь в южные районы Эстонии и к Риге.

22 июля Ставка ВГК поставила 3-му Прибалтийскому фронту новую задачу — развивать главный удар в общем направлении Алуксне, Валга. Выполняя ее, войска фронта 31 июля вышли к заранее подготовленному оборонительному рубежу немцев «Мариенбург», где и были остановлены.

С 10 августа по 6 сентября 3-й Прибалтийский фронт под командованием генерала армии (с 28 июля 1944 г.) И.И. Масленникова осуществил Тартускую операцию, освободив города Выру, Тарту, Гулбене. Продвинувшись на запад и северо-запад на 100—130 км, его войска заняли выгодное положение для удара во фланг и тыл нарвской группировки противника и прорыва к Рижскому заливу. В ходе Рижской операции во второй половине сентября—октябре 1944 года соединения 3-го Прибалтийского фронта совместно со 2-м и 1-м Прибалтийскими фронтами и во взаимодействии с КБФ нанесли поражение главным силам группировки вермахта в Прибалтике. 16 октября 1944 года выполнивший свою задачу 3-й Прибалтийский фронт был расформирован, а его командующий генерал армии И.И. Масленников отозван в распоряжение Ставки ВГК.

Генерал армии А.И. Еременко к 1944 году приобрел большой командный опыт и по праву вошел в число признанных советских полководцев. Весной 1944 года во главе Отдельной Приморской армии он принял участие в освобождении Крымского полуострова, а летом и осенью этого же года 2-й Прибалтийский фронт под командованием Еременко провел ряд наступательных операций, внося определенный вклад в освобождение Прибалтики. Разумеется, по размаху и результативности эти операции нельзя сравнивать со стремительными прорывами и огромными «котлами», имевшими место на главных участках СГФ, в Белоруссии и на Украине, поскольку советские войска, действовавшие на северо-западном стратегическом направлении, были измотаны длительными боями и не имели необходимого численного превосходства над противником. Они нуждались в отдыхе и пополнении, однако обстановка требовала продолжать наступление, с тем чтобы не давать гитлеровскому командованию возможности перебрасывать свои дивизии против фронтов, наступающих в Белоруссии.

В июле 1944 года войска 2-го Прибалтийского фронта в ходе Режицко-Двинской операции продвинулись на запад до 200 км. В августе они развернули наступление на Псковско-Лубанской низменности и, обходя противника по труднодоступным топям,

продвинулись еще на 60—70 км вдоль северного берега Западной Двины и освободили крупный узел дорог г. Мадону (Мадонская операция). Во второй половине сентября—октябре фронт генерала армии А.И. Еременко принял участие в Рижской операции и 13 октября вместе с соединениями 3-го Прибалтийского фронта освободил столицу Латвийской ССР. В дальнейшем, продолжая преследование врага, своим правым крылом фронт 22 октября вышел к тукумскому оборонительному рубежу немцев и совместно с войсками 1-го Прибалтийского фронта блокировал с суши основные силы группы армий «Север» (командующий генерал-полковник Ф. Шёрнер) на Курляндском полуострове.

Генерал армии И.Х. Баграмян с ноября 1943 года командовал войсками 1-го Прибалтийского фронта. В 1944 году фронт под его руководством участвовал в Белорусской и Прибалтийской стратегических наступательных операциях, в рамках которых успешно провел Витебско-Оршанскую (совместно с 3-м Белорусским фронтом; 23—28 июня 1944 г.), Полоцкую (29 июня—4 июля 1944 г.), Шяуляйскую (15—31 июля 1944 г.), Рижскую (совместно со 2-м и 3-м Прибалтийскими фронтами; 14 сентября—22 октября 1944 г.) и Мемельскую (совместно с частью сил 3-го Белорусского фронта; 5—22 октября 1944 г.) фронтальные операции.

В них особенно ярко проявились самобытный полководческий талант И.Х. Баграмяна, его обширные военные знания и большой практический опыт. Ивана Христофоровича отличало умение глубоко и всесторонне анализировать обстановку, прогнозировать ее возможное развитие, правильно использовать слабые стороны противника, тщательно учитывать боевые возможности своих войск и на этой основе принимать неординарные, смелые решения, готовить и осуществлять наиболее целесообразные варианты действий подчиненных войск¹⁰.

Всего, таким образом, в 1944 году должности командующих войсками фронтов занимал 21 человек, среди которых были 6 Маршалов Советского Союза, 13 генералов армии и 2 генерал-полковника. Большинство из них выдвинулись в годы Великой Отечественной войны. Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин не раз отмечал, что после того как она началась, в Советском Союзе проявилось множество людских талантов, причем практически во всех сферах деятельности. Не была исключением и сфера военная. Часть крупных военачальников, имевших в прошлом большие за-

слуги перед страной и армией, в кардинально изменившихся условиях ведения вооруженной борьбы не сумели оправдать возлагавшиеся на них перед войной надежды, поэтому их пришлось отстранять от непосредственного руководства большими массами войск и заменять новыми, более молодыми и энергичными, а главное, способными мыслить и воевать по-новому, так, как того требовали время и обстановка. В беседе с премьер-министром польского эмигрантского правительства С. Миколайчиком 3 августа 1944 года, когда речь зашла о старых и новых авторитетах, И.В. Сталин привел в качестве примера Красную армию, «где выросли новые люди, где старые авторитеты отошли на задний план. Если бы до начала советско-германской войны к нам обратился кто-нибудь с заявлением, что через три года в России будут такие генералы, как Рокоссовский, Черняховский, Конев, Еременко, Баграмян, мы бы не поверили и рассмеялись. Старые авторитеты отошли, появились новые»¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М.: Голос, 2000. С. 355, 357.

² И.Д. Черняховский родился 29 июня 1907 г. В период Гражданской войны при поступлении на работу он прибавил себе лишний год. С тех пор во всех документах датой рождения Ивана Даниловича значится 1906 г. См.: *Шаритов А.А.* Черняховский. М.: Молодая гвардия, 1978. С. 10.

³ Цит. по: *Рокоссовский К.К.* Указ. соч. С. 262.

⁴ См.: *Лащенко П.Н.* Искусство военачальника. М.: Воениздат, 1986. С. 110, 111.

⁵ Карельским фронтом с момента его образования в конце августа 1941 г. командовал генерал-полковник (с 28 апреля 1943 г.) В.А. Фролов. Директивой Ставки ВГК от 19 февраля 1944 г. он был назначен заместителем командующего войсками этого фронта (нового состава). С небольшим количеством работников прежнего штаба Карельского фронта ему предписывалось находиться на ВПУ в районе г. Кандалакши и руководить войсками правого крыла фронта (14, 19-я армии, Северный оборонительный район).

⁶ Об этом см. также статью «Командующие фронтами 1941 года» // *Воен.-истор. журнал.* 2001. № 6. С. 6, 7.

⁷ В 1943 г. И.И. Масленников в течение 3,5 месяцев командовал Северо-Кавказским фронтом.

⁸ См.: *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1989. С. 200, 201.

⁹ Там же.

¹⁰ За выдающиеся успехи, достигнутые войсками 1-го Прибалтийского фронта в Белорусской операции, и проявленное личное мужество И.Х. Баграмян 29 июля 1944 г. был удостоен звания Героя Советского Союза.

¹¹ Цит. по: *Источник.* 1999. № 1. С. 154.

КОМАНДУЮЩИЕ ФРОНТАМИ В 1944 году

Фамилия, имя, отчество	Годы жизни	Звание в 1944 г.	Какими фронтами командовал в 1944 г.	Примечания
Баграмян Иван Христофорович	1897—1982	Генерал армии с 17.11.1943	1-й Прибалтийский (17.11.1943 — 24.02.1945)	Дважды Герой Советского Союза (29.7.1944, 1.12.1977), Маршал Советского Союза (11.3.1955)
Ватутин Николай Федорович	1901—1944	Генерал армии с 12.02.1943	1-й Украинский (20.10.1943 — 2.3.1944)	Герой Советского Союза (посмертно; 7.5.1965)
Говоров Леонид Александрович	1897—1955	Генерал армии с 17.11.1943, Маршал Советского Союза с 18.6.1944	Ленинградский (с 10.6.1942 до конца войны)	Герой Советского Союза (17.1.1945), награжден полководческим орденом Победы (1945)
Еременко Андрей Иванович	1892—1970	Генерал армии с 27.8.1943	2-й Прибалтийский (23.4.1944—4.2.1945)	Герой Советского Союза (29.7.1944), Маршал Советского Союза (11.3.1955)
Жуков Георгий Константинович	1896—1974	Маршал Советского Союза с 18.1.1943	1-й Украинский (2.3.1944 — 15.5.1944); 1-й Белорусский (с 17.11.1944 до конца войны)	Четырежды Герой Советского Союза (29.8.1939; 29.7.1944; 1.6.1945; 1.12.1956), дважды награжден полководческим орденом Победы (1944 и 1945)
Захаров Георгий Федорович	1897—1957	Генерал армии с 28.7.1944	2-й Белорусский (7.6 — 17.11.1944)	
Ковалев Михаил Прокофьевич	1897—1967	Генерал-полковник с 1943	Забайкальский (9.1941—12.7.1945)	
Конеv Иван Степанович	1897—1973	Генерал армии с 26.8.1943, Маршал Советского Союза с 20.2.1944	2-й Украинский (20.10.1943—21.5.1944); 1-й Украинский (с 24.5.1944 до конца войны)	Дважды Герой Советского Союза (29.7.1944, 1.6.1945), награжден полководческим орденом Победы (1945)
Курочкин Павел Алексеевич	1900—1989	Генерал-полковник с 27.8.1943	2-й Белорусский (24.2—5.4.1944)	Генерал армии (1959), Герой Советского Союза (29.6.1945)
Малиновский Родион Яковлевич	1898—1967	Генерал армии с 28.4.1943, Маршал Советского Союза с 10.9.1944	3-й Украинский (20.10.1943 — 15.5.1944); 2-й Украинский (с 22.5.1944 до конца войны)	Дважды Герой Советского Союза (8.9.1945, 11.1958), награжден полководческим орденом Победы (1945)
Масленников Иван Иванович	1900—1954	Генерал-полковник с 30.1.1943, генерал армии с 28.7.1944	3-й Прибалтийский (21.4.1944— 16.10.1944)	Герой Советского Союза (8.9.1945)
Мерецков Кирилл Афанасьевич	1897—1968	Генерал армии, Маршал Советского Союза с 26.10.1944	Волховский (9.6.1942 — 15.2.1944); Карельский (22.2 — 15.11.1944)	Герой Советского Союза (21.3.1940), награжден полководческим орденом Победы (1945)
Петров Иван Ефимович	1896—1958	Генерал армии с 9.10.43, генерал-полковник с 4.2.1944, генерал армии (повторно) с 26.10.1944	2-й Белорусский (24.4 — 6.06.1944); 4-й Украинский (5.8.1944—26.3.1945)	Герой Советского Союза (29.6.1945)
Попов Маркиан Михайлович	1902—1969	Генерал армии с 26.8.1943, генерал-полковник с 20.4.1944	2-й Прибалтийский (20.10.1943 — 23.4.1944)	Герой Советского Союза (7.5.1965)
Пуркаев Максим Алексеевич	1894—1953	Генерал-полковник, генерал армии с 26.10.1944	Дальневосточный (25.4.1943 — 4.8.1945)	
Рокоссовский Константин Константинович	1896—1968	Генерал армии с 28.4.1943, Маршал Советского Союза с 29.6.1944	Белорусский (20.10.1943—23.2.1944); 1-й Белорусский (24.2 — 17.11.1944); 2-й Белорусский (с 17.11.1944 до конца войны)	Дважды Герой Советского Союза (29.7.1944, 1.6.1945), награжден полководческим орденом Победы (1945)
Соколовский Василий Данилович	1897—1968	Генерал армии с 27.8.1943	Западный (28.2.1943 — 15.4.1944)	Герой Советского Союза (29.6.1945), Маршал Советского Союза (1946)
Толбухин Федор Иванович	1894—1949	Генерал армии с 21.9.1943, Маршал Советского Союза с 12.9.1944	4-й Украинский (20.10.1943 — 15.5.1944); 3-й Украинский (с 15.5.1944 до конца войны)	Герой Советского Союза (посмертно; 7.5.1965); награжден полководческим орденом Победы (1945)
Тюленев Иван Владимирович	1892—1978	Генерал армии с 1940	Закавказский (с 15.5.1942 до конца войны)	Герой Советского Союза (21.2.1978)
Фролов Валериан Александрович	1895—1961	Генерал-полковник с 28.4.1943	Карельский (1.9.1941 — 21.2.1944)	
Черняховский Иван Данилович	1906—1945	Генерал-полковник с 5.3.1944, генерал армии с 26.6.1944	Западный (с 17.4.1944); 3-й Белорусский (с 24.4.1944 — 18.2.1945)	Дважды Герой Советского Союза (17.10.1943; 29.7.1944)

А.А. ПЕЧЕНКИН

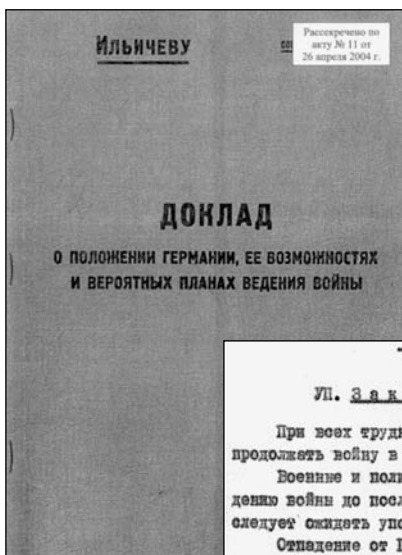
ГЕРМАНИЯ НАКАНУНЕ ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»

Участие внешней разведки НКГБ и военной разведки в подготовке операции

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ основных разведывательных органов СССР, имевших право вести разведку за рубежом, основывалось на специальных документах. Одним из первых стала «Инструкция о взаимоотношениях разведывательных органов НКГБ, погранвойск НКВД, НКО и НК ВМФ по агентурно-оперативной работе». 29 апреля 1941 года инструкцию подписали народный комиссар государственной безопасности, заместитель наркома внутренних дел, начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба НКО и начальник разведывательного управления Наркомата ВМФ. Взаимодействие спецслужб шло на протяжении всей войны, что сыграло важную роль в проверке агентурных данных и принятии своевременных мер, направленных на эффективное противодействие противнику.

18 апреля 1943 года был подписан приказ НКО о совершенствовании системы агентурной разведки на временно оккупированной территории СССР. В соответствии с ним при начальнике Генерального штаба была создана группа «командиров с задачей общеполитического анализа поступающих данных о противнике от всех органов разведки и контрразведки НКО, НКВД, НК ВМФ, Главного управления «Смерш» и партизанских штабов». Эта группа аналитиков также сыграла позитивную роль в обобщении важных сведений о противнике и разработке на их основе предложений в интересах действующей армии.

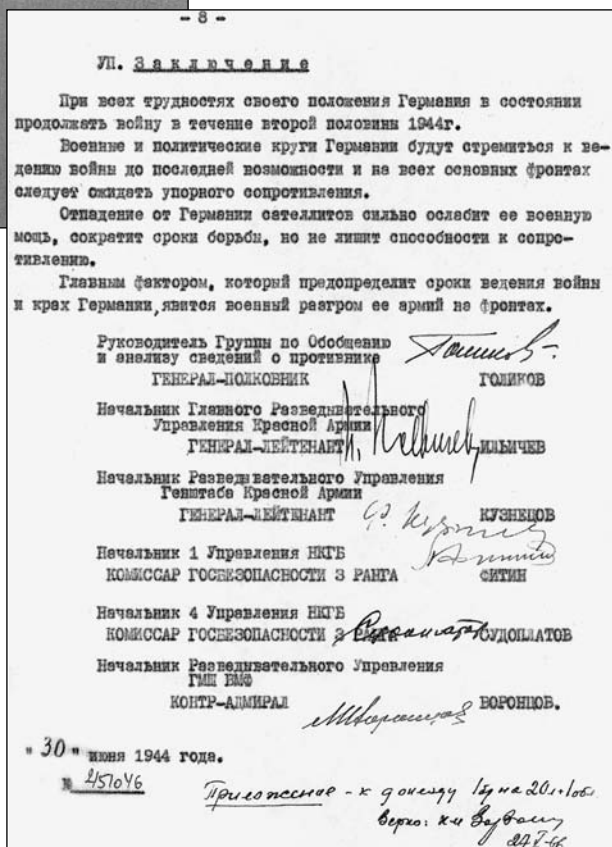
В 1944 году взаимодействие между ГРУ и 1-м управлением НКГБ в области обмена разведывательными сведениями о внутриполитическом положении в Германии развивалось достаточно активно. Военная разведка получала разведданные по своим агентурным каналам и направляла начальнику внешней разведки НКГБ. Так, 5 июля 1944 года в НКГБ поступило донесение, из которого было видно, что появились серьезные противоречия между фашистской партией, генералитетом и промышленными кругами Германии, причиной чему послужили в основном поражения германской армии на восточном фрон-

Обложка и последняя страница документа

те. О том, что эти предположения оказались верными, можно судить по тому, что через 15 дней на Гитлера было совершено покушение.

НАКАНУНЕ операции «Багратион» (Белорусской операции 1944 г.) «источники» советской военной разведки добывали сведения не только о действиях противника, но и о том, что немецким разведывательным службам становилось известно о дислокации советских войск. Такая информация представляла особую ценность. Например, 29 августа 1944 года начальник ГРУ направил первому заместителю начальника Генерального штаба генералу армии А.И. Антонову донесение следующего содержания:

«Наш достоверный источник сообщил, что немецкой службе радиоперехвата при Северной группе армий стало известно о наличии на Ленинградском и Прибалтийском фронтах 2, 6, 10, 11-й гвардейских, 1, 2, 4-й ударных и 43, 51, 54 и 67-й армий. 2-я

ударная армия отмечается противником в районе Нарва...».

Донесение Ильичева, составленное на основе данных «заслуживающего доверия источника», говорило о том, что германская военная разведка располагает сведениями о группировке советских войск на северном участке советско-германского фронта, а также указывало на

крупные недостатки в организации радиообмена в армиях, дислоцированных в этом районе.

Каждая разведывательная служба отвечала за добывание сведений по строго определенным направлениям. Для лучшего согласования их работы по указанию И.В. Сталина в 1944 году была создана специальная группа по разведке под руководством генерал-полковника Ф.И. Голикова. Группой был подготовлен ряд документов. Один из них — доклад «О положении в Германии, ее возможностях и вероятных планах ведения войны» — был подготовлен накануне операции «Багратион» и направлен И.В. Сталину, В.М. Молотову и А.М. Василевскому. Сам доклад занял 8 страниц машинописного текста, а приложения к нему — 39.

Документ рассекречен 26 апреля 2004 года и ныне впервые публикуется в открытой печати.

ИЛЬИЧЕВУ

ДОКЛАД о положении Германии, ее возможностях и вероятных планах ведения войны

Начальники центральных органов разведки Наркомата обороны, государственной безопасности и Военно-морского флота под руководством генерал-полковника тов. ГОЛИКОВА совместно рассмотрели положение Германии, ее возможности и вероятные планы дальнейшего ведения войны.

Результатом нашей совместной работы является настоящий сжатый доклад, обоснованный в представляемых при этом приложениях по вопросам:

1. Состояния военно-экономического потенциала Германии и ее сателлитов на 1.6.[19]44 года;
2. Положения с людскими ресурсами и мобилизационными возможностями Германии и ее сателлитов на 1.6.[19]44 г.;
3. Политического положения Германии;
4. Состояния вооруженных сил Германии и ее сателлитов.

I. Состояние военно-экономического потенциала

Состояние экономики Германии характеризуется:

- а) общим снижением производительности труда в Германии на 20 проц.* по сравнению с 1939 годом вследствие воздушных бомбардировок, массового призыва в армию квалифицированной рабочей силы из народного хозяйства и вовлечения в производство до 10 млн. человек рабочей силы с пониженной производительностью труда (7 млн. иностранцев, свыше 3 млн. пленных), а также женщин и подростков;
- б) большим снижением объема производства главных видов военной промышленности в 1944 году по сравнению с 1942 годом:

по танкам — на 27 проц. (1942 г. — 1167 танков в месяц, 1944 г. — 850 танков);

по самолетам — на 27,3 проц. (1942 г. — 1740 самолетов в месяц, 1944 г. — 1270 самолетов);

по подводным лодкам на 41—42 проц. (1942 г. — 26 лодок в месяц, 1944 г. — 15 лодок);

по стрелково-артиллерийскому вооружению и боеприпасам на 27—30 проц.;

в) большой зависимостью Германии от импорта из стран-сателлитов, нейтральных и оккупированных стран ряда видов стратегического сырья (особенно легирующих металлов и нефтепродуктов).

Располагая важнейшими видами стратегического сырья и продовольствия, вассальные страны представляют собой значительную сырьевую базу Германии для продолжения ею войны.

Так, например, 21 проц. (3,3 млн. т) общего поступления горючего в Германию ввозится из Румынии, она же обеспечивает 36 проц. потребности Германии в высококачественных маслах; 50 проц. (800 тыс. т) общей годовой потребности в бокситах немцы получают из Венгрии; Финляндия поставляет Германии до 4 тыс. т никеля (35—40 проц. годовой потребности) и 150 т кобальта (60 проц. годовой потребности); Румыния и Венгрия обеспечивают Германию на 12 проц. (1,7 млн. т) потребления в продовольственном зерне;

г) продолжающимся ухудшением продовольственного положения Германии (потребление по сравнению с довоенным уровнем снизилось: по хлебу — на 30 проц., по жирам — на 64 проц., по мясу — на 75 проц.) и неизбежностью дальнейшего его ухудшения в связи с изгнанием немцев из Украины.

II. Положение с людскими ресурсами

Расчет людских ресурсов Германии свидетельствует о почти полном исчерпании возможностей дальнейшего изъятия военнопленных контингентов из народного хозяйства.

Из имевшихся в Германии военнопленных в возрасте 18—55 лет 19 400 тыс. чел[овек] отоброшены в армию к 1.6.[19]44 г. 15 700 тыс. чел[овек], общий остаток военных указанных возрастов составляет 3700 тыс. чел[овек], из коих должно быть оставлено в народном хозяйстве и госаппарате минимально 3200 тыс. чел[овек].

Остаток военнопленных из названных возрастов составляет 500 тыс. человек. Эта цифра может быть доведена до 800 тыс. человек путем мобилизации лиц в возрасте 55-60 лет и немцев, проживающих в странах-сателлитах (фольксдойче)

С началом 1945 года имеется возможность призвать лиц рождения 1927 года в количестве до 550 тысяч человек.

Общие безвозвратные потери Германии за время войны составили 7600 тыс. человек.

Предполагаемые минимальные

безвозвратные потери немецкой армии за вторую половину 1944 года составят 1,5 млн. человек.

Резерв военнопленных контингентов стран-сателлитов в возрасте 18—50 лет составляет до 2 млн. человек, но их призыв в армию ограничивается отсутствием вооружения и офицерских кадров.

Мобилизационное напряжение Германии к 1.6. с.г.(1944 г. — В.Л.) достигло 19,9 проц., превзойдя мобилизационное напряжение к концу Первой мировой войны, когда оно выражалось в 19,6 проц.

III. Политическое положение

Политическое положение Германии характеризуется:

а) нарастающим напряжением на внутреннем фронте Германии в связи с усталостью масс от войны, неудачным ходом ее для Германии, влиянием авиационных бомбардировок и ростом понимания как в народе, так и среди известной части правящего класса и господствующей клики неизбежности поражения и даже разгрома;

б) ухудшающимся внешнеполитическим положением Германии во взаимоотношениях с нейтральными странами в связи с военными неудачами Германии и пониманием нейтралами неизбежности военного краха последней;

в) напряженностью ее отношений с собственными союзниками-сателлитами в связи с большим обострением их военного и политического положения и ближайшими перспективами военной катастрофы;

г) выходом Италии из войны на стороне Германии и неудавшимися попытками втянуть Японию в войну с СССР;

д) обострением политической обстановки для Германии в оккупированных ею странах (Югославии, Греции, Италии, Франции);

е) провалом попыток немецких оккупационных властей использовать в своих интересах широкие слои населения временно оккупированных районов Советского Союза, особенно русских, украинцев и белорусов.

Все эти как внутривнутриполитические, так и внешнеполитические обстоятельства непосредственно сказываются на военных мероприятиях Германии в сторону дальнейшего, и без того уже большого, отрыва вооруженных сил Германии от решающих театров военных действий для обеспечения положения на внутреннем фронте, в оккупированных странах и странах-сателлитах.

IV. Состояние вооруженных сил

Несмотря на большое мобилизационное напряжение Германии, состояние ее вооруженных сил характеризуется:

- а) сокращением общей численности вооруженных сил с 9200 тыс. чел[овек] на 1.7. 1942 г. до 8200 тыс. чел[овек] на 1.6. 1944 г. и, предположительно, до 7500 тыс. чел[овек] на 1.1. 1945 г.

* В документе указано знаком %.

Это находит свое выражение в прогрессирующем истощении численного состава германских соединений (дивизий), средняя укомплектованность которых на 15.6.[19]44 года, после двух с лишним месяцев, использованных для их пополнения и восстановления, составляет: в пехотных дивизиях 67 проц. штатной численности, в танковых дивизиях 70 проц. штатной численности, в моторизованных дивизиях 70 проц. штатной численности.

При этом надо учесть, что штатная численность этих дивизий в результате проведенной реорганизации в 1943 году по директиве верховного командования сухопутных сил была сокращена: пехотной дивизии с 16 855 чел[овек] до 10 703 чел[овек], танковой дивизии с 14 500 чел[овек] до 14 000 чел[овек] и моторизованной дивизии с 14 900 чел[овек] до 13 500 чел[овек];

б) далеко не полной укомплектованностью частей и соединений немецкой армии материальной частью и вооружением из-за недостаточности военного производства и его отставания от нужд войны.

Эта укомплектованность составляет: для танковой дивизии от 60 до 65 проц., для артиллерийских частей от 70 до 75 проц.

По этой же причине реорганизация немецких дивизий в части их оснащения танками типа «Пантера», 88-мм противотанковыми орудиями и 120-мм минометами по прошествии 10 месяцев до сих пор не закончена.

Самолетный и танковый парки Германии вследствие систематического недополнения военной промышленностью боевых потерь за год, сравнивая положение на 1.7.[19]43 года и на 1.6.[19]44 года, уменьшились: по танкам первой линии (включая резерв РКК) с 10 500 до 6500 танков, по боевым самолетам с 6700 до 6100 самолетов;

в) возрастающим удельным весом в общем составе вооруженных сил Германии инациональных элементов (в среднем от 15 до 20 проц.) и войск ее сателлитов (с 34 соединений на 15.6.[19]43 года до 64 соединений к 15.6.[19]44 года). Соответственно с этим на советско-германском фронте количество немецких соединений сократилось с 210 до 178, т.е. на 32 соединения.

Все это, равно как и снижение морально-политического состояния главным образом в среде рядового и младшего командного состава, привело к качественному ухудшению сил, ведущих борьбу против Красной Армии.

V. Военная обстановка

Военная обстановка Германии характеризуется:

а) тем, что в отличие от истекших лет войны, когда Германия вела войну по существу на одном фронте — против СССР, в данное время она вынуждена вести войну на нескольких фронтах;

б) отсутствием у Германии стратегических резервов и переходом

вооруженных сил союзников к согласованному наступательным действиям, в связи с чем ее возможность маневрирования войсками между театрами военных действий крайне ограничивается;

в) потерей Германией стратегической и оперативной инициативы на всех фронтах;

г) тем, что Германия вынуждена считаться с возможностью высадки войск союзников в других районах.

VI. Вероятные планы дальнейшего ведения войны Германией

Стратегическое поражение Германии на советско-германском фронте в 1943 году и истощение ее ресурсов в борьбе с Советским Союзом, ограниченность собственных средств и сложившееся соотношение сил сторон определяют для Германии оборонительную стратегию.

Правящие круги Германии в условиях настоящей обстановки не в состоянии рассчитывать на победу в войне и возлагают надежды лишь на наиболее приемлемые для них условия мира с сохранением капиталистического режима и целостности Германии.

Для осуществления этих надежд немцы будут пытаться:

а) всемерно затягивать войну с ведением военных действий возможно дальше от собственных границ и с основной целью изматывать и истощать силы своих противников;

б) разобщить своих противников, с тем чтобы ослабить их объединенные усилия и использовать в собственных интересах могущие возникнуть между ними противоречия.

Вероятные действия противника по театрам военных действий представляются в следующем виде:

основным и наиболее угрожаемым театром военных действий для Германии будет оставаться советско-германский фронт. Немецкое командование будет стремиться любыми средствами задержать наступление Красной Армии, даже за счет ослабления своего фронта против американцев и англичан, лишь бы не допустить оккупации собственно Германии советскими войсками.

При решении этой задачи немецкое командование допускает возможность потери части оккупированных территорий и будет применять методы так называемой эластичной обороны с использованием водных рубежей (Березина, Неман, Шара, Западный Буг и реки львовского направления).

В качестве основного оборонительного рубежа немцы попытаются воспользоваться рубежом, проходящим по линии: восточная граница В[осточной] Пруссии, р[еки] Бобр, Нарев, Висла, Сан. Этот рубеж опирается на наиболее значительные реки данного театра. Он насыщен сооружениями долговременного типа и является последним, прикрывающим подступы к собственно Германии.

Линия его протяжения почти

двое короче линии обороны Нарва, Тарнополь; на этом, при возможности осуществления планомерного отхода, может строиться расчет немецкого командования на общую перегруппировку сил на восточном фронте с уплотнением боевых порядков и созданием резервов;

вне советско-германского фронта основные усилия немецкого командования будут направлены на локализацию успехов союзников во Франции, причем возможна попытка решить эту задачу наступательными действиями.

Основными силами для решения задачи на Западе будут являться войска, выделяемые в результате перегруппировки и переброски оккупационных войск Западной и Северной Европы;

в Италии противник будет продолжать медленно отходить на рубеж реки По, преследуя при этом основную цель — изматывание сил союзников и затягивание военных действий.

В дальнейшем противник будет отходить на линию Альп.

При сложившейся стратегической ситуации военно-морской флот Германии и ее союзников решающего влияния на ход войны не окажет.

VII. Заключение

При всех трудностях своего положения Германия в состоянии продолжать войну в течение второй половины 1944 г.

Военные и политические круги Германии будут стремиться к ведению войны до последней возможности, и на всех основных фронтах следует ожидать упорного сопротивления.

Отпадение от Германии сателлитов сильно ослабит ее военную мощь, сократит сроки борьбы, но не лишит способности к сопротивлению.

Главным фактором, который предопределяет сроки ведения войны и крах Германии, является военный разгром ее армий на фронтах.

Руководитель Группы по обобщению и анализу сведений о противнике генерал-полковник ГОЛИКОВ
Начальник Главного разведывательного управления Красной Армии генерал-лейтенант ИЛЬИЧЕВ
Начальник Разведывательного управления Генштаба Красной Армии генерал-лейтенант КУЗНЕЦОВ
Начальник 1-го управления НКГБ комиссар госбезопасности 3 ранга ФИТИН
Начальник 4-го управления НКГБ комиссар госбезопасности 3 ранга СУДОПЛАТОВ
Начальник Разведывательного управления ГМШ ВМФ контр-адмирал ВОРОНЦОВ

30 июня 1944 года

Публикация В.И. ЛОТЫ

ОТВАЖНЫЙ КОМБАТ

95-ЛЕТНИЙ ветеран Вооруженных сил Степан Семенович Баранников давно в отставке, но его фамилия до сих пор часто упоминается в армейских коллективах. Дело в том, что у него есть достойные продолжатели: сын — военный инженер, стал полковником танковых войск, до недавнего времени занимался научной и конструкторской работой, усовершенствуя отечественную бронетехнику; внук носит погоны капитана, пользуется уважением у сослуживцев. А Степан Семенович уволился из армии майором, ратную же службу он, выходец из многодетной крестьянской семьи, избрал под воздействием старшего брата. Тот благодаря природным дарованиям, упорству, трудолюбию сумел еще в дореволюционное время дослужиться до полковника. Степан Семенович не без улыбки вспоминает, как подростком щеголял перед сверстниками и сверстницами «босиком, зато в братовых офицерских галифе».

О том, с каким упорством и усердием постигал профессию Родину защищать будущий майор, убеждают документы из фамильного архива Баранниковых. Например, в свидетельстве об окончании Степаном Семеновичем в июле 1934 года школы снайперов (в документе — снай-

пинга) только по одному — невоенному предмету стоит отметка «удовлетворительно», по остальным же — «отлично». С еще лучшими показателями завершил Баранников в 1947 году учебу в Военной академии имени М.В. Фрунзе, удостоившись золотой медали.

Особенно памяты ветерану фронтовые годы. Встретил войну старшим лейтенантом войск НКВД. Возглавлял Баранников в то время батальон 30-й дивизии. Однажды в августе 1941 года перед его подразделением поставили задачу ликвидировать мотоциклетную роту противника, прорвавшуюся в прифронтовое село. Километра полтора чекисты ползли по хлебному полю, сумев подобрать незаметно к самой околице, где немцы уже начали окапываться. Во время стремительной атаки наметанный взгляд Баранникова издали заметил в недорытом окопчике вражеского офицера, который целился в него из пистолета. Его же ТТ, как назло, дал осечку. Оставалась надежда только на прикрепленные к ремню «лимонки». Никогда раньше ему не удавалось так далеко и точно бросить гранату. В награду достался новенький трофейный парабеллум.

В батальоне, входившем в 30-ю дивизию НКВД, приданную 50-й армии, насчитывалось око-

С.С. Баранников
в первый год войны

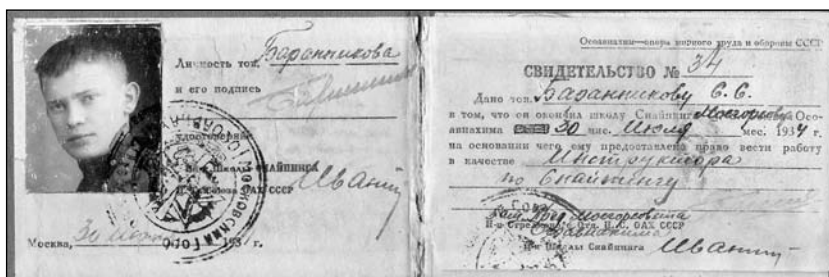
ло 600 хорошо подготовленных, обстрелянных бойцов. Командарм, генерал-майор М.П. Петров, знал цену чекистским формированиям. Батальон Баранникова он использовал как личный резерв, направляя его в самые опасные места.

Осенью 1941 года 50-я армия, участвуя в составе войск Брянского фронта в Орловско-Брянской оборонительной операции (проводилась с 30 сентября по 23 октября), попала в окружение. Обеспечение выхода из вражеского кольца частей второго армейского эшелона генерал-майор Петров возложил на подразделение старшего лейтенанта Баранникова. Особое беспокойство у командарма вызывала предстоящая переправа через р. Жиздру, а поэтому накануне он приказал комбату тщательно обследовать мост, по которому должны были двигаться войска. Вскоре Баранников доложил, что место переправы надежное.

Однако на другой день Жиздра словно взбесилась, а ведь вчера еще на высоте пяти метров над ней возвышался прочный мост. Теперь же его захлестывало пенными бурунами стремительное течение, тараня опоры вырванными с корнем прибрежными деревьями. Это потом уже стало известно, что немецкие танки разрушили дамбы, отчего вода из водохранилищ и озер и хлынула в русло Жиздры.

Вначале Баранников растерялся, как и водители первых подошедших к переправе машин.

— Товарищ командир, у меня пять тонн снарядов, сломаю мост

Свидетельство об окончании школы снайперов

и сам утону, — стал доказывать офицеру невозможность переправы в этом месте кто-то из них. Его поддержали другие. Но комбат, преодолев минутную слабость, уже принял решение.

— Нет другого моста. И времени у нас нет: немец подпирает. Поведете машины на скорости, с открытыми дверцами, в случае чего выпрыгивайте. Сам буду стоять на мосту... — Прервал себя на миг и еще более решительно добавил: — Если какая-то машина с водителем обрушится, застрелюсь...

Взойдя на скользкий мост, Баранников стал посредине, окутываемый бурунами, достал добытый в бою парабеллум, прижал его к виску. Не к чьему-нибудь, хотя, обладая большими полномочиями и исходя из ситуации, мог бы поступить и так, а к своему. Этот его поступок оценили по достоинству. Машины пошли по мосту мимо старшего лейтенанта, обдавая его дымом, порой задевая бортами. Таким образом воля старшего лейтенанта НКВД Степана Баранникова явилась той нитью, благодаря которой вышли из-под удара на-

На официальном приеме. С.С. Баранников — второй слева.

ши войска. Командарм пообещал тогда представить Баранникова к званию Героя Советского Союза, да вскоре погиб.

Рядом со смертью оказался и отважный комбат. Она, смертушка, сторожила его, пока он собирал по приказу командарма оставшие группы и подразделения, пока выводил из окружения разросшийся более чем до полка свой батальон через болотистые брянские леса, то и дело попадая под вражеские обстрелы, пока трое суток без сознания с температурой за 40° лежал где-то в дальнем углу лазарета как безнадежный. Но снова победил: зашевелился, подал голос. Санитарка всплеснула руками и запричитала: «Ой, батюшки! Да ты, родимый, еще живой?..»

Хотя конца войны еще не было видно, по приказу Верховного Главнокомандующего с фронтов и флотов на учебу в военные академии откомандировывались наиболее опытные, толковые и перспективные офицеры. Этим выражалась реальная забота о будущем могуществе и безопасности государства. Тогда же, в 1944 году, откомандировали в Москву в Военную академию имени М.В. Фрунзе и капитана Баранникова. Словно оправдываясь перед друзьями, идущими к Берлину, за такой неожиданный поворот в своей военной судьбе, он в течение почти четырех лет спал не более четырех часов в сутки, отдавая все силы науке и практическим занятиям. В 1947-м майор С.С. Баранников по окончании основного факультета академии получил диплом с отличием. Более того, дипломную работу, освещавшую развитие тактического мастерства общевойскового боя полка с 1914 по 1945 год, защитил на французском языке. Это послужило поводом, для того чтобы в будущем заняться разведывательной работой. Но затребован-

ные соответствующей инстанцией документы оказались в другом не менее ответственном и влиятельном ведомстве — Министерстве государственной безопасности. По решению последнего майора Баранникова назначили старшим преподавателем, а вскоре и заместителем начальника кафедры оперативной подготовки Института МГБ.

Уволившись в 1954 году из Вооруженных сил, Степан Семенович некоторое время спустя оказался в Павлодарской области, что на севере Казахстана, в рядах покорителей целины. Офицера-фронтовика заметили и там, назначив прорабом, а затем и управляющим строительным трестом. Через два года Баранников возвратился в Москву, где ему доверили авральное строительство павильона № 57 на ВДНХ — столица спешно готовилась к международной выставке. Степан Семенович, сдав комиссии один из красивейших и современных павильонов, был уполномочен организовать в нем и проведение первой выставки. На фотоснимке той поры, хранящемся в семейном архиве, С.С. Баранников запечатлен рядом с руководителями партии и государства — Л.И. Брежневым, Н.В. Подгорным, А.Н. Косыгиным.

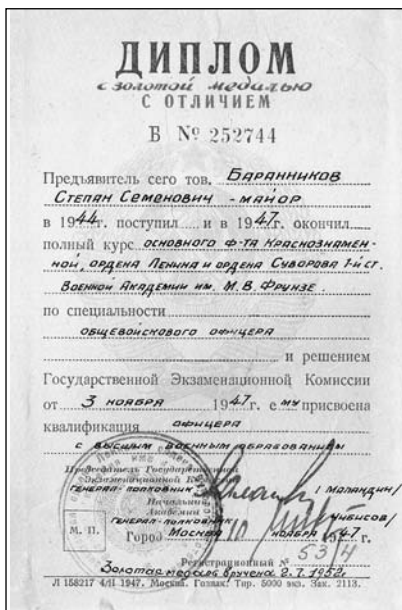
Предлагая редакции этот материал для публикации, надеюсь, что читатели «Военно-исторического журнала» не только запомнят имя достойного человека, приближающегося к своему вековому рубежу, но и будут гордиться таким соотечественником.

**Полковник запаса
Н.В. ПАЛЬЧИКОВ**

С.С. Баранников — выпускник Военной академии имени М.В. Фрунзе

Диплом об окончании академии

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ХИМИЧЕСКОЙ НАУКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

ПЕСМОТЯ на значительные успехи в развитии химической науки, Россия вступила в Первую мировую войну, не имея достаточно развитой химической промышленности и особенно химических производств военного назначения. Военные действия выдвинули в качестве неотложной задачи обеспечение армии всеми видами взрывчатых веществ. Огромная заслуга в решении этой проблемы принадлежала Русскому физико-химическому обществу и образованному при нем в конце 1915 года Военно-химическому комитету во главе с Н.С. Курнаковым (заместитель председателя В.Е. Тищенко, члены совета В.Н. Ипатьев, А.Е. Фаворский, А.Е. Ферсман и другие ученые). По инициативе активистов в интересах нужд военного времени в 1916 году в Петрограде был основан Опытный завод как промежуточное звено между лабораторной стадией и промышленным выпуском химических продуктов. Хотя к началу 1919 года здесь успешно реализовали ряд проектов, имевших военное значение, однако все определеннее на первый план выдвигалась более широкая цель — индустриализация России, ее экономическое развитие путем рационального использования природных богатств¹.

Важным шагом в этом направлении считалось создание Института прикладной химии, что стало темой обсуждения на совместном заседании комиссии по изучению естественных производительных сил России Академии наук и Военно-химического комитета еще 10 января 1917 года. О том, какое значение придавалось этому вопросу, можно судить по числу участников мероприятия — 91 человек, среди которых преобладали ученые-химики.

На заседании, где председательствовал В.И. Вернадский, наряду с обстоятельными выступлениями Н.С. Курнакова и Л.А. Чугаева о путях практического осуществления идеи исследовательских институтов в области химических наук прозвучал доклад А.П. Поспелова «Идея Института прикладной химии». В других научных сообщениях и выступлениях анализировался широкий круг проблем организации отечественной науки: координация исследований, повышение роли вузов в научном потенциале

страны, обеспечение правильных взаимоотношений между наукой, техникой и промышленностью, рациональное размещение институтов на территории России. Отметим, что большинство озвученных тогда предложений впоследствии в той или иной форме оказались реализованными².

В феврале 1919 года Военно-химический комитет при Русском физико-химическом обществе был реорганизован в Российский институт прикладной химии (РИПХ) с передачей ему Опытного завода. Распорядительный документ о его создании в архивах не обнаружен, однако известно, что этот вопрос значился одним из пунктов плана заседания научно-технического отдела Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). Кроме того, в нынешней экспозиции Институтского музея имеется телефонограмма следующего содержания: «Научно-технический отдел приступает к организации в Петрограде Института прикладной химии, который находим необходимым устроить в помещении 2-го винного склада (на Ватном острове), где имеется соответствующее хорошее оборудование»³. Хотя после 1917 года при ВСНХ и наркоматах было создано немало новых научных учреждений (к 1923 г. — 55⁴) и организация очередного вливалась в общее русло создания основ государственной организации науки РИПХ стал научным центром, единственным в России по своей особой значимости. Его основателями явились лучшие представители отечественной химической науки академики Н.С. Курнаков (директор), В.Н. Ипатьев, А.Е. Фаворский, А.Е. Порай-Кошиц, В.Е. Тищенко, профессора С.П. Вуколов, А.И. Горбов, Г.А. Забудский, П.И. Шестаков, Л.А. Чугаев, П.П. Федотьев, А.А. Яковкин⁵.

Деятельность института в первые годы существования была направлена на обеспечение зарождающейся индустрии, прежде всего оборонного комплекса, основными химическими продуктами и освобождение страны от импорта. В 1925 году переименованный из российского в государственный (ГИПХ) институт прикладной химии состоял из 12 научных отделов, которые своей деятельностью охватывали все области химической технологии. Наиболее интересные

и полезные наработки стекались из отделов в цеха Опытного завода, где химическое производство осуществлялось в заводском масштабе. В 1936 году в соответствии с решением Народного комиссариата тяжелой промышленности в ГИПХ образовался проектный отдел для проектирования всех разрабатываемых институтом технологических идей, то есть, как тогда говорили, от «пробирки до химического производства». Вместе с тем каждый этап процесса закреплялся за соответствующим подразделением: научно-исследовательский институт — Опытный завод — проектный отдел⁶. Так, по разработкам ГИПХ (В.П. Ильинский, Б.К. Климов, Л.А. Чугаев) в 1920-е годы создавались производства бертолетовой соли, фосфора, фосфорного ангидрида и фосфорной кислоты, минеральных и органических красителей; благодаря исследованиям его ученых был поставлен на промышленный поток выпуск цианистых соединений на Чернореченском, Воскресенском и Лохвицком химических комбинатах⁷. Среди ранних разработок института необходимо упомянуть также те, что явились первыми кирпичиками отечественной алюминиевой промышленности. Речь идет о развитии и усовершенствовании способа спекания применительно к высококремнистым бокситам, нефелинам и другим алюмосиликатным породам, о том, как под руководством А.А. Яковкина и И.С. Лилеева при участии В.А. Мазеля, Ф.Н. Строкова и других разрабатывался способ спекания сухой боксито-известково-содовой шихты, нашедший применение на Волховском алюминиевом заводе при переработке бокситов Тихвинского месторождения⁸. Позднее по предложению В.А. Мазеля на Тихвинском глиноземном заводе был осуществлен вариант спекания мокрой шихты. Первый советский алюминий из тихвинских бокситов был получен в 1926 году на ленинградском заводе «Красный выборжец», а в 1932-м (по технологии ГИПХ) — на Волховском алюминиевом комбинате⁹.

Ряд лет коллектив института разрабатывал проблему электрохимического получения соединений с высшей степенью окисления, необходимых в военных производст-

вах. Успешные исследования С.А. Зарецкого, В.П. Ильинского, С.Н. Лурье легли в основу технологий производства перекиси водорода, персульфатов, хлорной кислоты и перхлоратов, двуокиси марганца. В 1930-е годы были завершены научные исследования по синтезу хлорированных продуктов на базе ацетиленов, открывшие путь к созданию промышленной технологии искусственного хлорсодержащего каучука «Совпрен». Работы академика А.Е. Фаворского и профессора А.Л. Клебанского закрепили приоритет отечественной химической науки в этой области¹⁰.

Большое внимание в разработках ГИПХ уделялось синтезу взрывчатых веществ (С.П. Вуколов) и изучению процессов горения (Д.П. Коновалов)¹¹, что наряду с другими исследованиями способствовало выполнению в предвоенный период ряда важнейших оборонных заказов. Тогда же в научных лабораториях и на Опытном заводе института были получены синтетический каучук, ацетилен, новые образцы пороха, гопкалит для противогазов, различные отравляющие вещества и дегазаторы против отравляющих веществ¹².

В годы Великой Отечественной войны работы ГИПХ, обеспечивавшие тремя научными лабораториями, направлялись на разработку жизненно важных для блокадного Ленинграда процессов с учетом необходимости максимальной экономии материальных и энергетических ресурсов, полного и рационального использования имевшихся запасов сырья. Так, лаборатория противохимической защиты разрабатывала средства индивидуальной и коллективной химзащиты, новые экспресс-методы индикации и анализа отравляющих веществ, новые виды дегазаторов и осушителей гопкалитовых патронов противогазов; специальная лаборатория проводила работы в области пиротехники и взрывчатых веществ по созданию различных сигнально-осветительных шашек, сигнальных средств, дававших цветные и маскирующие дымы, горючих составов для зажигательных приспособлений новых типов подрывных устройств и замедлителей к ним, заменителей алюминия и магния в зажигательных и пиротехнических боеприпасах; в лаборатории органического синтеза осваивались методы получения из местного сырья сложных органических соединений, необходимых при производстве препаратов для химической разведки и красителей для сигнальных дымов, при синтезе лекарственных составляющих¹³. ГИПХ был единственным действующим научно-исследовательским центром противохимической обороны блокадного Ленинграда, объединившим все оставшиеся в осажденном городе научные кадры химиков. Его сотрудники организо-

вали на действующих предприятиях снаряжение противотанковых зажигательных бутылок, производство химических поглотителей для противогазов, фармацевтических препаратов, глюкозы, наркотического эфира, хлористого кальция и другой продукции, необходимой для войск и госпиталей. При активном участии институтов ученых развернулись работы по изучению и анализу трофейных боеприпасов и техники, по выпуску диверсионных зажигательных патронов, дымовых шашек и сигнальных осветительных средств¹⁴. Большое значение для жителей Ленинграда имели разработки по производству спичек и огнезащитной замазки. Именно благодаря последней, предложенной ГИПХ, в блокадном городе удалось избежать возникновения массовых пожаров¹⁵. В целом новые производства обеспечивали потребности Ленинградского фронта и Балтийского флота.

В конце войны важной государственной задачей стало создание реактивной техники в СССР, в связи с чем разработку, изучение свойств и организацию промышленных производств ракетного топлива решением правительства поручили ГИПХ, который стал головной организацией в этом направлении. Не утратил он своей ведущей роли и в послевоенный период, когда начали бурно развиваться такие отрасли, как реактивная авиация, ракетостроение, атомные технологии, микроэлектроника и ряд других. Перед страной также встала задача создания технологий для производства широкого круга новых химических продуктов. Развитие СССР, укрепление его обороноспособности потребовали резкого увеличения научных и технических возможностей ГИПХ, превратившегося в крупнейший научный центр прикладной химии с уникальной экспериментальной и опытно-промышленной базой для успешного проведения работ по проблеме ракетного топлива.

Эпоха бурного развития оборонной науки и техники совпала с годами, когда Государственный институт прикладной химии возглавил Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, действительный член АН СССР и РАН В.С. Шпак. В это время были начаты исследовательские работы по освоению нового класса ракетного топлива — самовоспламеняющегося. В 1950-х годах одной из ведущих научных тем института стала разработка топлива для знаменитой ракеты Р-7, созданной С.П. Королевым. Пока она не взлетела в 1957 году, выведя на орбиту первый искусственный спутник Земли, были проработаны и исследованы около 100 рецептур. Впоследствии ГИПХ осуществлял химическое обеспечение всех космических программ. Опыт этой работы, в частности в области жидкого ра-

кетного топлива, позволил его ученикам, таким, как С.С. Марков, Б.В. Гидаспов, О.Н. Павлов, внести весомый вклад в химию и технологию компонентов твердых и пастообразных ракетных смесей¹⁶.

Как показывают термодинамические расчеты эффективности применения различных компонентов ракетного топлива, существенное повышение удельного импульса тяги можно получить при использовании в качестве окислителя жидкого фтора. В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 3 декабря 1953 года научно-исследовательские работы по использованию этого продукта и химических соединений с ним были начаты на институтской рабочей площадке¹⁷. Уникальные свойства жидкого фтора потребовали от химиков-технологов ГИПХ разработки специальных методов обеспечения герметичности установок и трубопроводов, организации системы контроля чистоты атмосферы и технологических отходов и т.д. Так, фтор производили в электролизерах, разработанных технологами института с использованием немецкого опыта. Необходимо было овладеть методами подготовки и пассивации всего оборудования, установить условия (температуру, давление, скорость движения потоков), при которых фторидная пленка на внутренних поверхностях деталей установок остается стабильной. Впрочем, требовалось разработать не только технологию, но и соответствующие способы транспортировки и хранения. С этой целью были созданы баки особой конструкции с теплоизоляцией, обеспечивавшей хранение жидкого фтора до 15—20 суток с потерей, не превышавшей 0,75—1,5 проц., разработан проект складских помещений с системами для отбора и конденсации фтористых паров, для нейтрализации которых в малых количествах были найдены поглотители и отработаны конструкции¹⁸.

Работы по фторной тематике в дальнейшем послужили основой для фундаментальных научных и технических разработок в области фтороводорода и фторорганических соединений, над которыми трудились И.Л. Серушкин, Б.Н. Максимов, В.Г. Барабанов и которые завершились созданием оригинальных отечественных технологий с внедрением в промышленность и выпуском более 250 новых фторсодержащих продуктов¹⁹.

Объем работ, проделанных в 1950-е годы на опытно-промышленной базе института, был огромен. Ведь дело не ограничивалось только технологией. Для химической промышленности, особенно государственного уровня, неприемлем подход без проведения углубленных токсикологических исследований, без создания анали-

тических методик. Необходимо тщательно отслеживание действия химических производств на природу и человеческий организм в частности. И вся эта исследовательская работа также была успешно проделана научными сотрудниками ГИПХ, чьи труды тесно связаны не только с космическими глубинами, но и с водными, например при разработке проекта первой советской атомной подводной лодки (АПЛ). Особого внимания при проектировании потребовали вопросы обеспечения жизнедеятельности экипажа. Впервые предстояло создать на десятки суток комфортные условия пребывания людей внутри не имеющего связи с атмосферой корабля с ограниченным внутренним объемом, при поступлении в этот объем большого количества тепла от агрегатов и механизмов, при наличии множества работающих радиоэлектронных средств и другого оборудования. В то же время надо было обезопасить личный состав от воздействия радиационных факторов ядерной энергетической установки.

Ведущей организацией в проведении комплекса исследований и опытных работ по созданию и поддержанию необходимых температурно-влажностных режимов на борту АПЛ тоже стал ГИПХ. Им же осуществлялась разработка регенеративных установок и регенерирующих веществ для обеспечения необходимого соотношения кислорода и углекислого газа в отсеках подводного атомохода²⁰.

Одним из востребованных в военной технике химических соединений в послевоенное время стала высококонцентрированная перекись водорода. Это вещество использовалось как рабочее тело в турбинах турбонасосных агрегатов ракет²¹. Так, большое количество 80-процентной перекиси водорода потреблялось в качестве топлива для работы парогазовой турбинной установки подводных лодок проекта 617²². Ученые и конструкторы ГИПХ разработали электрохимический способ получения перекиси водорода, а также безотходную высокоэкономичную технологию производства данного продукта изопропиловым методом²³.

В большинстве боевых баллистических ракет как ракетных войск стратегического назначения, так и ВМФ применяли двигатели, работавшие на высокотоксичных компонентах топлива, которые, кроме того, самовоспламенялись при соединении. Это затрудняло эксплуатацию ракетных систем. С целью повышения безопасности и боеготовности в 1958 году были развернуты работы по созданию твердотопливных ракет. Главной проблемой была

разработка видов топлива с необходимыми свойствами, и основным разработчиком нового смешанного топлива стал ГИПХ²⁴. К 1963 году в институте было создано топливо, позволившее провести стендовую отработку всех трех ступеней ракеты РТ-2.

Кроме разработки компонентов ракетного топлива, ГИПХ участвовал в научном поиске и создании эффективных рабочих тел для нехимических ракетных двигателей (электронагревных, электротермических, плазменных, ионных, ядерных). Большой цикл физико-химических и стендовых исследований был посвящен изучению процессов и созданию специфических по химической природе эффективных видов топлива для магнитогазодинамического преобразования тепловой энергии в электрическую²⁵. Учитывая то, что химическое сопровождение эксплуатации жидкого ракетного топлива включало решение проблемы регенерации компонентов, слитых из баков ракет по истечении гарантийных сроков хранения, в Государственном институте прикладной химии разработали оригинальную технологию, обеспечивавшую повторное многократное использование отдельных компонентов. Это явилось одним из преимуществ упомянутых видов ракетного топлива²⁶.

Важным направлением работы Российского научного центра «Прикладная химия» сегодня является обеспечение химическими ресурсами новой техники для обороны государства, а также максимальное использование технических и промышленных ресурсов химической и оборонной промышленности для удовлетворения неотложных нужд хозяйства России. По ряду разработок центр в настоящее время считается лидером не только в нашей стране, но и в мире. Он обладает уникальной опытно-экспериментальной базой, насчитывающей более 400 опытных установок различного профиля, позволяющих проводить научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, а также осуществлять штатные поставки изделий для комплектации объектов ракетно-космической техники в экологически безопасном режиме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Климов А.В.* Опытный завод Государственного института прикладной химии // Работы Опытного завода 1916—1926 гг.: Труды ГИПХ. Л., 1927.

² *Кольцов А.В.* Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915—1930 гг. СПб.: Наука, 1999. С. 43, 44.

³ Экспозиция музея Федерального государственного унитарного предприятия РНЦ «Прикладная химия».

⁴ Организация науки в первые годы

Советской власти (1917—1925): Сб. док. Л., 1968. С. 83.

⁵ *Базанов А.Г.* 80 лет Государственному институту прикладной химии — Российскому научному центру «Прикладная химия» // Журнал прикладной химии. 1999. Т. 72. № 12. С. 1937—1943.

⁶ Мы создаем химические технологии и производства // Мост. 1999. № 27. С. 42—45.

⁷ *Терещенко Г.Ф., Шпак В.С.* 75 лет деятельности Государственного института прикладной химии — Российского научного центра «Прикладная химия» // Журнал прикладной химии. 1994. Т. 67. № 1. С. 3—5.

⁸ *Лайнер А.И., Еремин Н.И., Лайнер Ю.А., Певзнер И.З.* Производство глинозема. М.: Металлургия, 1978. С. 4, 184.

⁹ *Калинин М., Федяев А.* Бокситогорск. Пикалево. Л.: Лениздат, 1983. С. 4.

¹⁰ *Георгиевский С.С., Мануйлова В.И.* История организации и развития науки в Российском научном центре «Прикладная химия» для нужд оборонного комплекса // Наука и военная техника. Из истории оборонных предприятий Петербурга. Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук / Под ред. Б.И. Иванова, Е.А. Ивановой, Э.А. Троппа. СПб., 2001. С. 28—34.

¹¹ *Базанов А.Г.* Указ. соч. С. 1937—1943.

¹² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1957. Оп. 6. Д. 486. Л. 43.

¹³ *Базанов А.Г.* Указ. соч. С. 1937—1943.

¹⁴ Страницы героического труда химиков в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1989. С. 289.

¹⁵ *Эттингер И.Л.* Воспоминания химика // Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945: Очерки. Воспоминания. Документы. М.: Наука, 1996. С. 95—101.

¹⁶ *Георгиевский С.С., Мануйлова В.И.* Указ. соч. С. 28—34.

¹⁷ Однажды и навсегда... Документы и люди о создателе ракетных двигателей и космических систем академик Валентине Петровиче Глушко. М.: Машиностроение, 1998. С. 545.

¹⁸ *Штхер М.С.* Топлива и рабочие тела ракетных двигателей. М.: Машиностроение, 1976. С. 76, 77.

¹⁹ *Базанов А.Г.* Указ. соч. С. 1937—1943.

²⁰ *Гладков Г.А., Журнов А.Д., Станиславский Г.А.* и др. История создания первой отечественной атомной подводной лодки. М.: Изд-во «ГУП НИКИЭТ», 2002. С. 49.

²¹ *Карпенко А.В.* Ракетное оружие // Наука Санкт-Петербурга и морская мощь России. СПб.: Наука, 2002. Т. 2. С. 512.

²² *Первов М.А.* Ракетное оружие Ракетных войск стратегического назначения. М.: ВИАЛАНТА, 1999. С. 37, 41.

²³ *Цветков И.Ф.* Военные секреты третьего рейха на службе холодной войны: подводная лодка доктора Гельмута Вальтера // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб.: Изд-во «Дмитрий Булавин», 2002. С. 467—489.

²⁴ Экспозиция музея Федерального государственного унитарного предприятия РНЦ «Прикладная химия».

²⁵ *Базанов А.Г.* Указ. соч. С. 1937—1943.

²⁶ *Георгиевский С.С., Мануйлова В.И.* Указ. соч. С. 28—34.

А.М. СУДАРИКОВ

ВОЙСКОВАЯ АРТИЛЛЕРИЯ ВЕРМАХТА В 1941—1945 гг.

Германия традиционно имела очень мощную войсковую артиллерию. Еще в годы Первой мировой войны артиллерия немецких соединений превосходила по своей мощи аналогичный вид оружия всех ее противников. Ни одна дивизия в мире в то время не имела такого количества артиллерийского вооружения и, прежде всего, тяжелой артиллерии. С приходом нацистов к власти началось лихорадочное наращивание количественного и качественного состава артиллерии германского вермахта.

О НЕПОЛНЫМ данным, ко времени нападения на Советский Союз гитлеровская Германия имела следующее количество основных артиллерийских систем: 37-мм противотанковых пушек Рак-36 — 14 459, 50-мм противотанковых пушек Рак-38 — 1047, 37-мм чехословацких противотанковых пушек — около 1500, 47-мм чехословацких противотанковых пушек — 750, австрийских 47-мм противотанковых пушек — 480; 75-мм легких пехотных орудий — 4176, 150-мм тяжелых пехотных орудий — 867; 75-мм полевых пушек — 402; 105-мм легких гаубиц — 7076; 150-мм тяжелых гаубиц — 2867, 150-мм чехословацких гаубиц — 321; 105-мм тяжелых пушек — 760; 211-мм мортир — 388; 20-мм зенитных автоматов — около 24 000; 81,4-мм минометов — 11 767. Кроме того, на вооружении вермахта стояло большое количество трофейных орудий, захваченных в Польше, Югославии, Норвегии, Франции, Бельгии и Голландии. Всего вермахт, по неполным данным, имел свыше 73 620 артиллерийских систем и минометов¹.

Организационно войсковая артиллерия вермахта была приспособлена к стратегии и тактике «молниеносной войны». Вся дивизионная артиллерия, кроме горных дивизий, была полностью гау-

бичной, а функции поддержки пехоты на поле боя возлагались на пехотные орудия с большой крутизной траектории, а также на придававшиеся пехотным соединениям батареи и дивизионы штурмовых орудий. Структура артиллерийских частей и подразделений общевойсковых соединений вермахта должна была обеспечивать решение максимально широкого круга задач, без привлечения сил старших начальников. При этом необходимо отметить, что пехотные дивизии имели определенные различия в оснащении. Зависело это от времени их формирования. Для 120 пехотных дивизий 1—12 волн формирования эти различия были мало-значительными. Например, в некоторых дивизиях роты пехотных орудий не имели в своем составе 150-мм тяжелых пехотных орудий, а насчитывали 6—8 75-мм легких пехотных. Различался и качественный состав противотанковой артиллерии: дивизии могли быть оснащены только 37-мм противотанковыми пушками (ПТП) и не иметь 50-мм ПТП, или же вооружались 47-мм ПТП французского или чехословацкого образцов вместо 50-мм пушек и т.д. Соединения последующих волн формирования уже значительно отступали по артиллерийскому оснащению от штатного расписания.

Сравнение количественного и качественного состава артиллерии соединений вермахта и РККА накануне Великой Отечественной войны, которое мы провели (см.: Воен.-истор. журнал. 2005. № 5), позволяет говорить о том, что самым существенным преимуществом вермахта был высокий уровень моторизации дивизионной и противотанковой артиллерии. В большей части пехотных соединений вермахта для буксировки орудий артиллерийского полка дивизии и ее противотанкового дивизиона использовалась механическая тяга, т.е. специализированные полугусеничные тягачи, а также автомобили повышенной проходимости с колесной формулой 6х4. Конную тягу имела незначительная часть дивизионной артиллерии.

Войсковая артиллерия вермахта в 1941—1943 гг.—это:

батальонная артиллерия: пехот-

ный (мотопехотный) батальон — минометный взвод (6 81,4-мм минометов) пулеметной роты батальона, а также гранатометные отделения стрелковых взводов (один 50-мм миномет); мотопехотный батальон (тд) — минометный взвод (6 81,4-мм минометов) пулеметной роты; взвод противотанковых пушек (3 37-мм орудия) и взвод легких пехотных орудий (2 75-мм орудия leIG18) роты тяжелого оружия; легкий (егерский) батальон — минометный взвод (6 81,4-мм минометов) и взвод легких пехотных орудий (2 75-мм легких горных пехотных орудия GebIG18) роты тяжелого оружия; горно-стрелковый батальон — по 2 81,4-мм миномета в трех горных ротах, взвод легких пехотных орудий в штабной роте (2 75-мм легких горных пехотных орудия GebIG18);

полковая артиллерия: пехотный полк — рота пехотных орудий (6 75-мм легких пехотных орудий и 2 150-мм тяжелых пехотных орудия); противотанковая рота (8 37-мм и 4 50-мм противотанковые пушки); мотострелковый полк (тд) — рота пехотных орудий (4 75-мм легких пехотных орудия) и 2 150-мм тяжелых пехотных орудия), моторизованная противотанковая рота (8 37-мм и 4 50-мм противотанковые пушки); мотострелковый полк (мд) — рота пехотных орудий (6 75-мм пехотных орудий и 2 150-мм тяжелых пехотных орудия), моторизованная противотанковая рота (8 37-мм и 4 50-мм противотанковые пушки); легкий пехотный (егерский) полк — моторизованная противотанковая рота (12 37-мм противотанковых пушек); горно-стрелковый полк — моторизованная противотанковая рота (9 37-мм и 2 50-мм противотанковых пушек);

дивизионная артиллерия: пехотной дивизии: артиллерийский полк — три легких гаубичных дивизиона (по 12 105-мм легких гаубиц) и один тяжелый гаубичный дивизион (12 150-мм тяжелых гаубиц); истребительно-противотанковый дивизион — три роты противотанковых пушек и рота зенитных пушек (24 37-мм и 12 50-мм противотанковых пушек; 12—18 20-мм зенитных автоматов); разведывательный батальон — взвод легких пехотных орудий (2 75-мм орудия) и взвод 37-мм противотанковых пушек (3 орудия) моторизованного эскадрона тяжелого оружия; танковой (мо-

Таблица

**Динамика изменения количества артиллерии
в дивизиях вермахта в 1941–1943 гг.**

Артиллерийская система	ПД		ТД		МД		
	1941 г.	1943 г.	1944 г.	1941 г.	1943 г.	1941 г.	1943 г.
пехотные, мотопехотные батальоны	9	6	6	4	4	6	4
37-мм противотанковые пушки	51	1	—	45	—	54	—
50-мм противотанковые пушки	24	24	—	9	8	9	—
75-мм противотанковые пушки	—	24	22*	—	12	—	33
75/76,2-мм противотанковые СУ	—	14	14	—	42	—	28
75-мм легкие пехотные орудия	20	20	19	22	2	16	16
150-мм тяжелые пехотные орудия	6	6	6/—**	4	—	4	4
105-мм легкие гаубицы	36	36	24	24	12	24	24
150-мм тяжелые гаубицы	12	9	4	12	9	12	9
150-мм самоходные ТПО «Бизон»	—	—	—	—	12	—	—
150-мм самоходные гаубицы «Весле»	—	—	—	—	12	—	—
150-мм самоходные гаубицы «Хуммель»	—	—	—	—	6	—	—
81,4-мм минометы	54	36	36	36	24	42	42
120-мм минометы	—	28	28/40**	—	20	—	28
20-мм зенитные автоматы	18	12	12	18	16	18	12
ПТР «Панцершрек»	—	108	108	—	64	—	64

* По причине нехватки 75-мм ПТП противотанковая рота пехотного полка часто располагала 3 50-мм ПТП и 18 ПТР «Панцершрек». На вооружении разведывательного (фузилерного) батальона пехотной дивизии имелась одна 50-мм ПТП. В этом случае в дивизии насчитывалось 10 50-мм и 12 75-мм ПТП.

** Из-за отсутствия необходимого количества 150-мм тяжелых пехотных орудий в роты пехотных орудий многих дивизий вводился минометный взвод (четыре 120-мм миномета), и тогда дивизии имели 40 120-мм минометов вместо 28.

торизованной) дивизии: артиллерийский полк — два легких гаубичных дивизиона (по 12 105-мм легких гаубиц) и тяжелый гаубичный дивизион (12 150-мм тяжелых гаубиц)*; моторизованный истребительно-противотанковый дивизион — три роты противотанковых пушек и рота зенитных пушек (24 37-мм и 9 50-мм противотанковых пушек; 18 20-мм зенитных автоматов); мотоциклетно-стрелковый батальон — взвод легких пехотных орудий (2 75-мм орудия) и взвод противотанковых пушек (3 37-мм орудия) роты тяжелого оружия, минометный взвод (6 81,4-мм минометов) мотоциклетно-пулеметной роты; разведывательный батальон — взвод легких пехотных орудий (2 75-мм орудия) и взвод противотанковых пушек (3 37-мм орудия) роты тяжелого оружия; горно-стрелковой дивизии: артиллерийский полк — два дивизиона горных пушек (в дивизионе — две батареи по 4 75-мм горных пушек GebK36), легкий гаубичный дивизион (12 105-мм легких полевых гаубиц), тяжелый артиллерийский дивизион (8 150-мм тяжелых гаубиц); истребительно-противотанковый дивизион — две роты 37-мм противотанковых пушек (24 37-мм противотанковых пушек); самокатный батальон — взвод легких пехотных орудий (2 75-мм орудия), минометный взвод (6 81,4-мм минометов) и взвод противотанковых пушек (3 37-мм орудия) эскадрона тяжелого оружия; легкой (егерской) дивизии: артиллерийский полк — два легких артиллерийских дивизиона (по 8 105-мм полевых гаубиц), легкий артиллерийский дивизион (12 105-мм полевых гаубиц), тяжелый артиллерийский дивизион (8 150-мм гаубиц); истребительно-противотанковый дивизион — две роты противотанковых пушек (20 37-мм орудий и 4 тяжелых ПТР); разведывательный батальон — моторизованный взвод противотанковых пушек (3 37-мм орудия).

Кроме пехотных, легких (егерских), горно-стрелковых, танковых и моторизованных соединений в составе сухопутных войск вермахта имелось еще несколько видов дивизий. Артиллерия охранной дивизии отвечала специфике несения охранной службы в тылу групп армий. Парашютные дивизии были укомплектованы легкими 75- и 105-мм безоткатными орудиями образца 1940 года, которые могли разбираться и сбрасываться на парашютах.

В отличие от артиллерии Вооруженных Сил Советского Союза в вермахте отсутствовала корпусная артиллерия как составляющая вой-

сковой артиллерии и штатная составляющая армейских корпусов. Армейские корпуса усиливались за счет артиллерийских частей РКК.

Как видно из приведенного выше перечисления, дивизионная артиллерия моторизованной и пехотной дивизий по своей структуре была практически идентична, отличием было лишь меньшее число дивизионов — 2 105-мм легких гаубиц в артиллерийском полку, поскольку моторизованная дивизия имела всего два мотопехотных полка.

Мотопехотный батальон танковой дивизии имел более мощную артиллерию (75-мм пехотные орудия и 37-мм противотанковые пушки) в связи со спецификой ведения высокоманевренных боевых действий танковыми соединениями в отрыве от пехотных соединений и необходимостью придания большей автономности батальонам. Кроме того, поскольку в танковой дивизии, как и в моторизованной, было два моторизованных полка, то артиллерийский полк танковой дивизии включал в себя только два дивизиона 105-мм легких гаубиц.

Точно так же в горных и легких батальонах имелись 75-мм орудия, поскольку в лесистой и горной местности их могли вынудить вести обособленные действия.

Необходимо отметить еще одну особенность войсковой артиллерии вермахта — наличие в роте пехотного оружия пехотного полка взвода 150-мм тяжелых пехотных орудий. Хотя дальность стрельбы этих орудий была небольшой (4700 м), они отличались достаточной легкостью, имели угол возвышения ствола 70° и стреляли 38-килограммовыми снарядами. Благодаря нали-

чию достаточно легкого оружия крупного калибра с такой навесной траекторией стрельбы и столь мощным снарядом полки вермахта имели возможность оперативно решать возникающие в ходе боевых действий задачи самостоятельно, не запрашивая огневой поддержки со стороны дивизионного артиллерийского полка (что, как правило, вело к потере времени).

С конца 1942 года из-за больших потерь на восточном фронте гитлеровцы были вынуждены начать сокращать состав большей части соединений сухопутных войск. Число пехотных батальонов в пехотной дивизии сокращалось до шести, количество мотопехотных батальонов в моторизованной дивизии — до четырех.

На новые штаты была переведена и артиллерия. В тяжелых артиллерийских дивизионах артиллерийских полков в дивизиях всех типов батареи 150-мм тяжелых гаубиц были переведены на трехорудийный состав, в дивизионе осталось 9 орудий. Количество же 105-мм гаубиц в артиллерийском полку осталось неизменным. Было уменьшено число буксируемых противотанковых пушек: в пехотной дивизии — с 75 до 49, в танковой — с 54 до 20, в моторизованной — с 63 до 33.

В качественном же отношении противотанковая артиллерия усилилась, поскольку на ее оснащение стали поступать 75-мм противотанковые пушки. Правда, полностью переоснастить все противотанковые роты 75-мм орудиями не удалось из-за недостаточной их поставки промышленностью. В результате противотанковые роты полков продолжали оснащаться как 75-мм, так и 50-мм ПТП.

* Часть дивизий имела в составе тяжелого дивизиона 2 батареи 150-мм гаубиц и 1 батарею 105-мм тяжелых пушек.

Частичное уменьшение количества противотанковых пушек компенсировалось введением в состав противотанковых подразделений дивизий самоходных установок (СУ) «Мардер»², являвшихся мощным противотанковым средством. В состав истребительно-противотанкового дивизиона пехотной дивизии кроме роты 75-мм ПТП (12 орудий) была введена рота противотанковых самоходных установок (14 75- или 76,2-мм СУ). Однако противотанковыми СУ истребительно-противотанковые дивизионы пехотных дивизий комплектовались лишь при наличии материальной части, и в случае отсутствия самоходных установок (а такое бывало в большинстве случаев) пехотная дивизия имела только одну противотанковую роту (12 75-мм противотанковых пушек).

В танковых дивизиях еще с весны 1942 года истребительно-противотанковые дивизионы начали перевооружать с буксируемых 37-мм и 50-мм противотанковых пушек на 76,2- и 75-мм противотанковые СУ. Первоначально противотанковые пушки заменялись на самоходные установки в одной роте; по мере поступления техники от промышленности число противотанковых СУ увеличивалось. В октябре 1943 года противотанковый дивизион танковой дивизии должен был включать в себя три роты противотанковых СУ по 14 орудий в каждой (при наличии техники), но в моторизованных полках вместо противотанковой роты был оставлен только взвод.

Замена противотанковых пушек на противотанковые СУ в моторизованных дивизиях началась в конце 1942 года. В октябре 1943 года организация истребительно-противотанкового дивизиона моторизованной дивизии предусматривала наличие двух рот противотанковых СУ (по 14 орудий) и роты 75-мм противотанковых пушек (12 орудий), но одновременно из состава мотострелковых полков моторизованных дивизий противотанковая артиллерия была изъята полностью.

В целом же противотанковые возможности соединений пехоты и панцерваффе несколько возросли, поскольку 75-мм противотанковые пушки, 76,2- и 75-мм противотанковые СУ имели намного большую эффективность, чем 37- и 50-мм противотанковые пушки.

Что касается артиллерии панцерваффе, то там произошли и другие изменения. В моторизованных полках танковых дивизий роты пехотных орудий были полностью перевооружены 150-мм тяжелыми самоходными пехотными орудиями «Бизон». В артиллерийский полк танковой дивизии

вместо одного из легких дивизионов был введен дивизион самоходных орудий. В некоторых моторизованных дивизиях в ротах пехотных орудий мотострелковых полков буксируемые 150-мм тяжелые пехотные орудия также были заменены 150-мм самоходными орудиями «Бизон».

Значительно усилилась батальонная артиллерия соединений вермахта. В состав пулеметных рот пехотных и мотопехотных батальонов были введены по 4 120-мм миномета, а 81,4-мм минометы передали в пехотные роты. Одновременно из мотопехотных батальонов танковых дивизий были изъяты 75-мм пехотные орудия.

В результате перечисленных выше мероприятий войсковая артиллерия вермахта стала такой³:

батальонная артиллерия: пехотного батальона — минометный взвод (4 120-мм миномета) пулеметной роты, минометные взводы (по 2 81,4-мм миномета) пехотных рот, гранатометные отделения (один 60-мм миномет) стрелковых взводов; мотопехотного батальона — минометный взвод (4 120-мм миномета) и взвод тяжелых противотанковых пушек (три 75-мм орудия) роты тяжелого оружия, минометные взводы (по 2 81,4-мм миномета) мотопехотных рот;

полковая артиллерия: пехотного полка — рота пехотных орудий (6 75-мм пехотных орудий и 2 150-мм тяжелых пехотных орудия), противотанковая рота (9 75-мм противотанковых пушек или 3 75-мм и 6 50-мм противотанковых пушек). Из-за острого недостатка 150-мм тяжелых пехотных орудий значительная часть пехотных полков имела в роте пехотных орудий три взвода 75-мм орудий и минометный взвод — 4 120-мм миномета; моторизованного полка танковой дивизии — рота самоходных тяжелых пехотных орудий (6 150-мм самоходных тяжелых пехотных орудий «Бизон»), противотанковый взвод (4 50-мм противотанковые пушки), легкую зенитную роту (12 20-мм автоматов); мотострелкового полка моторизованной дивизии — рота пехотных орудий (6 75-мм легких пехотных орудия и 2 150-мм тяжелых пехотных орудия или 2 самоходных тяжелых пехотных орудия «Бизон»);

дивизионная артиллерия: пехотной дивизии: артиллерийский полк — три легких гаубичных дивизиона (по 12 105-мм легких гаубиц), тяжелый артиллерийский дивизион (9 150-мм тяжелых гаубиц); истребительно-противотанковый дивизион — рота противотанковых орудий (12 75-мм противотанковых пушек), рота противотанковых СУ «Мардер» (14 установок) и рота зенитных орудий (12 20-мм авто-

матических зенитных пушек); разведывательный (фузилёрный) батальон пехотной дивизии — взвод противотанковых пушек (4 50-мм орудия), взвод легких пехотных орудий (2 75-мм орудия) и минометный взвод (4 120-мм миномета); танковой дивизии: артиллерийский полк — смешанный артиллерийский дивизион самоходных орудий (12 105-мм самоходных гаубиц «Веспе» и 6 150-мм самоходных гаубиц «Хуммель»), легкий артиллерийский дивизион 9–12 105-мм гаубиц), тяжелый артиллерийский дивизион (9 150-мм тяжелых гаубиц), истребительно-противотанковый дивизион — три роты противотанковых СУ (по 14 установок в роте); штабная рота танковой дивизии — противотанковый взвод (3 75-мм противотанковых пушек), минометный взвод (6 81,4-мм минометов), взвод легких пехотных орудий (2 75-мм орудия), зенитный взвод (4 20-мм зенитных автомата); разведывательный танковый батальон — минометный взвод (4 120-мм миномета) и взвод противотанковых пушек (3 75-мм орудия); моторизованной дивизии: артиллерийский полк — два легких артиллерийских дивизиона (по 12 105-мм легких гаубиц) и тяжелый артиллерийский дивизион (9 150-мм тяжелых гаубиц), истребительно-противотанковый дивизион — рота 75-мм противотанковых пушек (12 орудий) и две роты противотанковых СУ (по 14 установок в роте), легкая зенитная рота (12 20-мм автоматических зенитных пушек); разведывательный танковый батальон — минометный взвод (4 120-мм миномета) и взвод противотанковых пушек (3 75-мм орудия).

В горных дивизиях шел процесс перевооружения артиллерийских полков 105-мм горными гаубицами GebH-40.

Необходимо отметить, что дивизии сокращенного состава обладали даже большей огневой мощью и противотанковыми возможностями по сравнению с дивизиями образца 1941 года. Однако добиться полной укомплектованности пехотных соединений командование вермахта так и не удалось.

Дальнейшие изменения в структуру войсковой артиллерии вермахта были внесены в 1944 году. Вместо дивизиона 150-мм тяжелых гаубиц в артиллерийском полку всех дивизий осталась только батарея (4 орудия), из артиллерийского полка пехотных и легких (егерских) дивизий был изъят один дивизион 105-мм легких гаубиц (12 орудий). Эти дивизионы направлялись на комплектование вновь формируемых соединений.

В пехотных дивизиях количество 75-мм легких пехотных орудий уменьшилось с 20 до 19, количество противотанковых пушек — более чем в 2 раза — с 49 до 22.

Проблема борьбы с советскими танками продолжала оставаться чрезвычайно актуальной для вермахта. В связи с этим противотанковые дивизионы пехотных, танковых и моторизованных дивизий, кроме противотанковых СУ «Мардер», стали также комплектоваться легкими истребителями танков «Хетцер» на шасси танка 38(t) и штурмовыми орудиями StuG III/40/IV (с 75-мм пушкой на шасси танка Т-III и Т-IV соответственно), имевшими более высокие характеристики, чем СУ «Мардер». Основным же противотанковым средством пехотной дивизии становятся реактивные ПТР «Панцершрек» и гранатометы «Панцерфауст» (фаустпатрон). В противотанковой роте пехотного полка полагалось иметь, кроме 3 75- или 50-мм противотанковых пушек, еще 36 ПТР «Панцершрек». Что касается «Панцерфаустов», то эти гранатометы имелись практически во всех подразделениях пехоты.

В целом противотанковые возможности пехотных, танковых и моторизованных соединений вермахта на протяжении всей войны являлись постоянной головной болью гитлеровского командования. К концу первого периода войны качества состав противотанковой артиллерии несколько улучшился, но резко упала численность противотанковых орудий в соединениях. Введение в состав противотанковых дивизионов противотанковых СУ и истребителей танков не решило проблемы, поскольку промышленность Германии не справлялась с выпуском в необходимых объемах противотанковых СУ и истребителей танков. Поэтому противотанковые подразделения соединений вермахта постоянно испытывали значительный некомплект материальной части.

Динамику изменений численности артиллерии в соединениях вермахта можно проследить по приведенной выше таблице⁴. Анализ таблицы показывает, что с переходом соединений вермахта на сокращенный штат, несмотря на уменьшение числа 150-мм гаубиц, количество тяжелых артиллерийских орудий, приходящихся на пехотный батальон вермахта, даже увеличилось, поскольку в состав каждого пехотного батальона были введены 4 120-мм миномета. В итоге общая численность артиллерийских орудий и минометов калибра 105-мм и более в пехотной дивизии вермахта достигла 79 единиц, и на один пехотный батальон стало приходиться порядка 13 этих орудий и минометов. В условиях ведения оборони-

тельных действий такое насыщение артиллерийскими системами крупного калибра было исключительно высоким, что с советской стороны выдвигало вопросы подавления вражеской артиллерии на один из первых планов.

Даже по штату 1944 года, после изъятия из артиллерийского полка одного дивизиона гаубиц и замены дивизиона тяжелых гаубиц на батарею, в пехотной дивизии вермахта оставалось 62—68 орудий и минометов калибра 105-мм и более, что давало 10,3—11,3 орудия и миномета крупного калибра на один пехотный батальон.

В целом штатная численность артиллерии соединений вермахта потенциально обеспечивала весьма солидную артиллерийскую поддержку частей и подразделений дивизий. Рота пехотных орудий полка могла выделять для поддержки каждого батальона два (а в 1943—1945 гг. — 3) 75-мм пехотных орудия, которые находились непосредственно в боевых порядках пехоты. Состав артиллерийского полка обеспечивал выделение на поддержку каждого пехотного батальона минимум батарею 105-мм гаубиц. Кроме того, оставалась возможность поддержки батальонов на наиболее важном направлении и огнем 150-мм тяжелых гаубиц. А в танковых дивизиях после перевооружения рот пехотных орудий моторизованных полков 150-мм самоходными орудиями «Бизон» каждый мотопехотный батальон мог получить для поддержки два—три таких орудия, что существенно повышало его возможности на поле боя.

Однако оснащенность пехотных дивизий вермахта во многом зависела от того, к какой волне формирования они относились. Громадные потери вооружений на восточном фронте приводили к тому, что восстанавливаемые после разгрома, пополняемые и вновь формируемые соединения не получали положенное по штату вооружение и отправлялись на фронт, не имея надлежащего количества артиллерийских орудий и минометов. Формировавшиеся с конца 1941 года и в дальнейшем стационарные, крепостные, авиаполевые (комплектовавшиеся личным составом наземных служб люфтваффе), учебно-полевые, учебные, резервные, запасные, народно-гренадерские и морские пехотные дивизии имели меньшее количество вооружений и транспорта, чем обычные пехотные соединения и, стало быть, значительно меньшие боевые возможности. Предполагалось, что перед отправкой на фронт эти соединения будут доукомплектовываться до штатов пехотных дивизий или же вливаться в имеющиеся соединения для их доукомплектования,

но с осени 1943 года недостаток вооружений и критическое положение на восточном фронте заставляли командование вермахта бросать все эти дивизии на фронт без доукомплектования.

Рассмотрев структуру войсковой артиллерии вермахта, можно сказать, что артиллерия его соединений, адаптированная к стратегии и тактике «молниеносной войны», оказалась невосприимчивой к изменению ситуации на восточном фронте. Рассредоточение большей части 105-мм и 150-мм гаубиц по общевойсковым соединениям было в какой-то мере оправдано в условиях высококомандных наступательных действий, когда требовалась непрерывная и быстрая огневая поддержка наступающих пехоты и танков. В этих условиях постоянная перегруппировка тяжелой артиллерии РГК с одного участка фронта на другой, где возникали задержки в продвижении войск, вела к потере темпов наступления.

После же перехода вермахта к стратегической обороне, когда дивизионная артиллерия стала избыточно мощной, тяжелые гаубичные дивизионы «резервировались» на второстепенных направлениях и не привлекались к поддержке войск в ходе контрударов и контрнаступлений на главных направлениях. А вследствие утраты люфтваффе стратегического господства в воздухе артиллерия оставалась единственной огневой силой вермахта, расчищающей дорогу пехоте и танкам. Однако в условиях отсутствия значительных сил в артиллерии РГК, «рассредоточения» тяжелых артиллерийских дивизионов по пехотным и танковым соединениям вермахт не мог создавать артиллерийские группировки, способные подавить оборону советских войск и обеспечить ее прорыв пехотой и танками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванов А. Артиллерия Германии во Второй мировой войне». СПб.: Издат. дом «Нева», 2003. С. 58—62.

² Следует различать противотанковые СУ, имевшие легкое бронирование и открытую сверху и сзади рубку для орудия, и истребители танков, а также штурмовые орудия, представлявшие собой полностью бронированные САУ.

³ Шунков В.Н. Оружия вермахта. Справочное издание, Минск: Харвест, 1999. С. 403—407; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг.: Справочник. М.: Изографус, ЭКСМО. 2002. С. 606—633; Иванов А. Указ. соч. С. 3—5.

⁴ Знаки различия германской армии и организация частей и соединений. М.: Воениздат НКО СССР, 1941. С. 15—18; Шунков В.Н. Указ. соч. С. 403—407; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 670—672; Иванов А. Указ. соч. С. 3—5.

**Подполковник
А.В. ЛОБАНОВ**

«НИ ОДИН ИЗ СПОСОБНЫХ ПОЛКОВОДЦЕВ НИКОГДА НЕ ВЫБИРАЛ ВЫЖИДАТЕЛЬНОГО

Виктор Филиппович Головачев (1821—1904) ПОЛОЖЕНИЯ...»

В.Ф. ГОЛОВАЧЕВ после окончания Морского корпуса в 1838 году был произведен в мичманы и начал службу на Черноморском флоте, в эскадре адмирала М.П. Лазарева, но по болезни вынужден был уйти на береговую, а затем и гражданскую службу.

Научная деятельность В.Ф. Головачева была посвящена исключительно морскому делу, главным образом истории российского флота. И хотя Виктор Филиппович не дошел до теоретического обобщения вопросов стратегии и тактики, его труды отличались глубиной проработки и фундаментальностью выводов на основе критического анализа исследуемого материала.

О методе своей исследовательской работы он писал в очерке «Чесменское сражение в его политической и стратегической обстановке и русский флот в 1769 году»: «Я обращался за справками к наиболее точным документам наших архивов: военного и морского — выверял все относящиеся к моему предмету повеления, приказы, донесения и отчеты, тщательно просмотрел и сверил между собой все надлежащие судовые журналы и так называемые клеркские протоколы — просмотрел современные дела в Адмиралтейств-коллегии и другие современные рукописи, — и надеюсь, что описание это, основанное на таких наиболее точных источниках, может послужить некоторым дополнительным вкладом в историю нашего флота»¹.

Именно так была написана одна из фундаментальных работ В.Ф. Головачева — «История Севастополя как русского порта» (1872), где он фактически проследил историю создания и деятельности Черноморского флота до Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг. В этом исследовании раскрываются политические мотивы и дипломатические шаги, предпринимавшиеся Российским государством при продвижении на юг, нарисована яркая картина присоединения Крыма к России, дан военно-политический анализ результатов расширения российских южных границ и реакции европейских стран (Англии, Пруссии и Франции) на эту победу, что в конечном итоге определило их по-

литическую в отношении Российской Империи в этом регионе. В книге дается также политическая оценка деятельности Г.А. Потемкина как крупного государственного и военного деятеля.

Н.Л. Кладо называл В.Ф. Головачева выдающимся морским историком, который не допускал шаблонного подхода в исторических исследованиях и готовил почву для крупных теоретических обобщений².

Еще одна фундаментальная работа В.Ф. Головачева — «Действия русского флота во время войны со Швецией в 1788—1790 гг.» (1871). На эту тему в 1872 году он прочитал публичные лекции в Кронштадте и Петербурге. Труд основан на документах и письмах участников тех событий, сопровождается отдельными комментариями и выводами автора. Он дал объективную оценку замыслам шведского короля Густава III и его умению «сосредоточить действующие силы к самому моменту сражения, несмотря на затруднения, представляемые и данной местностью, и способами передвижения судов, т.е. парусами и веслами...»³, и в то же время подчеркивал плохое исполнение этих замыслов.

В работе подробно разбираются действия командиров российских эскадр, дается оценка их полководческой деятельности. Особенно отмечаются успехи адмирала А.И. Круза.

Автор делает вывод о необходимости активного использования флота: «Ни один из способных полководцев никогда не выбирал выжидательного положения, и ни одно выжидательное положение, избранное взамен возможного активного, не приводило в военном деле к успешным результатам»⁴.

В исследованиях, посвященных российскому флоту, В.Ф. Головачев постоянно обращался к взаимоотношениям России с другими странами, особенно с великими морскими державами, такими, как Англия. В статье «Русский флот» (1899), разбивши сочинение полковника Д. Кларка, он показал неприязненное отношение этой страны к России и аргументированно опроверг высказывание Д. Кларка о выдающейся роли англичан в создании флота России. «Русский флот, — писал Виктор Филиппович, — был полезен, когда мы защищали свои личные ин-

тересы, и был убыточен только в союзе нашем с Англией»⁵.

Актуальными остаются многие представления историка и в настоящее время. Так, в статье «О значении флота для России на основании истории»⁶ он пишет: «А так как флот наш — это один из факторов нашей государственной силы, то мы иначе не выразим его значение, если, с одной стороны, не поставим его в самую тесную связь со всеми прочими потребностями и силами нашего государства, а с другой стороны, если не поставим его в соприкосновение со средствами, силами и нравственными побуждениями тех держав, против которых он будет действовать»⁷.

Глубокий анализ государственных и внешнеполитических факторов привел В.Ф. Головачева к выводу о той большой роли, которую сыграли поморы-славяне в становлении таких городов, как Новгород, Киев, а также в развитии морской торговли на Руси. Автор подчеркивал исключительную роль флота в восстановлении при Петре I Российского государства и дальнейшем расширении его границ.

В этой же работе он обратился к проблеме отношения к флоту России других государств, в частности Англии: «Для приобретения господства на морях существенные интересы Англии состояли в том, чтобы ослабить флоты всех прочих морских держав, и я обещаю на это обстоятельство особое внимание, так как вопрос этот обнимает самое обширное поле действий Англии на всеобщем политическом поприще и касается особенно наших интересов»⁸.

В заключение отметим, что труды В.Ф. Головачева и сегодня дают нам богатую пищу для размышлений и являются образцом исторического подхода в изучении прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Морской сборник. 1900. № 1. С. 57.

² Н.Л. Кладо. Этюды по стратегии. Пг., 1914. С. 217.

³ Морской сборник. 1873. № 10. С. 33.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ Там же. 1899. № 1. С. 2.

⁶ Там же. 1898. № 9. С. 8.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Там же. С. 25.

*Капитан 1 ранга в отставке
В.И. КОРЯВКО*

ВОЕННЫЕ ХРАМЫ АРМИИ И ФЛОТА РОССИИ

ИССЛЕДОВАНИЙ, специально посвященных истории появления первых храмов в армии и на флоте России, нет. В дореволюционной литературе заметный след в изучении темы оставил только протоиерей А. Смирнов¹. В то же время каждый, обращающийся к истории военного и морского духа, считает своим долгом упомянуть о времени появления первых церквей в армии и на флоте. Так, исследователи О.В. Золотарев, С. Шаталов считают, что постоянная воинская церковь начинает формироваться одновременно с созданием регулярной армии². В работах Е.В. Исаковой, В.С. Новикова, Ю.А. Фабрики находим уточнение: «Постоянная полковая церковь ведет свою историю со времени формирования 30 солдатских рекрутских полков»³. Близка к данной точке зрения позиция П.А. Денисенко, по мнению которого, история постоянной воинской церкви началась с 90-х годов XVII века⁴. Исследователь В.А. Чередник — что с XVIII века, видя основную причину этого в средствах, которые стали выделять на церковное строительство «военное и морское министерства»⁵. Р.В. Оточкин, В.Н. Осташкин, С.Л. Рыков временные рамки появления первых церквей при полках очерчивают 1730—1740 годами⁶. Самым распространенным стереотипом в современной историографии является утверждение о том, что первая постоянная полковая деревянная церковь появилась в 1748 году, а каменная — в 1764-м⁷, объясняя это началом расквартирования войск.

Что же касается точки зрения на время появления первых постоянных храмов при морских учреждениях, то ее в отечественной историографии достаточно четко определили В.Д. Доценко и В.В. Клавинг, считающие, что храмы на флоте «берут свое начало от собора Успения Богородицы в Воронеже, который по царскому указу с начала строительства Азовского флота был переименован в Успенскую Адмиралтейскую церковь»⁸.

ПРИЧИНЫ расхождений во взглядах на вопрос, когда появились первые постоянные церкви в русских армии и флоте, на наш взгляд, кроются в понимании содержания самой проблемы и подходах в ее освещении. Во-первых, каждый автор вкладывает свой смысл в понятие «постоянная церковь». Например,

А.В. Байдаков основными признаками такой церкви называет место ее нахождения, а также штат, который определялся тем ведомством, по решению которого она возводилась⁹, В.А. Чередник — «принадлежность конкретному полку, крепости, военно-морской базе»¹⁰. Авторы учебника «Во Имя России...» и историк С.Ю. Чимаров под постоянной церковью понимают стационарное сооружение¹¹, Е.В. Исакова, С. Шаталов — «походную церковь-палатку, где ничего не было лишнего, обременительного»¹². Таким образом, в нашем случае имеет место смешение понятий постоянной и походной церквей. Одна часть исследователей признаком постоянной церкви считает непрерывное присутствие походной церкви с полком. Другая ведет речь о создании при воинских частях и учреждениях стационарных культовых сооружений.

Во-вторых, исследователи, отстаивающие точку зрения о создании постоянной церкви на рубеже XVII—XVIII вв., следуют за логикой, которая подсказывает, что полковая или судовая церковь могла возникнуть вслед за появлением самого полка, военного корабля. Однако доказательств в пользу этой версии они не приводят. В то же время первые известные факты о деятельности священников в армии и на флоте относятся к 1706 и 1710 годам. Очевидно, что без священника церковь не существует.

В-третьих, над мнением сторонников появления постоянной церкви в 30—40-е годы XVIII века, как нам представляется, довлеет сложившийся стереотип. Анализ историографических источников свидетельствует о том, что деревянные и каменные церкви в воинских частях, морских учреждениях появились ранее 1748 и 1764 годов. Так, в работах дореволюционных авторов А. Смирнова, С.С. Топильского находим упоминание о часовне, которая имелась на «корабельном, морском, полковом дворе» уже в 1730 году. В 1733 году на ее месте была поставлена полотняная церковь, «в 1743 г. ее заменила постоянная церковь. В 1753 г. на ее месте был выстроен, а в 1760 г. освящен морской Николаевский Богоявленский собор»¹³. Современные исследователи Б. Сойко, М.В.

Шкаровский, Е.В. Исакова первое упоминание о часовне Святителя Николая Чудотворца относят к 1714 году и уточняют, что к небольшой Никольской полковой церкви уже в 1743 году были приписаны 3384 морских служащих¹⁴. Подтверждение этого факта находим в интереснейшей работе Е.В. Исаковой и М.В. Шкаровского¹⁵. В.М. Котков свидетельствует, что для 91-го пехотного Двинского полка деревянная церковь святого благоверного князя Александра Невского была построена в 1721 году¹⁶. Демонстрацию примеров возведения деревянных церквей до 1748 года можно было бы продолжить. Первый каменный храм, учитывая ту неточность, которая нами обнаружена, был построен на 10 лет раньше, в 1754 году.

Итак, походные церкви, которые постоянно находились с воинскими частями, кораблями, появились в начале XVIII века. Свидетельство о служении первых священников в армии и на флоте можно считать временем начала функционирования первых воинских церквей. Что же касается отражения в отечественной историографии времени появления первых постоянных (стационарных) храмов, то исследование показывает, что новые факты, имеющиеся в отечественной литературе, ломают сложившиеся стереотипы.

В частности, был затронут вопрос и о способах обеспечения церквями армии и флота. Одним из них являлась передача из епархиального ведомства в ведение обер-священника армии и флота госпитальных, крепостных, портовых и других постоянных церквей. Особый интерес данный вопрос вызывал у историков дореволюционного периода. Труды Н. Невзорова, Т.В. Барсова, Г.А. Цитовича и других демонстрируют неоднозначность восприятия этого процесса епархиальным духовенством и остроту той дискуссии, которая разгорелась в Русской православной церкви вокруг него в XIX веке¹⁷. Эта же проблема, хотя и в меньшей степени, поднималась в современной литературе. Однако за исключением работ А.В. Байдакова и С.Ю. Чимарова это обращение носило фрагментарный характер.

ИСТОРИОГРАФИЯ позволяет выделить этапы внутреннего противостояния между сторонниками и противниками передачи неподвижных храмов из ведомства в ведомство, а также оз-

накомиться с аргументами сторон в защиту этих позиций. Первый этап сопротивления этому процессу охватывал 1801—1826 гг. Начало спору, по мнению Т.В. Барсова, положило высочайшее повеление Павла I от 28 февраля 1801 года. Насколько трудно шло переподчинение церквей, свидетельствует следующий факт. В 1814 году под управление обер-священника армии и флота перешли 33 госпитальных, гарнизонных и крепостных церкви, а с 1815 по 1820 год — только пять¹⁸. Точку в споре поставил Николай I, который принял сторону военного духовенства, отразив это в своей резолюции, как пишет Н. Невзоров, «о передаче неподвижных церквей в правление обер-священника»¹⁹. Второй этап разногласий, отмечал Г.А. Цитович, пришелся на 1857—1860 гг.²⁰ Однако теперь он выражал еще и стремление отдельных представителей военного руководства с целью экономии средств передать неподвижные храмы, принадлежавшие военно-духовному ведомству, в распоряжение приходского духовенства.

Дореволюционные историографические источники в большей степени осветили второй этап дискуссии, знакомя с важнейшими аргументами той стороны, которая стремилась получить в свое подчинение военные соборы и церкви. Среди них они называют, во-первых, неканоничность власти протопресвитера. Он, по мнению сторонников данной точки зрения, был не в состоянии снабдить неподвижные храмы всем необходимым в церковном отношении. Во-вторых, неспособность со стороны протопресвитера установить надлежащий контроль и надзор за военными храмами и управление ими в условиях, когда они располагались по всей России²¹.

Доводы военного духовенства, препятствовавшего передаче неподвижных храмов в епархиальное ведомство, находим в работах как дореволюционных, так и современных исследователей²². Например, они обращают внимание на три основных аргумента противников передачи храмов в епархиальное ведомство: соборы и церкви были воздвигнуты и сохранились за счет военного ведомства; некоторые неподвижные церкви были построены царствующими особами на собственные средства — денежные суммы, выделенные для полков и принесенные им в дар; оформление ряда церквей было тесным образом связано с боевыми традициями полков.

Окончательная точка в споре, по свидетельству С.Ю. Чимарова, была поставлена в результате работы двух комиссий (с 1884 по 1890 г.), которые отвергли притязания тех, кто хотел отдать или получить не-

подвижные церкви, находившиеся в ведении военно-духовного ведомства²³. Несколько другое мнение находим у В.М. Коткова. Он утверждает, что «окончательное решение о подчиненности постоянных церквей военно-духовному ведомству было принято в 1884 г.»²⁴. Нам представляется, что точка зрения С.Ю. Чимарова ближе к истине. И хотя процесс передачи храмов из епархиального в военно-духовное ведомство продолжался до конца XIX века, все-таки окончательное решение по этому вопросу прозвучало в «Положении об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств» от 12 июня 1890 года²⁵. Сколько же всего храмов на протяжении XIX века было передано таким способом в военно-духовное ведомство, в отечественной историографии автору обнаружить не удалось.

ПОПОЛНЕНИЕ храмами военно-духовного ведомства осуществлялось и за счет строительства новых. Представление о его темпах, художественном оформлении военных и морских храмов в XIX веке можно составить на основе анализа дореволюционных публикаций, посвященных истории создания некоторых из них²⁶.

В силу их значимости отдельным храмам, общеизвестным памятникам культуры современники уделяли особое внимание. Примером такой популярности, как свидетельствует анализ публикаций, может служить один из крупнейших храмов Петербурга — Николо-Богоявленский морской собор²⁷.

Должное отражение проблема строительства военных и морских храмов в конце XIX — начале XX века нашла и в современной литературе. В ходе ее изучения установлены следующие особенности публикаций авторов: по форме изложения — это историко-статистические описания того или иного храма²⁸, в большинстве своем они знакомят читателя с историей тех воинских храмов, которые сооружены в честь важных исторических событий или в архитектурном плане представляют художественную ценность сегодня²⁹; историю известных полковых церквей мы находим, как правило, в трудах, посвященных храмам Санкт-Петербурга³⁰. Этот город являлся военной столицей, а потому все квартировавшие здесь гвардейские полки имели свои постоянные церкви. Данные, подтверждающие эту тенденцию, находим в работах В.М. Коткова и В.В. Клавинга. По их подсчетам, в 1862 году в Санкт-Петербурге и его ближайших пригородах числились 54 военных храма. И это тогда, когда к началу XX века во всем столичном округе было немногим более 100 храмов³¹. Такой уклон современной историографии невольно ве-

дет читателя к представлению о том, что строительство неподвижных храмов до 90-х годов XIX века велось в основном в столице и в первую очередь для частей российской гвардии.

Точных сведений о количестве храмов, построенных военно-духовным ведомством на протяжении XIX века в отечественной литературе нет. В то же время информация, содержащаяся в работах Г.А. Цитовича, В.Д. Доценко, В.В. Клавинга, В.М. Коткова, позволила установить, что в период правления Павла I и Александра I были построены по три постоянных воинских храма, за годы правления Николая I — семь, с 1855 по 1890 год — еще четыре храма³².

По подсчетам В. Осташкина, в русской армии в 1858 году насчитывалось 319 храмов³³. Численность храмов в военно-духовном ведомстве на 1890 год в исторической литературе колеблется от 335 до 519³⁴. К сожалению, отсутствие информации о соотношении постоянных и походных храмов делает эти сведения малопригодными для установления количества церквей построенных на протяжении второй половины XIX века. Однако в одном из статистических сборников читаем, что в 1890 году в военном ведомстве числились 374 храма, из них 260 являлись подвижными³⁵. При этом указывается, что абсолютного точных сведений ни за отдельные годы, ни тем более за целые периоды нет³⁶.

В результате несложных арифметических операций с данными этого сборника выяснено, что с 1840 по 1890 год военным и морским ведомствами были построены всего 5 неподвижных храмов. Таким образом, подтверждаются в целом единичные случаи строительства воинских неподвижных храмов и выводы о том, что «количество их во второй половине XIX в. было недостаточно»³⁷.

В ЭТИХ условиях основным местом для отправления богослужения оставался храм, размещенный в приспособленном для него помещении и, как отмечает отечественная историография, во всегда соответствовавший своему предназначению. В работах Л.В. Жуковой, М.Д. Гуськова, М.В. Шкаровского и других находим уточнение, что такими помещениями были казармы, склады, манежи, столовые и даже бараки³⁸. По мнению В.Д. Доценко и В.В. Клавинга, так устраивалось «большинство» церквей, что было характерно прежде всего для окраин Российской Империи³⁹. Мы не разделяем данную точку зрения. Отечественная литература, архивные источники содержат достаточно примеров того, что такое же устройство церквей было и в центральных военных округах⁴⁰. Например, в Московском гарнизоне из 15 полков

только четыре имели отдельные стационарные церкви⁴¹.

Такой тип храма, по утверждению А.В. Байдакова, не мог удовлетворить всех религиозных потребностей верующих. Православные воины, с детства воспитанные на «благолепии храма», были лишены его в такой церкви⁴². На это же обращает внимание и С.Ю. Чимаров, подчеркивая, что убранство полковых и корабельных церквей было скромное, а кое-где и убогое⁴³. Исследователями отмечалась недостаточная вместительность такого храма. Он «был настолько мал, отмечал современник, что кроме духовенства, причта певчих мог вместить лишь несколько богомольцев»⁴⁴. И это тогда, когда такой храм, например, на Ходыньском поле, должен был обслуживать до 30 тыс. военнопленных. В.М. Котков называет данную проблему «неблагоприятным обстоятельством военно-церковной жизни», когда не все нижние чины находили себе место в храме, а для офицеров это являлось одной из причин непопечения церкви⁴⁵.

Подобное положение с обеспечением войск специально приспособленными храмовыми сооружениями не могло не заинтересовать

исследователей проблемы церковного строительства в армии и на флоте в конце XIX — начале XX века.

Наиболее часто в исторической литературе упоминается об учреждении в 1900 году при Главном штабе особой комиссии, которая занималась вопросами удовлетворения религиозных нужд войск, разработки проекта особого типа полковой церкви, размеров сумм, выделявшихся на церковное строительство казной⁴⁶. Наряду с этим современные исследователи, опираясь на архивные документы, ввели в научный оборот новые факты, которые расширяют наши представления о содержании принимавшихся мер. В частности, В.М. Котков, С.Ю. Чимаров сообщают о наличии в военном ведомстве особых планов возведения храмов. Первый из них был рассчитан на 1899—1903 гг., второй должен был действовать с 1904 по 1908 год. Кроме того, они утверждают, что еще в 1899 году была образована комиссия во главе с протопресвитером армии и флота А.А. Желобовским для выработки упрощенного типа военной церкви⁴⁷. Эти данные нарушают сложившиеся в отечественной литературе представления о том, что новый тип церкви был подготовлен особой комиссией во главе с генералом

И.Д. Татищевым в 1901 году⁴⁸, а само строительство храмов началось только с известной резолюции Николая II от 1 декабря 1901 года⁴⁹.

А.В. Байдаков, анализируя решения комиссии, касающиеся непосредственно церковного строительства, обращает внимание на ту роль, которую впервые взяло на себя государство в решении данного вопроса. Оно определяло, где строить храмы, кто их должен был возводить, источники и размеры финансирования строительства, как быть тем воинским частям и кораблям, которые были временно лишены права иметь храм⁵⁰. В результате принятых мер, по оценке исследователей Ю.Б. Михайлова, Е.В. Исаковой, Ю.А. Фабрики, в начале XX века «появилось столько полковых храмов, сколько их не было построено за два предыдущих столетия»⁵¹. Однако подтвердить этот вывод при помощи статистических данных на сегодняшний день непросто. В отечественной историографии имеются лишь сведения об общем количестве храмов, которые числились за военным ведомством, без деления их на постоянные и походные.

Одна часть исследователей придерживается той точки зрения, что в 1901 году было 570, а в 1910 году — уже 819 и

ХРОНОГРАФ

1 ноября 1943 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о присвоении звания Героя Советского Союза 33 генералам, офицерскому, сержантскому и рядовому составу Красной армии «за успешное форсирование реки Днепр». 13 ноября за форсирование Днепра звание Героя Советского Союза было присвоено еще 72 офицерам, сержантам и рядовым.

2 ноября 1942 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об образовании Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР». В состав комиссии вошли А.А. Жданов, Н.М. Шверник (председатель), писатель А.Н. Толстой, академики Н.Н. Бурденко, Т.Д. Лысенко, Е.В. Тарле и др.

3 ноября 1883 года родился художник-график Дмитрий Моор, автор знаменитого в годы Гражданской войны плаката «Ты записался добровольцем?»

3 ноября 1885 года родился Н.Н. Аничков, генерал-лейтенант медицинской службы (1943), академик АН и АМН СССР. Умер 7 декабря 1964 года.

4 ноября 1967 года в Медвежьих озерах в Подмосковье был открыт Государственный центр космической связи.

6 ноября 1924 года Второе всесоюзное совещание ОДВФ приняло решение о создании Центрального авиационного музея в г. Москве. Торжественное открытие музея состоялось 18 января 1927 года. На протяжении существования музея менялись решаемые им задачи и соответственно его на-

Все даты приведены по новому стилю.

именование: с 1924 года — Центральный аэромузей ОДВФ СССР; с 1925-го — Центральный аэрохимический музей (Аэрохиммузей) им. М.В. Фрунзе; в 1927 году вошел в структуру ОСОАВИАХИМА СССР; к началу 1941-го — Центральный Дом авиации, противовоздушной и химической обороны им. М.В. Фрунзе ОСОАВИАХИМА СССР; с 1963 г. — Центральный Дом авиации и космонавтики им. М.В. Фрунзе ДОСААФ СССР; с 1992 года — Центральный Дом авиации и космонавтики РОСТО.

6 ноября 1940 года было принято Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о создании в системе наркоматов просвещения РСФСР и УССР 20 специальных школ ВВС, в которых целенаправленно шел отбор будущих курсантов для авиационных училищ.

6 ноября 1967 года открылся Космический музей в Звездном городке.

8 ноября 1875 года родился Е.В. Тарле, выдающийся историк, академик АН СССР, автор многих фундаментальных трудов по военной истории России. Умер в 1955 году.

10 ноября 1943 года началась Гомельско-Речицкая наступательная операция войск Белорусского фронта (генерал армии К.К. Рокоссовский) с целью разгрома гомельско-речицкой группировки немецко-фашистских войск. Главный удар наносился с плацдарма у Лосева силами 48-й (генерал-лейтенант П.Л. Романенко), 65-й (генерал-лейтенант П.И. Батов) и 61-й (генерал-лейтенант П.А. Белов) армий, 2 танковых и 2 кавалерийских корпусов в общем направлении на Речицу, а частью сил — на Калининичи. В это время войска 11-й и 63-й армий севернее Гомеля своими действиями должны были отвлечь внимание противника от направления главного удара. Стремительным ударом войска фронта перерезали железную дорогу Гомель — Калининичи.

более военно-морских храмов⁵². Другая, и она в меньшинстве, считает иначе. Так, по мнению В.В. Клавинга, в 1913 году в военно-духовном ведомстве числилось 638 храмов⁵³. Ряд современных исследователей со ссылкой на Г.А. Цитовича называют 676 храмов⁵⁴. В.С. Новиков утверждает, что в 1913 году в распоряжении военно-духовного ведомства насчитывалось 25 соборов и 666 церквей⁵⁵. У А.А. Плеханова на 1917 год находим и вовсе выбивающуюся из общего ряда сведений цифру: 543 храма⁵⁶. В результате принятых мер количество храмов в армии и на флоте за 10—13 лет увеличилось в первом случае приблизительно на 250, во втором — более чем на 100⁵⁷.

Такие значительные расхождения требуют дополнительного исследования проблемы. Представляется, что сведения во втором случае ближе к реальности. Право так утверждать нам дают следующие факты. С 1901 по 1906 год на церковное строительство было израсходовано 2 млн. рублей.⁵⁸ В 1907 году, по утверждению В.М. Коткова, было выделено 300 тыс. рублей. Затем, по замечанию Г.А. Цитовича, ежегодные ассигнования по этой статье составляли 100 тыс. рублей. Сто-

имость одной полковой церкви типового проекта колебалась в пределах 40 тыс. рублей.⁵⁹ Проведенные расчеты с определенной долей условности дают возможность предположить, что военное и морское ведомства с 1901 по 1910—1913 годы могли построить не более 100 храмов.

В современной исторической литературе в недостаточной степени изучен вопрос обеспеченности храмами военного флота. Так, А. Усов утверждает, что первая походная церковь на флоте была создана только в 1851 году — для экипажа военного фрегата «Паллада»⁶⁰. Еще более категорична исследователь Т.Г. Фруменкова, утверждающая, что в период участия России в Крымской войне (1853—1856) на военных кораблях не было походных церквей⁶¹. В то же время ряд историков доказывают обратное. По свидетельству Е.В. Исаковой, М.В. Шкаровского, В.С. Новикова и других., если к концу XVIII века церкви имели только флагманские корабли, то в конце XIX века — уже все крупные суда военного флота. У С.Л. Фирсова находим уточнение: в 1913 году по морскому ведомству числились 30 береговых церквей и 43 — на кораблях⁶².

ИЗУЧАЯ вопросы церковного строительства, ряд авторов отмечает характерные особенности этого процесса на рубеже XIX—XX вв. Во-первых, «военное ведомство в начале XX в. стремилось финансировать строительство военных храмов прежде всего на дальних рубежах империи, вне православного окружения...»⁶³. Е.В. Исакова, С. Шаталов причину подобного поведения Военного министерства объясняют тем, что в этих регионах храмы являлись символами присутствия центральной власти⁶⁴. Во-вторых, обращает на себя внимание кампанейский характер церковного строительства. Согласно утверждению В.А. Чередника, наибольший объем строительства приходился на период подготовки к юбилейным датам, когда работы велись под руководством и контролем правительства и Военного министерства⁶⁵. В-третьих, при возведении храмов активно использовались негосударственные средства. Среди них называются добровольные пожертвования частных лиц, денежные суммы, которые поступали на церковное строительство от венценосных особ, коллективные взносы прихожан и т.д.⁶⁶ Активную работу по привлечению внебюджетных средств проводили

чи и 18 ноября освободили Речицу, а к 20 ноября, продвинувшись на глубину свыше 70 км, достигли реки Березины и, форсировав ее, вышли в тыл гомельской группировки немецко-фашистских войск. 25 ноября советские войска вышли к Днепру. Стремясь избежать окружения, противник в ночь на 26 ноября начал отвод своих войск из междуречья рек Сож и Днепр. После ожесточенных ночных боев утром 26 ноября был освобожден Гомель. К 30 ноября войска Белорусского фронта вышли на рубеж западнее Петуховки, южнее Нового Быхова, Потаповки, Ельска, на чем операция и завершилась. За 20 дней войска фронта прорвали оборону противника в полосе шириной 100 км, нанесли ему тяжелые потери и продвинулись на глубину до 130 км, создав угрозу южному флангу группы армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Г. Клюге). Успеху операции во многом содействовали партизаны Белоруссии.

11 ноября 1805 года русская армия под командованием М.И. Кутузова близ г. Кремса разбила 25-тысячный французский корпус маршала Э. Мортье.

11 ноября 1914 года началась Лодзинская операция — наступательная операция германских войск на лодзинском направлении русско-германского фронта. Продолжалась до 24 ноября. После успешного завершения русскими войсками Варшавско-Ивангородской операции 1914 года русская Ставка разработала план продолжения наступления силами 2-й и 5-й армий Северо-Западного фронта и 4-й и 9-й армий Юго-Западного фронта в целях глубокого вторжения в пределы Германии. Наступление намечалось начать 1(14) ноября. Германское командование, узнав из перехваченных радиogramм об этом плане, приняло решение: упредив русские войска в наступлении, вырвать у них стратегическую инициа-

тиву. Оно перебросило 9-ю германскую армию (командующий генерал А. Макензен, впоследствии — генерал-фельдмаршал) из района Ченстохов, Калиш на север, в район Торна (Торунь), с тем чтобы оттуда нанести внезапный удар во фланг и тыл 2-й и 5-й русским армиям с задачей окружить и разгромить их в районе Лодзи. 3-й германский кавалерийский корпус, корпуса «Бреслау» и «Позен», группа войск генерала Р. Вейрша и 2-я австро-венгерская армия должны были сдержать наступление русских войск с фронта и сковать их. К началу операции 9-я германская армия имела 155 тыс. штыков и сабель, 450 пулеметов и 960 орудий, вспомогательная группа (без войск генерала Р. Вейрша и 2-й австро-венгерской армии) — 124 тыс. штыков и сабель, 250 пулеметов и 480 орудий. Противостоящие им русские армии (1, 2 и 5-я) насчитывали 367 тыс. штыков и сабель, 740 пулеметов, 1305 орудий. На направлении главного удара немцам удалось создать значительное превосходство в живой силе и артиллерии. 11 ноября противник перешел в наступление, нанося удар в стык 1-й (командующий генерал от кавалерии П.К. Ренненкамф) и 2-й (командующий генерал С.М. Шейдеман) русских армий. Начали также наступление 2, 5 и 4-я русские армии. В ходе боев германские войска не смогли разгромить русские армии, которые отошли на восток. В создавшихся условиях командующий 2-й русской армией передвинул часть сил на север и организовал оборону севернее Лодзи, а командующий Северо-Западным фронтом генерал от инфантерии Н.В. Рузский приступил к перегруппировке на север 2-й и 5-й армий. В итоге германский план окружения 2-й и 5-й русских армий был сорван. Не осуществившись, однако, и замысел глубокого вторжения в Германию, которое намечало русское командование. Лодзинская операция яви-

созданные прихожанами комитеты, общества, сами церкви и монастыри. В источниках встречаем упоминания и о так называемом хозяйственном способе возведения храма, предполагавшем активное участие в строительстве всех воинских чинов полка. С.Ю. Чимаров даже вводит в оборот специальную классификацию храмов: постоянные военные церкви, построенные на казенные средства, и военные церкви, возведенные на частные пожертвования для нужд войск⁶⁷. Это свидетельствует о том, что строительство храмов при помощи негосударственных средств было достаточно распространенным явлением в рассматриваемый период. Однако на вопрос: «Сколько их?» — отечественная историография ответа не дает.

Несомненно, добровольные пожертвования в церковном строительстве играли важную роль, но не решающую. Об этом свидетельствует сама динамика увеличения численности военных храмов. Если в 1855 году их было всего 285⁶⁸, в 1890 году — 374⁶⁹, то в 1913 году — 676⁷⁰. Примеры, имеющиеся в отечественной литературе, подводят нас к тому же выводу, к которому пришли отдельные исследователи, а именно: положение

с обеспечением воинских частей церквями (стационарными и походными) кардинальным образом изменилось лишь тогда, когда государство по-настоящему обратило внимание на военное духовенство в целом и церковное строительство в частности.

ОПРЕДЕЛЕННОЕ место историческая литература отводит вопросу роли храма в вооруженных силах. Дореволюционная историография видела в нем прежде всего помещение для удовлетворения религиозных нужд православного воинства. Правда, писалось об этом мало. Такое положение объясняется, на наш взгляд, отношением современников к самому храму, когда его первоначальное предназначение не ставилось под сомнение, а воспринималось как явление само собою разумеющееся. И только во вторую очередь храм рассматривался исследователями как средство воспитания военнослужащих. «Храм для солдата, — писал некий поручик Мыльников, — оказывает нравственную поддержку, он сближает солдат в армейскую семью»⁷¹.

Специальных работ по проблемам участия храма в воспитательном процессе дореволюционная историография не содержит. Вме-

сте с тем представление о роли храма в армии и на флоте позволяют составить публикации, посвященные возведению военных соборов и церквей, а также истории военного духовенства⁷².

Советские и современные исследователи в первую очередь оценивают храм как центр культуры, духовной жизни воинских частей, нравственного и патриотического воспитания защитников Отечества. При этом акцент ставится на внешнюю сторону использования храма. И только затем, вскользь и далеко не во всех публикациях на эту тему, храм рассматривается как место проведения религиозных обрядов, совершения молитв по погибшим. Исследователь В.С. Новиков и авторы учебника «Во Имя России...» утверждают, что уже с 1730-х годов из «чисто религиозного учреждения» его «деятельность стала приобретать светский, военно-патриотический характер»⁷³. На наш взгляд, такая расстановка акцентов в предназначении воинского храма во многом объясняется временем выхода публикаций, светским взглядом подавляющего числа исследователей на роль церкви в жизни армии и флота.

Несмотря на такую позицию, работы историков данного периода

ХРОНОГРАФ

лась одной из самых крупных и сложных операций маневренного периода Первой мировой войны. Широкое распространение имели встречные сражения. Активные боевые действия велись на фронте свыше 200 км и в глубину до 150 км.

11 ноября 1941 года приказом народного комиссара обороны СССР 4-я танковая бригада (командир генерал-майор танковых войск М.Е. Катюков) преобразована в 1-ю гвардейскую танковую. Уже на следующий день гвардейцы в ходе 12-часового боя за д. Скирманово (28 км юго-восточнее Волоколамска) уничтожили около 50 солдат и офицеров противника, 21 танк, 8 противотанковых орудий, 5 минометов, 30 дзотов и освободили этот населенный пункт от фашистских захватчиков.

14 ноября 1941 года более 120 фашистских бомбардировщиков совершили очередной налет на Москву, длившийся около 3 ч. В воздушных боях приняло участие свыше 200 советских истребителей. Вместе с зенитной артиллерией они сбили в этот день в районе Красногорска, Тушина и Кунцева 43 немецких самолета.

16 ноября 1805 года около д. Шёнграбен (Австрия) во время русско-австро-французской войны 1805 года произошел бой. Русский арьергард генерал-лейтенанта П.И. Багратиона задержал пятикратно превосходящие силы маршала И. Мюрата и обеспечил отход главных сил русской армии на Ольмюц (Оломоуц).

17 ноября 1895 года родился М.С. Шумилов, генерал-полковник (1943), Герой Советского Союза (1943). В Красной армии — с 1918 г. Участник Первой мировой, Гражданской, Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. В Великую Отечествен-

ную войну командовал рядом армий. Особенно отличился в Сталинградской битве. После войны — командующий войсками ряда округов. Умер 28 июня 1975 года. Похоронен в Волгограде на Мамаевом кургане.

17 ноября 1970 года впервые в мире автоматической станцией «Луна-17» доставлен с Земли на Луну радиоуправляемый самоходный аппарат «Луноход-1» с научной аппаратурой.

18 ноября 1966 года в Севастополе был сформирован 309-й отдельный батальон морской пехоты Черноморского флота. 15 ноября 1967 года батальон развернут в 810-й отдельный полк морской пехоты, на базе которого 20 ноября 1979 года создана 810-я отдельная бригада морской пехоты. В 1968—1990 гг. личный состав 45 раз нес боевую службу в Средиземном и Красном морях, Атлантическом и Индийском океанах, участвуя в совместных учениях с подразделениями Сирии, Эфиопии, ОАР, Болгарии. В 1974 году морская пехота Черноморского флота была отмечена вымпелом МО СССР «За мужество и воинскую доблесть», а в 1982-м за успехи в боевой подготовке бригаде присвоено почетное наименование «Имени 60-летия СССР».

18 ноября 1971 года Указом Президиума Верховного Совета СССР учрежден институт прапорщиков и мичманов. Первыми в Вооруженных силах звание прапорщик получила группа военнослужащих 2-й гвардейской мотострелковой Таманской Краснознаменной, ордена Суворова 2-й степени дивизии им. М.И. Калинина Московского военного округа.

19 ноября 1965 года Генеральная Ассамблея ООН по инициативе СССР приняла резолюцию о нераспространении ядерного оружия.

явились продолжением традиций, заложенных дореволюционной историографией. Это нашло проявление, во-первых, в дальнейшем изучении музейной функции полковых храмов. Так, Е.В. Исакова пишет, что наибольшее число военных реликвий помещалось в храм вскоре после его постройки, освящения, а затем после каждой военной кампании⁷⁴. На протяжении XIX века, делает она вывод, музейная функция полковых храмов постоянно возрастала. Такого же мнения придерживается исследователь Ю.А. Фабрика: «Постепенно положение полкового храма меняется, он приобретает функцию полкового музея»⁷⁵.

Во-вторых, исследователи Н.Ю. Балوشина, И.Ф. Цветков и другие выделяют мемориальную функцию воинского храма⁷⁶, определяют критерии того, что мы понимаем под ней. По словам Е.В. Исаковой, данная функция «находила выражение в посвящении его тому или иному христианскому празднику, чудотворной иконе или святому, в день памяти которого произошло решительное событие военной кампании или крупная победа»⁷⁷. Р.В. Оточкин считает, что важнейшим является хранение в церквях боевых трофеев⁷⁸. В.А. Чередник, в свою очередь, обращает внимание

на необходимость видеть различие между теми храмами-памятниками, которые строились в честь побед для полка и действительно играли роль памятников-мемориалов, и теми, которые строились в честь покровителей русского воинства — Архангела Михаила, Дмитрия Солунского, Георгия Победоносца. Они, по его мнению, «не являлись сугубо воинскими»⁷⁹. В то же время историки едины в том, что основная задача храма-памятника заключалась в «прославлении военной мощи страны и власти императора» и в том, чтобы быть «символом государственной и военной мощи России»⁸⁰.

В-третьих, отмечается значение в воспитании воинов художественного убранства церквей. Это отражено в работах, посвященных описанию архитектурных форм, использовавшихся при строительстве соборов и церквей, демонстрации роли икон, фресок, произведений декоративно-прикладного искусства, хоровой музыки в духовном воздействии на прихожан⁸¹. По оценке Н.А. Печеня, это «прекрасный материал для эстетического и патриотического воспитания воинов»⁸². В.А. Чередник обращает внимание на то, что хотя полковые храмы и воздвигались в «русле господствующих традиций

искусства, но одновременно насыщались теми элементами, которые определяли в них военное предназначение». Синтезируя все виды искусства, соборы и церкви, по его мнению, тем самым играли уникальную мобилизующую роль.

В СОВРЕМЕННОЙ отечественной литературе найдено отражение еще одна особенность использования воинских храмов в дореволюционный период — превращение их в пантеоны, места, где находили последнее пристанище останки русских воинов. Исследователи В.М. Котков и Ю.А. Фабрика уточняют, что это было характерно именно для полковых храмов. Так, Ю.А. Фабрика утверждает, что традиция захоронения однополчан в полковых храмах появляется в середине XIX века. По мнению В.М. Коткова, это были захоронения, как правило, полковых командиров или особо отличившихся офицеров. Оценивая активное использование храма в воинском воспитании, авторы приходят к выводу, что во второй половине XIX века сформировался комплекс: полковой храм — музей — мемориал — памятник⁸³. Но насколько широко была распространена эта практика в войсках? При каких полковых церквях, гвардейских или армейских,

20 ноября 1945 года в Нюрнберге начался судебный процесс над главными военными преступниками фашистской Германии.

23 ноября 1922 года Институт инженеров Красного Воздушного Флота преобразован в Академию Воздушного флота им. профессора Н.Е. Жуковского.

23 ноября 1942 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О создании мясного фонда Красной Армии в 1943 году». Мясной фонд устанавливался в размере 150 тыс. т.

24 ноября 1905 года в Севастополе началось восстание матросов флотской дивизии и солдат 49-го Брестского пехотного полка. По предложению матросов командование восставшими принял на себя лейтенант П.П. Шмидт с крейсера «Очаков». Восстание через четыре дня было подавлено. П.П. Шмидт казнен 19 марта 1906 года.

24 ноября 1941 года народный комиссар обороны СССР издал приказ «О введении должности заместителя наркома обороны по ПВО — командующего войсками ПВО территории страны и о передаче частей ПВО территории страны в ведение командующего войсками ПВО». По этому приказу на базе 1-го корпуса ПВО и частей Московской зоны ПВО был сформирован Московский корпусной район ПВО для защиты от налетов вражеской авиации не только Москвы, но и ряда расположенных вокруг нее крупных населенных пунктов и объектов. Командующим Московским корпусным районом ПВО был назначен генерал-лейтенант артиллерии Д.А. Журавлев. В Московский корпусной район ПВО вошла территория, ограниченная городами Кашин, Клин, Звенигород, Серпухов, Кашира, Рязань, Касимов, Юрьев-Польский. Кроме частей ПВО, стоявших непосредственно на обороне столицы, командованию Московским корпусным районом ПВО были подчинены 14 отдельных зенитных артиллерийских дивизионов и несколько

отдельных зенитных пулеметных подразделений. В состав района ПВО входил и 751-й зенитный артиллерийский полк, выделенный для противовоздушной обороны штаба Западного фронта.

25 ноября 1941 года командующий войсками Московского военного округа генерал-лейтенант П.А. Артемьев приказал войскам обороны Москвы (2, 3, 4, 5-я Московские стрелковые, 332-я стрелковая дивизии и отдельные части гарнизона столицы, всего 65 тыс. человек, 623 орудия и миномета), сведенным в Северную, Северо-Западную, Западную и Юго-Западную группы, занять первую полосу городского рубежа обороны по Окружной железной дороге на участках: Ростokino — Покровское-Стрешнево; Кутузово — Нижние Котлы и по линии Щукино — Татарово — Кунцево — Очаково — Никулино — Теплый Стан.

27 ноября 1705 года Петр I издал указ о формировании первого полка морских солдат, чем было положено начало организации российской морской пехоты.

28 ноября 1855 года в ходе Восточной (Крымской) войны 1853—1856 гг. на Кавказском театре военных действий русские войска под командованием генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева взяли крепость Карс, защищаемую турецким корпусом Омер-паши.

30 ноября 1941 года ГКО по предложению Московского горкома (МГК) ВПК(б) принял постановление об организации на 106 московских заводах массового производства автоматов ППШ. Контроль за их производством был поручен отделу машиностроения МГК ВПК(б).

*Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЬЯНОВЫМ;
А.В. ОСТРОВСКИМ*

она имела место? Ответов на эти вопросы в работах данных авторов мы не находим.

Некоторые исследователи отмечают еще один существенный момент. Храмы, возведенные в провинции, были куда скромнее столичных и строились по «образцовым» проектам, утвержденным Военным и Морским министерствами. Использование воинских храмов на практике носило ограниченный характер. Богатый опыт имели лишь соборы и отдельные церкви, принадлежавшие гвардейским и гренадерским полкам. Поэтому, на наш взгляд, подобный опыт функционирования храма необходимо рассматривать больше как образец, к которому стремилось военное духовенство в конце XIX — начале XX века. В то же время следует отметить, что сегодня в отечественной историографии крайне мало информации об обыденной повседневной жизни простого полкового или судового храма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Смирнов А., протоиерей. История флотского духовенства. Пг.: Тип. «Сельского Вестника», 1914. С. 15—18.

² Золотарев О.В. Вера и мужество в русской армии: (Очерки истории). М.: ВАГШ, 1994. С. 23; Шталлов С. Полковые церкви русской армии // Воронежский епархиальный вестник. 1992. № 1—2. С. 41, 42.

³ Исакова Е.В. Храмы — памятники русской воинской доблести. М.: Знание, 1991. С. 26; Новиков В.С. Армия и Церковь на защите Отечества. Армия и религия: Информационно-справочное пособие для офицеров частей и кораблей о религии и воинской службе. М.: Центр воен., соц., психол. и прав. исследований ВС РФ, 1994. С. 61; Фабрика Ю.А. Церковь и армия в России. Новосибирск, 1997. С. 22, 23.

⁴ Денисенко П.А. Современная религиозная ситуация в Российской Федерации и ее Вооруженных Силах: основные противоречия и тенденции развития (социально-философский характер): Дис. ... канд. философ. наук. М., 1997. С. 123.

⁵ Чередник В.А. Из истории военно-мемориального строительства в России // Ветеран границы. 1997. № 3. С. 95.

⁶ Оточкин Р.В. Полковые храмы Санкт-Петербурга (К вопросу о послеоктябрьской судьбе) (Третьи Петербургские военно-исторические чтения молодых ученых). СПб., 1999. С. 38; Осташкин В.Н. Православное воспитание офицеров и нижних чинов русской армии в часы досуга (вторая половина XIX в.). М.: ВУ, 1998. С. 28; Патриотическое воспитание военнослужащих на традициях Российской армии: Учебное пособие / Под ред. С.Л. Рыкова. М.: ВУ, 1997. С. 157.

⁷ В 1748 г. была построена церковь Введения в храм Пресвятой Богородицы для гвардейского Семеновского полка; в 1764 г. — храм для Преображенского гвардейского полка. См.: Золотарев О.В. Христолоубивое воинство русское. М.:

Граница, 1994. С. 21; Исакова Е.В. Указ. соч. С. 26; Новиков В.С. Указ. соч. С. 62. В то же время в ряде публикаций утверждается, что храм для лейб-гвардии Преображенского полка был освящен не в 1764 г., а 5 августа 1754 г. См., например: Попов И.В. Спасо-Преображенский собор // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1990. № 3—4. С. 36.

⁸ Доценко В.Д., Клавинг В.В. Морские храмы России. СПб.: Логос, 1995. С. 8.

⁹ Байдаков А.В. Словарь-справочник. Православное духовенство русской армии и флота (Вторая половина XIX — начало XX века). М.: ГА ВС, 1994. С. 55.

¹⁰ Чередник В.А. История материальной среды российской армии в XVIII — начале XX вв. (Культурно-художественный аспект): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 128.

¹¹ Во Имя России: Российское государство, армия и воинское воспитание: Учебное пособие по общественно-государственной подготовке для офицеров и прапорщиков Вооруженных Сил Российской Федерации / Под ред. В.А. Золотарева, В.В. Марушенко, С.С. Антюшина. М.: Изд-во «Русь-РКБ», 2000. С. 206; Чимаров С.Ю. Русская православная церковь и Вооруженные силы России в 1800—1917 гг. СПб.: Нестор, 1999. С. 53.

¹² Исакова Е.В. Указ. соч. С. 26; Шталлов С. Указ. соч. С. 41.

¹³ Смирнов А. Указ. соч. С. 16, 17; Топильский С.С. Морской Богоявленский Николаевский собор в Санкт-Петербурге. СПб.: Тип. Ф.Г. Елеонского и К^о, 1871. С. 43. Полотняной церковью называли церковь, где иконостас был написан на плотной ткани. Такие церкви изготавливались для войсковых частей и использовались во время походов.

¹⁴ Соико Б., протоиерей, Шкарковский М.В., Исакова Е.В. Николо-Богоявленский кафедральный собор: исторический очерк. СПб.: Алмаз, 1998. С. 25, 37.

¹⁵ Исакова Е.В., Шкарковский М.В. Никольский Морской собор и другие морские храмы Санкт-Петербурга. СПб.: Паритет, 2003. С. 10.

¹⁶ Котков В.М. Военное духовенство России. Страницы истории. Кн. II. СПб.: Нестор, 2004. С. 97.

¹⁷ Барсов Т.В. Об управлении русским военным духовенством. СПб.: Тип. Ф.Г. Елеонского и К^о, 1879. С. 48, 49, 54, 55; Невзоров Н. Исторический очерк управления духовенством Военного ведомства в России. СПб.: Тип. Ф.Г. Елеонского и Д.П. Поповилкого, 1875. С. 28; Цитович Г.А. Храмы армии и флота. Пятигорск: Тип. А.Н. Нагорного, 1913. С. 7—10.

¹⁸ Барсов Т.В. Новое положение об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств. СПб.: Тип. А. Катанского, 1893. С. 37.

¹⁹ Невзоров Н. Указ. соч. С. 28; Барсов Т.В. Об управлении русским военным духовенством. С. 48.

²⁰ Цитович Г.А. Указ. соч. С. 10—11.

²¹ Барсов Т.В. Об управлении русским военным духовенством. С. 54, 55; Невзоров Н. Указ. соч. С. 28.

²² Байдаков А.В. Православное духовенство русской армии и флота (Вторая половина XIX — начало XX века): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 78, 79; Барсов Т.В. Новое положение об управлении

церквями и духовенством военного и морского ведомств. С. 48—54; Невзоров Н. Указ. соч. С. 28, 29; Ставровский А.А. О мнимом пресвитерианстве в русской армии // Вестник военного духовенства. 1907. № 18. С. 561, 562.

²³ Чимаров С.Ю. Указ. соч. С. 68.

²⁴ Котков В.М. Военное духовенство России. Кн. II. С. 100.

²⁵ Положение об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств // Вестник военного духовенства. 1890. № 13. С. 418—439.

²⁶ Заркевич А., протоиерей. Церковь лейб-гвардии Семеновского полка // Вестник военного духовенства. 1892. № 5. С. 147—157; Каффа А. Освящение нового храма // Разведчик. 1897. № 354. С. 680; Косяков В.А. Морской собор в Кронштадте. 1903—1913. СПб.: Тип. Якорь, 1913; Полянский М. Церковь 86-го пехотного Вильманстрандского полка // Разведчик. 1896. № 319. С. 1045; Покровский Н., протоиерей. Сергиевский всей артиллерии собор. Исторический очерк // Вестник военного духовенства. 1891. № 2. С. 47—57, № 3. С. 83—92, № 7. С. 204—210, № 8. С. 241—247, № 9. С. 274—279; Роспись церкви в память погибших в войне с Японией. С.-Петербург // Ежегодник (императорского) Общества архитекторов-художников. Вып. 7. СПб., 1912. С. 9—12.

²⁷ Топильский С.С. Слово, произнесенное в морском Богоявленско-Никольском соборе в Петербурге по случаю основания при нем часовни 24 июня 1868 года // Духовная беседа. 1868. № 27. С. 28; Никольский собор в Санкт-Петербурге // Мирской вестник. 1875. Кн. II. С. 7, 8; Никольский морской собор // Неделя строителя. 1894. № 20. С. 93; К передаче Никольского собора в ведомство протопресвитера военного и морского духовенства // Зодчий. 1902. № 35. С. 43—45; Курбатов В.Я. Очерки истории русской архитектуры // Зодчий. 1906. № 334. С. 345—348; Новая плашаница в Никольском морском соборе // Всемирное обозрение. 1915. № 12. С. 3.

²⁸ Морской собор в Кронштадте / Сост. А.П. Шумский. М.: Воентехиздат, 1998.

²⁹ Поляков Г., протоиерей, Шавшин В.Г. За веру и Отечество: Свято-Никольский храм-памятник. Братское кладбище. Крымская война, 1853—1855 гг. М.: ТИ-ИЦ, 1999; Храм-памятник погибшим морякам. СПб.: Логос, 1995.

³⁰ Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия: В 3 т. СПб.: Изд-во Чернышева. Т. 2. 1996; Длужневская Г.В. Утраченные храмы Петербурга. СПб.: Дом «Литера», 2003; Крюковских А.П. Храмы С.-Петербурга. СПб.: Лениздат, 1999; Шульц С.С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб.: Алмаз, 1994.

³¹ Котков В.М. Военное духовенство России. Кн. II. С. 101, 106; Клавинг В.В. Военные храмы России // Православный летописец Санкт-Петербурга. Приложение № 2. 2002. С. 81—108.

³² Подсчитано по: Доценко В.Д., Клавинг В.В. Указ. соч. С. 88; Клавинг В.В. Указ. соч. С. 81—108; Котков В.М. Военное духовенство России. Кн. II. С. 99—106, 120.

- ³³ *Осташкин В.Н.* Указ. соч. С. 7.
- ³⁴ *Золотарев О.В.* Указ. соч. С. 56; *Иванов Е.С.* Воспитание воинской чести у офицеров российской армии (XVIII — начало XX в.). Историко-педагогический анализ: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1994. С. 93; *Печень Н.А.* Воспитание воинов русской армии отечественной историей: опыт, проблемы, уроки (вторая половина XIX в. — февраль 1917 г.). М.: ВУ, 1999. С. 38.
- ³⁵ Отечественная церковь по статистическим данным с 1840/41 до 1890/91 гг. / Сост. И. Преображенский. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1897. С. 19.
- ³⁶ Там же. С. 6.
- ³⁷ *Осташкин В.Н.* Указ. соч. С. 29.
- ³⁸ *Жукова Л.В.* Военное духовенство в Порт-Артуре в период русско-японской войны // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2003. № 2. С. 37; *Гуськов М.Д., Ивашко М.И.* Православие и российское воинство. Очерки истории. М.: ВВИА, 1994. С. 33; *Исакова Е.В., Шкаровский М.В.* Храмы Кронштадта. С. 22, 23.
- ³⁹ *Доценко В.Д., Клавинг В.В.* Указ. соч. С. 9, 10.
- ⁴⁰ *Лукин В.* Храмы Охтинского поля // Бомбардир. 2000. № 9. С. 71; *Осташкин В.Н.* Указ. соч. С. 29; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 2. Д. 1144. Л. 1—13; Там же. Оп. 36. Д. 1. Л. 16, 22.
- ⁴¹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 1639. Оп. 1. Приложение. Л. V—XI.
- ⁴² *Байдаков А.В.* Указ. соч. С. 134.
- ⁴³ *Чимаров С.Ю.* Указ. соч. С. 109.
- ⁴⁴ *Борисов Н.* Лагерный храм во имя св. преп. Сергия Радонежского с приделами во имя св. Александра Невского, Марии Магдалины и святителя Николая, сооруженный на Ходынском поле для войск Московского военного округа. М.: Тип. И.Н. Скороходова, 1893. С. 149.
- ⁴⁵ *Котков В.М.* Военное духовенство России. Кн. II. С. 165.
- ⁴⁶ *Цитович Г.А.* Указ. соч. С. 14; *Василенко В.* Офицеры в рясах. Духовенство в царской армии. М.: ОГИЗ, 1930. С. 18; *Печень Н.А.* Указ. соч. С. 38.
- ⁴⁷ *Котков В.М.* Указ. соч. С. 166; *Чимаров С.Ю.* Указ. соч. С. 112.
- ⁴⁸ Столетие Военного министерства. 1802—1902. Управление церквами и православным духовенством военного ведомства. Исторический очерк / Сост. А.А. Желобовский. СПб., 1902. Т. 13. Кн. 1. С. 51, 62, 63; *Гуськов М.Д., Ивашко М.И.* Указ. соч. С. 20; *Осташкин В.Н.* Указ. соч. С. 34.
- ⁴⁹ Резолюция гласила: «Установить на будущее время к исполнению правило, чтобы при казармах военного ведомства, как существующих, так и возводимых вновь распоряжением и на средства этого ведомства, Православная Церковь, в виде отдельного здания, была непременно принадлежностью казарм тех частей войск, по штатам коих положены церковные причты». Цит. по: *Цитович Г.А.* Указ. соч. С. 13.
- ⁵⁰ *Байдаков А.В.* Указ. соч. С. 136, 137.
- ⁵¹ *Исакова Е.В.* Указ. соч. С. 54; *Михайлов Ю.Б.* Военное духовенство в русской армии. История возникновения, совершенствования структуры управления: Диплом. раб. / ПСТБИ. М., 2000. С. 102; *Фабрика Ю.А.* Указ. соч. С. 32.
- ⁵² *Белов Ю.* «Где взять силы» // Вестник Противовоздушной обороны. 1993. № 1. С. 30, 31; Во имя России... С. 206; *Кучеров В.Е.* Историко-педагогические тенденции патриотического воспитания офицеров российской армии (XVIII — начало XX в.): Дис. ... канд. пед. наук. М., 1998. С. 115; *Печень Н.А.* Указ. соч. С. 38.
- ⁵³ Подсчитано по: *Клавинг В.В.* Указ. соч. С. 81—108.
- ⁵⁴ *Журавский А.В.* Приход в Русской Православной церкви // Православная церковь. РПЦ. М.: Церковно-научный центр. «ПЭ», 2000. С. 278; *Фирсов С.Л.* Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. М.: Нестор, 1996. С. 538.
- ⁵⁵ *Новиков В.С.* Армия и церковь // Сибирские огни. 1991. № 6. С. 274.
- ⁵⁶ Подсчитано по: *Плеханов А.А.* «Помни, что солдат — Христов и государев воин ...» // Воен.-истор. журнал. 2003. № 2. С. 37.
- ⁵⁷ Расчеты произведены автором. За точку отсчета взят 1901 г. с численностью 570 военных храмов.
- ⁵⁸ *Василенко В.* Указ. соч. С. 18.
- ⁵⁹ *Золотарев О.В.* Христоролюбивое воинство русское. С. 52.
- ⁶⁰ *Усов А.* Первая походная церковь на российском флоте // Журнал Московской Патриархии. 1994. № 9/10. С. 77.
- ⁶¹ *Фруменкова Т.Г.* Духовенство в годы Крымской войны // Новый часовой. 1994. № 2. С. 13.
- ⁶² *Фирсов С.Л.* Военное духовенство накануне и в годы Первой мировой войны // Новый часовой. 1995. № 3. С. 21.
- ⁶³ *Котков В.М.* Указ. соч. С. 140; *Байдаков А.В.* Указ. соч. С. 137.
- ⁶⁴ *Исакова Е.В.* Указ. соч. С. 41; *Шаталов С.* Указ. соч. С. 26.
- ⁶⁵ *Чередник В.А.* Из истории военномемориального строительства в России. С. 92.
- ⁶⁶ *Токмаков И.Ф.* Историко-статистическое и археологическое описание церкви во имя преподобного Сергия Радонежского чудотворца, что в Пушкинских, в Москве, и ее прихода. М.: Тип. М.Я. Пастушковой, 1895; *Смирнов С.Н.* Храм-памятник. Строен в 1910—1911. Пг., 1915.
- ⁶⁷ *Чимаров С.Ю.* Указ. соч. С. 110.
- ⁶⁸ *Байдаков А.В.* Словарь-справочник. С. 60. Эти три цифры, взятые за точку отсчета определения количества военных храмов, нам представляются наиболее оптимальными среди всех других уже упоминавшихся в данном исследовании по ряду причин. Во-первых, авторы, приводящие их, оговаривают соотношение походных и неподвижных храмов, во-вторых, они проверяемы арифметическими расчетами с использованием других данных, имеющихся в литературе.
- ⁶⁹ Отечественная церковь по статистическим данным с 1840/41 до 1890/91 гг. С. 19.
- ⁷⁰ *Цитович Г.А.* Храмы армии и флота. Ч. 1. С. 19—519; Ч. 2. С. 3—40; *Журавский А.В.* Приход в Русской Православной Церкви. XX в. С. 278; *Фирсов С.Л.* Военное духовенство накануне и в годы Первой мировой войны. С. 21.
- ⁷¹ Поручик Мыльников. Освящение Церкви лейб-гвардии Резервного пехотного полка 25 января 1898 г. СПб., 1898. С. 5.
- ⁷² *Даниловский А.А.* Церкви в здании Пажеского Его Императорского Величества корпуса. СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1900. С. 308; *Зиновьевский П.А.* Историко-статистическое описание Преображенского Всей Гвардии собора. СПб., 1876. С. 84—97; *Ливанский А.*, священник. Освящение новоустроенной церкви лейб-гвардии Драгунского полка в г. Петергофе 9-го сентября 1904 г. в Высочайшем присутствии // Вестник военного духовенства. 1904. № 21. С. 652—656; *Пономарев С.И.* Всероссийская усыпальница: Церковь Святителя Николая и кладбище севаstopольских героев. Киев: Унив. тип., 1869; *Песоцкий А.*, священник. Церковь Святые Живоначальные Троицы лейб-гвардии Измайловского полка. Исторический очерк. СПб.: Верность, 1894; *Топильский С.С.* Морской Богоявленский Николаевский собор в Санкт-Петербурге; Столетие Военного министерства. С. 63—65. Например, сто пятьдесят черных мраморных досок, закрепленных по стенам Морского собора в Кронштадте, хранили с 1695 г. имена погибших героев флота. См.: Экстренное прибавление к газете «Котлин». 1913. 10 июня. С. 3.
- ⁷³ *Денисенко П.А.* Указ. соч. С. 123; *Новиков В.С.* Духовно-религиозные традиции русской армии по защите Отечества. С. 61; Во имя России... С. 205.
- ⁷⁴ *Исакова Е.В.* Указ. соч. С. 28.
- ⁷⁵ *Фабрика Ю.А.* Указ. соч. С. 25.
- ⁷⁶ *Балошина Н.Ю., Цветков И.Ф.* Из истории православия в российской армии и на флоте // КЛИО. 1997. № 2. С. 51; *Котков В.М., Коткова Ю.В.* Военные храмы столицы Российской Империи // Воен.-истор. журнал. 2003. № 6. С. 58; *Шаталов С.* Полковые церкви русской армии. С. 42.
- ⁷⁷ Например, Петропавловский собор, где сформировался первый храмово-мемориальный комплекс — памятник военной славы России XVIII в.; Казанский собор, который стал первым пантеоном и музеем войны 1812 г. См.: *Исакова Е.В.* Указ. соч. С. 3.
- ⁷⁸ *Отючкин Р.В.* Указ. соч. С. 38.
- ⁷⁹ *Чередник В.А.* Из истории военномемориального строительства в России. С. 94.
- ⁸⁰ *Исакова Е.В.* Храмы — памятники русской воинской доблести. С. 25; *Потов И.В.* Спасо-Преображенский собор // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1990. № 3—4. С. 37; *Печень Н.А.* Указ. соч. С. 139; *Шаталов С.* Полковые церкви русской армии. С. 41.
- ⁸¹ *Бычков В.В.* Духовно-эстетические основы русской иконы. М.: Научно-изд. центр «Ладомир», 1995; *Григорьев А.* Иконы и русское воинство // Армия и культура. 1993. № 2. С. 8, 9; *Дружинкина Н.Г.* Роль церковно-приходских благотворительных обществ в художественной жизни Санкт-Петербурга конца XIX — начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. С. 126—151; Москва Православная. Церковный календарь. История города в его святых / Авт.-сост. М.И. Вострышев, В.Ф. Козлов, А.К. Светозарский. М.: ИСБН, 2000. С. 125, 126, 149, 150.
- ⁸² *Печень Н.А.* Указ. соч. С. 142.
- ⁸³ *Котков В.М.* Указ. соч. С. 120; *Фабрика Ю.А.* Указ. соч. С. 29.

«СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ВПРАВЕ ЗНАТЬ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ... ОРГАНОВ КГБ»

В первой части статьи рассказывалось о создании КГБ СССР, об основных направлениях его деятельности, причинах оргштатных изменений. Вторая часть посвящена в основном проблемам борьбы с идеологическими противниками СССР и набирающим силу в период перестройки международным терроризмом.

СВСТУПЛЕНИЕМ Ю.В. Андропова в должность председателя КГБ начинается системная борьба с так называемыми идеологическими диверсиями, иначе говоря, с инакомыслием. В своей записке в ЦК КПСС от 3 июля 1967 года Андропов констатировал, что «операции на идеологическом фронте противник стремится переносить непосредственно на территорию СССР, ставя целью не только идейное разложение советского общества, но и создание условий для приобретения у нас в стране источников получения политической информации. <...> Под влиянием чуждой нам идеологии у некоторой части политически незрелых советских граждан, особенно из числа интеллигенции и молодежи, формируются настроения аполитичности и нигилизма, чем могут пользоваться не только заведомо антисоветские элементы, но также политические болтуны и демагоги, толкая таких людей на политически вредные действия»¹. По мнению Андропова, чтобы повысить политическую зрелость советских граждан и надежнее защищать идеи коммунизма, в центральном аппарате КГБ необходимо создать самостоятельное управление (5-е), возложив на него следующие функции: организацию работы по выявлению и изучению процессов, могущих быть использованными противником в целях идеологической диверсии; выявление и пресечение враждебной деятельности антисоветских, националистических и церковно-сектантских элементов, а также предотвращение (совместно с органами МООП)² массовых беспорядков; разработку в контакте с разведкой идеологических центров противника, антисоветских эмигрантских и националистических организаций за рубежом; организацию контрразведывательной работы среди иностранных студентов, обучающихся в СССР, а также среди членов

иностранных делегаций и коллективов, въезжающих в СССР по линии Министерства культуры и творческих союзов.

Записка в Политбюро была рассмотрена. В вопросах, касающихся идеологии, т.е. сохранения в неприкосновенности коммунистических идеалов, в Кремле не медлили, так что уже 17 июля 1967 года она была одобрена, и в тот же день Совет Министров СССР принял необходимое постановление.

Первоначально в 5-м управлении были сформированы шесть отделов: 1-й — контрразведывательной работы на каналах культурного обмена, разработки иностранцев, работы по линии творческих союзов, научно-исследовательских институтов, учреждений культуры и медицинских учреждений; 2-й — планирования и осуществления контрразведывательных мероприятий совместно с 1-м Главным управлением (ПГУ) КГБ против центров идеологических диверсий империалистических государств, пресечения деятельности НТС³, националистических и шовинистских элементов; 3-й — контрразведывательной работы на канале студенческого обмена; 4-й — контрразведывательной работы в среде религиозных, сионистских и сектантских организаций и против зарубежных религиозных центров; 5-й — практической помощи местным органам КГБ по предотвращению массовых антиобщественных проявлений; розыска авторов антисоветских анонимных документов и листовок; проверки сигналов по террору; 6-й — обобщения и анализа данных о деятельности противника по осуществлению идеологических диверсий; разработки мероприятий по перспективному планированию и информационной работе⁴.

Однако практика борьбы с инакомыслием показала, что созданная система нуждается в реформировании и наращивании сил. В августе 1969 года создается 7-й отдел, взявший на себя часть функций 5-го, в июне 1973-го — 8-й — по борьбе с подрывной де-

ятельностью зарубежных сионистских центров, а в следующем году — 9-й, занимавшийся разработкой антисоветских группировок, имевших связи с зарубежными центрами идеологической диверсии, и 10-й отделы. Последний совместно с ПГУ занимался вопросами проникновения и выявления планов зарубежных спецслужб и центров и парализацией их деятельности. Но и этого оказалось недостаточно.

В июне 1977 года, в преддверии проведения в Москве XX Олимпийских игр, был создан 11-й отдел для проведения «оперативно-чекистских мероприятий по срыву идеологических акций противника и враждебных элементов», который тесно контактировал с 11-м отделом Второго Главного управления (ВГУ), также занимавшимся борьбой с международным терроризмом. Затем появился 12-й отдел, на который была возложена задача обеспечения безопасности проведения массовых публичных мероприятий в Москве — фестивалей, форумов и т.д., в феврале 1982 года — 13-й отдел для выявления и пресечения «негативных процессов, имеющих тенденцию к перерастанию в политически вредные проявления», в том числе изучения нездоровых молодежных формирований — мистических, оккультных, профашистских, рокеров, панков, футбольных фанатов и т.п. Видимо, чтобы не останавливаться на невезучей цифре «13», создали и 14-й отдел, который должен был заниматься предотвращением акций идеологических диверсий, направленных против журналистов, сотрудников советских СМИ и общественно-политических организаций. К 1982 году штат управления вырос до 424 человек⁵. Всего же по линии 5-го управления⁶ в СССР служило 2,5 тыс. сотрудников. В среднем в области в 5-й службе (или отделе) работало 10 человек. Оптимальным был и агентурный аппарат, в среднем на область приходилось 200 агентов⁷.

О том, что весь этот аппарат не сидел без дела, говорят факты, приведенные Ю.В. Андроповым в выступлении на одном из пленумов ЦК КПСС в апреле 1973 года. «В последнее время органами КГБ, — говорил он, — проведены профилактические мероприятия в отношении ряда лиц, вынашивавших враждебные политические наме-

Окончание. Начало см.: Воен-истор. журнал. 2005. № 9.

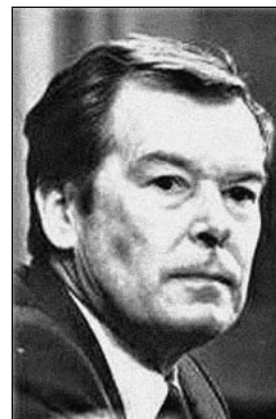
В.В. Федорчук

В.М. Чебриков

В.А. Крючков

В.В. Бакатин

рения в форме злейшего национализма. На Украине, в Литве, в Латвии, в Армении ряд националистов привлечены к уголовной ответственности за откровенную антисоветскую деятельность. Почти во всех этих случаях, как теперь признают сами виновные и профильтрованные нами лица, их деятельность инспирировалась подрывными центрами, находящимися на Западе... Только в прошлом году была выявлена и пресечена деятельность свыше 200 таких эмиссаров, направленных в Советский Союз для передачи своим подопечным инструкций, денег, средств тайнописи и печатной техники. Идеологическая диверсия осуществляется в самых различных формах: от попыток создания антисоветских подпольных групп и прямых призывов к свержению советской власти (есть еще и такие) до подрывных действий, которые проводятся под флагом «улучшения социализма», так сказать, на грани закона⁸.

Сегодня, спустя годы, мы видим, что все усилия оказались напрасны: Советский Союз проиграл «холодную войну» прежде всего на идеологическом фронте, а не в сфере экономики, потому и рухнул в одночасье. Однако насколько прозорлив был в свое время Ю.В. Андропов, как тонко он видел грядущую безрадостную для СССР перспективу, показывает один важный документ, направленный им в ЦК КПСС 24 января 1977 года, но получивший огласку только в июне 1991 года.

«О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан.

По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики.

В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политической, экономической и наукой Советского Союза.

ЦРУ разработало программу индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающей приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, один из важнейших аспектов подготовки такой агентуры — преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства.

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельностью отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа и искривления руководящих указаний, будет кординироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки.

По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по туловищным направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях.

По заявлениям американских разведчиков, призванных непо-

средственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет в конечном счете к принятию Советским Союзом многих западных идеалов.

КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки.

Председатель Комитета Ю.АНДРОПОВ⁹.

В целом этот документ дает также представление о содержании, форме и объеме разведывательной информации, регулярно направлявшейся КГБ Центральному Комитету КПСС.

КОНЕЦ 1980-х годов вошел в отечественную историю под названием перестройки. Кардинальные изменения, происходившие во всей советской системе, не могли не коснуться органов КГБ, продолжавших противостоять идеологическим диверсиям, хотя уже появились и правовые понятия для обоснования этой деятельности. Так, на заре перестройки, в июне 1985 года, бывший в то время председателем КГБ и членом Политбюро ЦК КПСС В.М. Чебриков писал в журнале «Коммунист», что попытки иностранных спецслужб и зарубежных центров по установлению «конспиративных связей с враждебными элементами в целях подталкивания их к антигосударственной деятельности и т.д. представляют собой преступные действия, ответственность за которые предусмотрена нашим уголовным законодательством. Эти действия неправомерны и с точки зрения международного права». При этом председатель КГБ отмечал: «Противник наращивает ее масштабы*, стремясь распространить свою подрывную деятельность на все формы общест-

венного сознания — политику и правосознание, философию, мораль, науку, искусство, религию», и применяемые в соответствии с этим меры защиты советского государства и общества соответствуют как международным правовым нормам, так и международным обязательствам, принятым на себя СССР, в частности, содержащимся в Международных пактах о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах¹⁰.

Теперь острые борьбы с внутренним фронтом как бы перенацеливаются на внешний. В своем первом после Апрельского (1985 г.) пленума ЦК КПСС, провозгласившего курс на коренную реорганизацию в нашей стране всей системы общественных отношений, выступлении в печати председатель КГБ В.М. Чебриков подчеркивал, что деятельность органов госбезопасности направляется против внешних сил, враждебных планов и замыслов империализма, разведывательно-подрывных акций его спецслужб. Что касалось противодействия внутренним антисоветским силам¹¹, то, по словам Чебрикова, «борьба с такими элементами ведется твердо, в полном соответствии с законом, но она носит характер не классового подавления, как это было в переходный период от капитализма к социализму, а защиты нашего государственного и общественного строя от преступных действий отдельных лиц».

Председатель КГБ подчеркивал, что, в соответствии со статьей 32 Конституции СССР «разрабатывается и осуществляется общегосударственная система защитных мер организационно-политического, правового, воспитательного и иного характера, направленных на ограждение Советского государства и общества от подрывной деятельности империализма». Под мерами «иного характера» понимались контрразведывательные действия органов КГБ, получившие затем официальное наименование оперативно-розыскной деятельности. Не обошел молчанием Чебриков и права человека, подчеркнув, что «использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерба интересам общества и государства, а также правам других граждан»¹², что «в Комитете разработана и последовательно осуществляется долгосрочная научно обоснованная программа действий по защите советского государственного и общественного строя от разведывательно-подрывной деятельности противника».

Такая программа действительно существовала, но в условиях последующей утраты ясных ориентиров социально-экономического и

политического развития общества и страны она сначала стала давать сбои, а впоследствии оказалась просто ненужной¹³.

ВАЖНОЙ вехой в реализации планов перестройки всей государственной системы стало выступление в начале июля 1989 года В.А. Крючкова на заседании Верховного Совета СССР с докладом о задачах и деятельности органов госбезопасности¹⁴. В выступлении подчеркивалось, что «одним из главных направлений деятельности органов госбезопасности является контрразведка, то есть защита наших интересов, секретов». А позднее, отвечая на многочисленные вопросы депутатов, председатель КГБ добавил, что «то, что происходит в нашей стране, интересует и весьма специальные службы западных стран, некоторых других стран и особенно всякого рода организации, которые часто занимают антисоциалистические, антисоветские позиции. Мы это чувствуем по пропаганде, по приезду сюда их эмиссаров, по той литературе, которую они привозят сюда. Есть еще одно направление — так называемое исламское фундаменталистское. Это очень опасная вещь, учитывая фанатичность и неразборчивость в методах и средствах».

Как показали события последующих лет, эти слова оказались пророческими.

На том заседании было также заявлено, что КГБ ведет борьбу с терроризмом, в том числе и международным, хотя до середины 1990-х годов тема эта казалась неактуальной не только широкой аудитории, но и некоторым политическим деятелям. Но чекисты уже тогда реально осознали, почувствовали эту угрозу и готовились к ее отражению.

Говоря о сущности и содержании перестройки в деятельности органов госбезопасности, В.А. Крючков пояснял: «Мы считаем, что должны быть сформулированы и претворяться в жизнь качественно новые принципы соотношения государства и безопасности. Не интересы общества и государства должны приспосабливаться к деятельности органов госбезопасности и их специальных служб, а наоборот, органы КГБ и их службы должны неукоснительно подчиняться интересам общества и государства, исходить из них»¹⁵. По вопросу об участии органов госбезопасности в работе по реабилитации жертв репрессий 1920—1950 гг. было заявлено, что это необходимо, для того «чтобы никогда и ничего подобного не допустить в будущем». При этом председатель КГБ подчеркнул, что важнейшей гарантией от произвола, нарушения законных прав и интересов граждан должна являться «реализация принципов демократии и гласности во всей деятельно-

сти органов госбезопасности. Советские люди вправе знать о деятельности, характере работы органов КГБ»¹⁶. Здесь надо заметить, что с момента образования КГБ контроль за его деятельностью осуществлялся ЦК КПСС (в частности отделом административных органов ЦК), правительством, Генеральной прокуратурой СССР, а также некоторыми другими государственными органами, например Министерством финансов. Теперь же в связи с реорганизацией всей государственной системы СССР право контроля за деятельностью КГБ было предоставлено также Верховному Совету СССР как непосредственно, так и через его Комитет по вопросам обороны и государственной безопасности, а также Комитету конституционно-го надзора, что представляло собой подлинные новации правового характера. Поэтому, пожалуй, впервые за всю историю СССР принципы работы органов госбезопасности стали определяться как Закон, Правда и Гласность. Стало ясно, что деятельность 5-го управления плохо вписывается в новые реалии¹⁷, и летом 1989 года принимается решение о его упразднении. Однако, как утверждает русская пословица, свято место пусто не бывает, так что взамен 5-го управления уже в августе создается Управление КГБ СССР по защите советского конституционного строя (Управление «З»)»¹⁸.

Оперативную деятельность вновь создаваемого контрразведывательного управления имелось в виду сосредоточить на решении следующих основных задач: срыв замыслов специальных служб капиталистических стран по созданию и использованию в антиконституционных целях организованных антисоциалистических группировок; пресечение преступной деятельности антисоциалистических элементов, пытающихся насильственным путем свергнуть советскую власть; предупреждение и пресечение террористических акций; предотвращение и локализация массовых беспорядков и иных противозаконных групповых действий экстремистского характера; выявление и нейтрализация антисоветских националистических проявлений».

Как отмечал по этому поводу первый заместитель председателя КГБ Ф.Д. Бобков, до этого многие годы возглавлявший 5-е управление, «может показаться странным, но органам госбезопасности действительно впервые за всю историю страны гласно и ясно поручена задача защиты конституционного строя»¹⁹.

Перечисляя задачи нового управления, Ф.Д. Бобков назвал также борьбу с организованной преступностью. Одновременно эту задачу

* Имеются в виду масштабы идеологической войны.

Председатели КГБ СССР

Фамилия, имя, отчество	Годы жизни	Воинское звание	Период работы в должности председателя КГБ
Серов Иван Александрович	1905—1990	Генерал армии (август 1955 – март 1963), затем генерал-майор	13 марта 1954 — 8 декабря 1958 г.
Шелепин Александр Николаевич	1918—1994	—	25 декабря 1958 — 13 ноября 1961 г.
Семичастный Владимир Ефимович	1924—2001	Генерал-полковник	13 ноября 1961 — 18 мая 1967 г.
Андропов Юрий Владимирович	1914—1984	Генерал армии	18 мая 1967 — 26 мая 1982 г.
Федорчук Виталий Васильевич	1918—2002	Генерал армии	26 мая 1982 — 17 декабря 1982 г.
Чебриков Виктор Михайлович	1923—1999	Генерал армии	17 декабря 1982 — 1 октября 1988 г.
Крючков Владимир Александрович	1924	Генерал армии	1 октября 1988 — 22 августа 1991 г.
Бакатин Вадим Викторович	1937	Генерал-лейтенант	23 августа 1991 — 22 октября 1991 г.

в системе КГБ СССР решало также управление «ОП» — борьбы с организованной преступностью, созданное в декабре 1990 года.

Начальником нового управления «З» стал генерал-майор Е.Ф. Иванов, а 30 января 1990 года его сменил генерал-майор В.П. Воротников. Нарушая хронологический порядок, отметим, что 25 сентября 1991 года приказом В.В. Бакатина, ставшего председателем КГБ, Воротников был освобожден от должности, а вскоре ликвидировали и само управление²⁰.

Ретроспективно оценивая деятельность Управления «З» КГБ, следует признать, что многие из заявленных задач оно не выполняло, в чем повинны не только его сотрудники и начальники, но прежде всего политическое руководство страны, проявлявшее непоследовательность и нерешительность как в деле защиты Конституции, так и в претворении в жизнь собственной политической линии.

Между тем в стране нарастал вал преступности, сопровождавшийся коррумпированием государственных чиновников, образованием сообществ мафиозного типа и их выходом на международный криминал. Более того, приобретая связи, опыт и «вес», организованные преступные группировки политизировались, активно включались в подрыв основ государственной власти.

По данным правоохранительных органов, в 1989 году в стране действовало около 700 преступных формирований. Их годовой оборот составлял астрономическую сумму — более 100 млн. рублей. Только на основании материалов КГБ в 1989 году к уголовной ответственности были привлечены участники около 300 организованных преступных формирований, в доход государства было обращено незаконно приобретенных валюты и ценностей на сумму более 170 млн. рублей²¹. В последующие годы организованная преступность вырвалась на «оперативный простор», чему в определенной мере способствовали скоропалительные решения 1991 года о лик-

видации 6-го управления МВД и Управления «ОП» КГБ СССР.

Наряду с ростом преступности все большую силу набирал сепаратизм, начинались межнациональные столкновения, в стране впервые после Великой Отечественной войны появились сотни тысяч беженцев.

Могло ли КГБ только своими силами исправить или хотя бы на время «заморозить» все эти процессы? Конечно, нет. Ведь оно работало под партийным руководством, вернее, под руководством партийной верхушки, которая уже была недееспособной.

«Получаемая органами КГБ информация, — говорил Крючков, выступая на XXVIII съезде КПСС, — о назревавших межнациональных конфликтах, как правило, своевременно доводилась до сведения советских, партийных, правоохранительных органов — так было по событиям в Душанбе, и в Ошской области... Упреждающая информация не помогла. Вину органов вижу в том, что не проявлялась должная настойчивость. Главное, мы упустили момент, когда в урегулировании назревающих конфликтов могут дать результаты политические методы»²².

Позднее В.А. Крючков, выступая 17 июня 1991 года на закрытом заседании Верховного Совета, подчеркнул: «Реальность такова, что наше Отечество находится на грани катастрофы. То, что я буду говорить вам, мы пишем в наших документах Президенту и не скрываем существа проблем, которые мы изучаем. Общество охвачено острым кризисом, угрожающим жизненно важным интересам народа, неотъемлемым правам всех граждан СССР, самим основам Советского государства... Очень боюсь, что пройдет какое-то время, и историки, изучая сообщения не только Комитета госбезопасности, но и других наших ведомств, будут поражаться тому, что мы многим вещам, очень серьезным, не придавали должного значения»²³.

21 августа 1991 года за участие в ГКЧП был арестован председатель КГБ В.А. Крючков. Уголовные

дела в этой связи были возбуждены также в отношении его заместителей Г.Е. Агеева и В.А. Пономарева, начальника ВГУ В.Ф. Грушко, начальника и заместителя начальника службы охраны Ю.С. Плеханова и В.В. Генералова, начальника УКГБ по г. Москве и Московской области В.М. Прилукова.

Указом Президента СССР от 28 августа была образована Государственная комиссия для расследования деятельности органов государственной безопасности, которую возглавил депутат Верховного Совета РСФСР С.В. Степашин. А 28 августа она была преобразована в Государственную комиссию по реорганизации органов государственной безопасности.

25 сентября В.В. Бакатиным был уволен 31 руководящий работник КГБ и еще 13 было указано «на проявленную политическую незрелость и недальновидность в действиях по выполнению распоряжений вышестоящих начальников, способствовавших деятельности путчистов»²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лубянка: Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МВД—КГБ: Справочник. М.: Материк, 2003. С. 712—713.

² МООП — Министерство по охране общественного порядка, так в тот период именовалось МВД СССР.

³ НТС — «Народно-трудовой союз» — антисоветская организация, возникшая в среде российской эмиграции в середине 1930-х годов. В 1941—1944 гг. НТС активно сотрудничал со спецслужбами фашистской Германии, в том числе на временно оккупированных советских территориях, участвовал в формировании и деятельности коллаборационистской «Русской освободительной армии» (РОА), сформированной гитлеровцами в 1943 г. из антисоветских элементов и советских военнопленных. После 1945 г. НТС сотрудничал как с британской разведкой МИ-6, так и с ЦРУ США.

⁴ Лубянка: Органы ВЧК... С. 166.

⁵ Подробнее о этом см.: Лубянка... С. 166—168; Макаревич Э.Ф. Филипп Бобков — профессионал «холодной войны» на внутреннем фронте // Политический поиск: История, судьбы, версии. М.: Алгоритм, 2002. С. 173—227.

⁶ Начальниками управления за период его существования были А.Ф. Калышев, Ф.Д. Бобков (с 23 мая 1969 по 18 января 1983 г., когда он стал первым заместителем председателя КГБ), И.П. Абрамов, Е.Ф. Иванов, который позднее стал также первым начальником управления «З» («Защиты конституционного строя») КГБ СССР.

⁷ Восьмя информированные зарубежные исследователи Норман Полмер и Аллен Б. Томас пишут, что к концу 80-х годов прошлого века в органах и войсках КГБ работали и проходили службу около 400 тыс. человек. При этом численность пограничных войск эти авторы оценивали в пределах от 230 до 250 тыс. военнослужащих и около 50 тыс. войск правительственной связи. На оперативные подразделения вместе с разведкой, радиокомтрразведкой, службой охраны, шифровально-дешифровальной службой и оперативно-тактическими подразделениями, таким образом, приходилось около 100 тыс. военнослужащих и лиц гражданского персонала. (См.: Энциклопедия шпионажа. М.: Крон-Пресс, 1999. С. 198).

⁸ Лубянка: Органы ВЧК... С. 725—729.

⁹ Цитируется по: Крючков В.А. Личное дело. М.: АСТ, 1996. Ч. вторая. С. 389—390.

¹⁰ Коммунист. 1985. № 9. С. 54.

¹¹ Высказывается мнение, что в те годы, якобы по оценке Ю.В. Андропова, потенциально враждебный контингент составлял 8,5 млн. человек, что вряд ли соответствует действительности.

¹² Как позднее подчеркивал в одном из своих интервью ставший 1 октября 1988 г. председателем КГБ СССР В.А. Крючков, органы госбезопасности «нацелены на расширение демократии и гласности в работе, укрепление правовых основ чекистской деятельности, усиление борьбы с организованной преступностью, дальнейшее укрепление связи с трудящимися, депутатским корпусом. Необходимость нашей работы должна быть понятна всем советским людям — ведь у Комитета госбезопасности нет других интересов, кроме интересов советского народа» (см.: Литературная газета. 1990. 3 января).

¹³ Коммунист. 1985. № 9. С. 48—54.

¹⁴ На этом заседании Верховного Совета СССР решался вопрос о назначении председателя КГБ СССР. Ранее, в октябре 1988 г., Крючков был назначен на эту должность совместным постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР. Таким образом, его выступление стало также своеобразным отчетом о деятельности КГБ с апреля 1985 г. Несколько ранее Крючков выступал перед членами Комитета по вопросам обороны и государственной безопасности ВС СССР — нового органа в структуре парламента и органов государственной власти, и его кандидатура на пост председателя КГБ была предложена этим комитетом. Стенограмму заседания см.: Советская Россия. 1989. 16 июля, а также: КГБ лицом к народу: Сборник интервью и материалов выступлений председателя КГБ СССР и его заместителей. М.: Изд. ВКШ КГБ, 1990. С. 5—20.

¹⁵ КГБ лицом к народу: Сборник интервью и материалов выступлений председателя КГБ СССР и его заместителей. С. 6.

¹⁶ Там же. С. 7—8.

¹⁷ Как отмечал Ф.Д. Бобков, в 1956—1960 гг. за антисоветскую агитацию и пропаганду (по статье 58-10 УК РСФСР 1928 г.) было осуждено 4676 человек, в 1961—1965 гг. по статье 70 УК РСФСР 1958 г. — 1072, в 1966—1970 — 295, а в 1981—1985 гг. — 150 человек (см.: КГБ лицом к народу... С. 104).

Всего же, по данным известного правозащитника С.А. Ковалева, по статьям 70 («Антисоветская агитация и пропаганда») и 191

(«Распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй») Уголовного кодекса РСФСР с 1966 по 1986 г. были осуждены 2468 человек. В то же время 18 декабря 1987 г. КГБ СССР обратился с предложением в ЦК КПСС освободить от уголовной ответственности 401 осужденного и 23 подследственных по этим же статьям (см.: Московские новости. 1992. № 32. 9 августа).

Характеризуя деятельность 5-го управления КГБ, В.А. Крючков в интервью газете «Известия» (26 октября 1989 г.) впервые признал, что органами госбезопасности в 1970—1980-е годы было выявлено и профилировано более 1500 лиц, вынашивавших террористические намерения (см.: КГБ лицом к народу... С. 88).

¹⁸ В записке В.А. Крючкова в ЦК КПСС от 4 августа 1989 г. в обоснование необходимости упразднения 5-го управления и создания на его базе нового подчеркивалось: «В условиях революционного обновления советского общества, расширения демократизации и гласности специальные службы капиталистических стран и связанные с ними зарубежные антисоветские центры и другие организации переводят свою подрывную деятельность против СССР на новую стратегическую и тактическую платформу. По своим целям и формам она приобретает характер борьбы против конституционных основ Союза ССР. Путем оживления национализма, шовинизма, клерикализма западные спецслужбы и антисоветские организации активно пытаются инспирировать очаги общественной напряженности, антисоветские проявления и массовые беспорядки, подстрекать элементы к действиям, направленным на насильственное свержение советской власти.

С особой настойчивостью они стремятся сформировать легальные и нелегальные группировки антиконституционной направленности, осуществлять непосредственное руководство ими, оказывать материальную и идейную поддержку, подстрекать к экстремистским акциям. В ряде мест возникшие на этой основе группировки и движения открыто проповедают насильственные методы изменения общественного и государственного строя СССР, организуют массовые беспорядки, совершают опасные экстремистские действия, террористические проявления, другие акты насилия против должностных лиц и граждан, в том числе с применением оружия.

Изложенные обстоятельства настоятельно требуют усиления работы по надлежащей защите конституционного строя союзного Советского государства, ограждению советского общества от подрывной деятельности западных спецслужб, зарубежных антисоветских организаций и их единомышленников внутри страны...» (см.: Лубянка: Органы ВЧК... С. 730—732).

¹⁹ Родина. 1989. № 11.

²⁰ Впоследствии фактическим правопреемниками управления «З» стали вначале Управление по борьбе с терроризмом (УБТ) Министерства безопасности Российской Федерации (1992—1993 гг.), а затем — Департамент по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом ФСБ России.

²¹ XXVIII съезд КПСС. Стенографический отчет М., 1991. Т. 2. С. 123.

²² Там же. Т. 1. С. 195—200.

²³ Крючков В.А. Личное дело. М., 1996. Ч. 2. С. 387—392.

²⁴ Бакатин В.В. Избавление от КГБ. М.: Новости, 1992. С. 73.

**Полковник запаса
О.М. ХЛОБУСТОВ**

● НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

Всероссийская научно-практическая конференция «СССР (Россия) во Второй мировой войне»

В МОСКВЕ состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «СССР (Россия) во Второй мировой войне». Вел конференцию заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерал-полковник А.С. Скворцов.

С основным докладом «Решающая роль СССР (России) в достижении Победы во Второй мировой войне» выступил первый заместитель министра обороны РФ генерал-полковник А.В. Белозуов. Далее прозвучали содоклады статс-секретаря — заместителя министра обороны РФ генерала армии Н.А. Панкова «Патриотизм — важнейший источник победы во Второй мировой войне и проблемы патриотического воспитания в современных условиях»; начальника Главного управления боевой подготовки и службы войск ВС РФ генерал-полковника В.В. Герасимова «Уроки и выводы из опыта Второй мировой войны для подготовки Вооруженных сил Российской Федерации»; президента Академии военных наук генерала армии М.А. Гареева «Уроки и выводы из опыта войны с Японией на Дальнем Востоке в 1945 году»; директора историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ А.А. Чурилина «Внешнеполитические мероприятия СССР по обеспечению Победы во Второй мировой войне».

Были заслушаны выступления ведущего отдела Института всеобщей истории РАН М.Ю. Мягкова «СССР и антигитлеровская коалиция»; начальника Центра военной истории России Института российской истории РАН Г.А. Куманева «Экономика советского государства в годы Второй мировой войны. Поражение агрессора в экономическом противоборстве»; заместителя директора Росвоенцентра при Правительстве РФ генерал-полковника в отставке В.И. Гребенюка «История Второй мировой войны как один из наиболее действенных источников воспитания граждан в рамках реализации государственной программы "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации 2001—2005 года"»; заместителя главного командующего внутренних войск МВД России генерал-полковника В.П. Баранова «Деятельность войск НКВД в годы Второй мировой войны. Пути использования исторического опыта в обучении и воспитании военнослужащих внутренних войск МВД России»; консультанта Военно-мемориального центра ВС РФ генерал-полковника в отставке Г.Ф. Кривошеева «Цена Победы над агрессорами во Второй мировой войне»; заместителя директора Департамента государственной молодежной политики, воспитания и социальной защиты детей Минобрнауки России Б.Б. Гусева «Роль молодежных и детских общественных объединений в патриотическом воспитании молодежи»; заместителя начальника управления комплектования, организации услуг и архивных технологий Федерального архивного агентства Т.Г. Заниной «Деятельность российских архивов по расширению источниковой базы исследований по истории Второй мировой войны» и др.

РУССКАЯ АРМИЯ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА П.Н. ВРАНГЕЛЯ

РУССКАЯ армия генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля в годы Гражданской войны была последней дееспособной армией Белого движения на Юге России (май—ноябрь 1920 г.). Этот период, называемый также Крымским, занимает особое место в истории белой борьбы. Сильная сторона Врангеля, по оценке В.И. Ленина, состояла в том, что он был научен «великим опытом войны Юденича, Колчака и Деникина»¹. Белое движение под его началом смогло избавиться от многих политических, идеологических и организационных недостатков, свойственных предыдущим периодам. Были однозначно и доходчиво сформулированы цели и задачи борьбы, сделан серьезный задел для справедливого разрешения в интересах абсолютного большинства населения земельного вопроса, изжиты конфликты с руководством казачьих областей, положено начало созданию эффективного гражданского управления на отвоеванных территориях. Русская армия, как с 28 апреля (11 мая)* 1920 года стали именоваться Вооруженные силы Юга России (ВСЮР)², перешла к строительству на строго регулярной основе, целиком и полностью в традиции старой Императорской армии.

В основу историографии «Крымского» периода существования белой армии на Юге России обычно берутся мемуары самого Врангеля³. Видимо, по этой причине стало расхожим мнение, что он и был главным инициатором всех реформ, проводившихся под его руководством в «государстве Крым». Ему же отводится основная роль в реформировании белого воинства. Существует, однако, «Доклад Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России», датированный 8(21) апреля 1920 года и подписанный генералом П.С. Махровым, в то время начальником штаба главкома ВСЮР⁴. Наряду с разрешением вопросов внутренней политики в докладе определялись первоочередные задачи по реорганизации, подготовке и снабжению армии и флота, поднятию нравственного уровня офицеров, дисципли-

ны и боеспособности войск, меры на случай оставления Крыма и другие. Из пометок по тексту, сделанных рукой Врангеля, видно, что он не только ознакомился с документом, но и всецело разделял изложенные в нем предложения. Более того, почти все из доклада Махрова в дальнейшем неуклонно претворялось Врангелем в жизнь с присущими ему энергией и твердостью. Армия также была реорганизована по плану Махрова, но название «Крымская Русская армия» Врангель изменил: просто — «Русская».

Прежде всего последовали меры по приведению в порядок эвакуированных в Крым белых войск, состояние которых ко времени назначения Врангеля было удручающим. На довольствии числились более 150 тыс. человек, но только около 1/6 из них могли считаться боевым элементом, остальное приходилось на раненых, больных, инвалидов, воспитанников кадетских корпусов, курсантов военных училищ и громадное число чинов резерва и тыловых учреждений. Значительную часть беженцев составляли женщины, дети, люди непризывного возраста. Местных людских ресурсов для формирования крупных контингентов войск также не хватало. Врангель писал: «Бесчисленное количество частей необходимо было свести в более крупные соединения, сократить многочисленные штабы и усилить боеспособным элементом боевой состав полков, дать армии правильную организацию»⁵.

НАДО сказать, что еще во второй половине (конце) марта 1920 года согласно приказу генерала А.И. Деникина в целях приведения остатков белых армий в боеспособное состояние и удобоуправляемый вид было начато их переформирование в корпуса. Врангель фактически завершил это переформирование, в результате чего было образовано три корпуса: Добровольческий генерала А.П. Кутепова, куда вошли главным образом бывшие части Добровольческой армии — Корниловская, Марковская и Дроздовская дивизии; Крымский генерала Я.А. Слащёва, объединивший 13-ю и 34-ю пехотные дивизии и многочисленные мелкие части, кадры которых и раньше состояли в кор-

пусе; Донской генерала В.И. Сидорина, затем Ф.Ф. Абрамова, который составили 2-я и 3-я Донские дивизии и гвардейская бригада. Регулярные конные части намечалось свести в шесть полков⁶. Ставка разместились в Феодосии.

В то время как корпус Слащёва продолжал удерживать перешейки, в Керчи для прикрытия Крымского полуострова от возможных десантов со стороны Тамани разместились Алексеевская и Кубанская бригады, Юнкерская школа. Остальные войска находились на отдыхе: добровольцы — в Симферополе, донцы — в окрестностях Евпатории. Начал реализовываться предложенный Махровым принцип: минимальный аппарат управления и снабжения — все остальное в строй. Мелкие части, разросшиеся штабы и тыловые учреждения расформировывались и обращались на комплектование действующих войск. Все, что не желал сражаться и бесполезно отсиживался в тылу, лишались права на получение содержания и подлежали удалению из Крыма.

Армия насчитывала в своих рядах 35—40 тыс. бойцов, имела на вооружении до 100 орудий и 500 пулеметов, но была потреяна морально⁷. Поэтому при вступлении в должность Врангель видел свою основную задачу не в борьбе с красными, а в том, чтобы «с честью вывести ее из тяжелого положения», в котором она оказалась⁸. Да и мало кто из белых военачальников думал тогда о каких-либо активных действиях. Принимались лишь безотлагательные меры на случай катастрофы на фронте и прорыва противника на полуостров: разрабатывался план эвакуации, намечались порты для отхода и погрузки войск, где сосредоточивались необходимые тоннаж судов, запасы угля и масла.

Однако последовавшие вскоре события развеяли опасения относительно боеспособности армии и возможности продолжать борьбу. Произошло это в начале (середине) апреля как следствие успешного отражения белыми очередного штурма крымских перешейков советскими войсками. Для закрепления успеха Врангель даже предпринял высадку десантов на флангах обороны, которая, впрочем, закончилась неудачей.

* Здесь и далее все даты приводятся в соответствии с архивными документами, т.е. по новому и старому стилю.

Тем не менее это заставило красное командование пока отказаться от наступательных действий. В то же время отражение штурма оказало большое моральное воздействие на белых: подняло общий дух и армии, и тылов, и населения, показало, что Крым, по крайней мере, способен защищаться. В войска возвращалась уверенность в своих силах. Военачальники, еще недавно скептически оценивавшие боевую пригодность своих частей, убедились, что те вполне управляемы и способны воевать.

Вскоре начали приносить плоды усилия Врангеля по приведению армии в порядок. В частности, для поднятия нравственного уровня офицеров принимались следующие меры: восстановление офицерских судов чести с предоставлением им права разжалования оступившихся в солдаты; введение аттестации начальников и аттестационных комиссий для высшего состава от командира отдельной части до командира корпуса включительно; «очистка» офицерского состава от негодного по безнравственности, бесталанности и дряхлости элемента — «пусть будет меньше офицеров, но сильных и чистых»; введение обязательного ношения внешних отличий на погонах (номера или буквы с особым знаком по роду войск и тыловых учреждений); запрещение ношения военной формы лицам, не состоящим на действительной службе, как для усиления контроля за военнотружущими, так и для повышения престижа офицерских погон.

Несоответствие воинского чина занимаемой должности и раньше имело место в белых войсках. Теперь официально устанавливалось, что «занятие какой-либо должности не зависит от чина, а потому малая должность с высоким чином занимающего ее не только не умаляет достоинства носящего этот чин, но служит признаком верности долгу перед родиной и, наоборот, возвышает лицо, занимающее данную должность»⁹. Для укрепления порядка в войсках вводилась муштра, предпринимались попытки наладить боевую подготовку, организовывать учебные сборы с офицерами в периоды затишья.

ЖЕСТКИМИ мерами укреплялась дисциплина — вплоть до военно-полевых судов и расстрелов за грабежи и бесчинства по отношению к гражданскому населению. Ответственность за грабежи подчиненных возлагалась на непосредственных начальников с возмещением причиненного ущерба из хозяйственных сумм частей. В корпусах учреждалась должность военного следователя, подчиненного главному

Белая армия. Исход
Художник Д. БЕЛЮСКИН

военному прокурору. Не меньший, а, возможно, больший эффект принесло решительное проведение новым главнокомандующим мероприятий по оздоровлению армейского быта, удовлетворению насущных потребностей солдат и офицеров. Всякие реквизиции запрещались, все необходимое армии должно было поставляться через закупки интендантскими органами. Предлагалось даже воспретить продажу спиртных напитков в ресторанах, на вокзалах и в других общественных местах. Но Врангель на это не пошел, потребовав, однако, «беспощадно карать за пьянство».

Улучшению внутреннего климата в армии немало способствовали шаги Врангеля по ликвидации разного рода интриг среди белогвардейского генералитета и в особенности казачьих верхов. Врангель делал ставку на офицерскую молодежь и избавлялся от одиозных старых добровольческих начальников, так или иначе связанных с ошибками и просчетами прежних периодов. Из Крыма были высланы генералы В.И. Сидорин, А.К. Кельчевский, герцог С.Г. Лейхтенбергский, выехали генералы В.Л. Покровский, А.А. Боровский и другие.

В связи с сокращением района боевых действий и переходом штаба главнокомандующего и главных управлений в Крым было проведено реформирование органов управления. В структуре штаба остались управления: 1-го и 2-го генерал-квартирмейстеров, дежурного генерала, начальника военных сообщений, инспектора артиллерии, полевого санитарного инспектора и начальника снабжений; было упразднено управление танковых и броневых частей с передачей функций технического снабжения и ремонта машин запасному броневому автодивизиону. Предпринимались меры по сокращению числа тыловых органов, оптимизации системы военного управления. Так, рядом приказов в апреле были расформированы

свыше 410 тыловых частей (авиационных, инженерных, снабжения, санитарных и т.п.)¹⁰, а также штабы командующего войсками Северного Кавказа, Кубанской армии, Астраханского отряда, 1-го Кавказского армейского корпуса, 21-й пехотной дивизии, Апшеронского, Дагестанского, Ширванского полков и других¹¹. Однако, несмотря на это, тылы и штабы продолжали оставаться громоздкими и нередко служили прикрытием для уклонявшихся от фронта.

ПРИНЦИПАЛЬНОЕ значение имело достигнутое Врангелем соглашение с представителями казачьих войск. Казачьи области оставались в своем внутреннем самоуправлении, их же вооруженные силы подчинялись главнокомандующему¹². Кубанский атаман Н.А. Букретов принял Кубанскую (бывшую Кавказскую) армию, которая оставалась еще на Северном Кавказе. Соратники Врангеля по Кавказской армии генералы Н.Г. Бабиев, В.Г. Науменко, С.Г. Улагай и А.Г. Шкуро зачислялись в распоряжение главнокома. Командующим Донской армией, фактически не существовавшей, номинально стал генерал А.П. Богачевский. В последующем, приняв власть над всеми вооруженными силами Дона, Кубани, Терек и Астрахани, генерал Врангель стал именоваться правителем Юга России и главнокомандующим Русской армией, а состоявшее при нем правительство — правительство Юга России¹³. Штаб переименовывался в штаб главнокома Русской армии.

Быстро менялась внешнеполитическая обстановка. Англичане, придерживаясь курса на соглашение с большевиками, не отказывали в помощи Врангелю, надеясь использовать его как рычаг в намечавшихся советско-английских торговых перегово-

рах. В частности, очень ценной оказалась присылка ими угля для кораблей, что позволило оживить флот. Заметно изменилась в пользу белых позиция Франции, активизировалась Польша, развернувшая с 12(25) апреля 1920 года на широком фронте наступление против красных. Вновь возродились надежды на консолидацию всех антибольшевистских сил. Следует также отметить, что при Врангеле на Юг стала регулярно поступать помощь оружием, медикаментами и продовольствием от США, которые в условиях англо-французских колебаний начали проводить свою линию по отношению к белым, решительно отказавшись от каких-либо переговоров с большевиками¹⁴.

В отличие от своего «чрезвычайно прямолинейного» предшественника А.И. Деникина П.Н. Врангель и во внутренней политике пошел гораздо дальше, руководствуясь принципом: «с кем хочешь, но за Россию»¹⁵. В советской интерпретации этот принцип был переиначен на «хоть с чертом, но против большевиков», но сути это не меняло. Врангель готов был сотрудничать со всеми, кто так или иначе выступал против советской власти и принимал любую помощь, если это шло на пользу белому делу. Первоочередная задача, сформулированная Махровым, — создавать и поддерживать возможно больше очагов борьбы с большевизмом, стала программой действий. На ближайшее время таковыми намечались Сочинский округ, Таманский полуостров, Донская область, а также Правобережная Украина, где оперировали петлюровские войска. Агентурная разведка Красной армии доносила из Севастополя: «Врангель резко отличается от своих предшественников и выделяется из окружающей среды. Человек, безусловно, умный и опасный, великолепно учитывающий обстановку, события и настроения масс»¹⁶.

АРМИЯ остро нуждалась в вооружении, особенно в артиллерии, пулеметах, бронетехнике, боеприпасах — взамен всего утраченного на Северном Кавказе и оставленного при эвакуации. Если добровольцы вывезли в Крым свои пулеметы и даже несколько орудий, то значительная часть донцов прибыла вообще безоружной. Требовалось дожидаться всего этого от союзников, хотя бы в пределах необходимого минимума. Во второй половине апреля (в начале мая) из района Туапсе — Сочи в Крым дополнительно были вывезены около 12 тыс. донских и кубанских казаков с небольшим количеством лошадей. Это были испытан-

ные и непримиримые борцы с большевизмом. Но их также требовалось одеть, обуть, вооружить, привести в боеспособное состояние. Параллельно шла большая организационная работа по подготовке армии к предстоящим боевым действиям.

Другой немаловажный вопрос заключался в комплектовании армии личным составом, обеспечении лошадьми, продовольствием и фуражом. Все это могла дать только деревня. Поэтому одной из главных своих целей Врангель ставил создание «хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа»¹⁷. Расчет, по замыслу Врангеля, делался на то, чтобы опереться на зажиточное и среднее крестьянство Юга России и Украины «не в смысле демагогии, а в смысле реальной политики». Гвоздем ее должна была стать земельная реформа, в ходе которой намечалось ограничить крупное помещичье землевладение, увеличить земельные наделы крестьян и тем самым расширить социальные слои в деревне, настроенные антибольшевистски. Кроме того, планировалось через свободную торговлю обеспечить крестьян остро необходимыми промышленными товарами, а также провести земскую реформу, создав под флагом «народо-правства» новые органы местного самоуправления.

Врангель и его окружение намеревались реализацией «левой политики» обеспечить в занятых областях более высокий уровень жизни, чем в Советской России, демократическое управление, законность и порядок. Народ, по его замыслу, недовольный политикой военного коммунизма, должен был сам свергнуть «иго большевиков», а белые войска, постепенно продвигаясь вперед, закреплять завоеванные области, которые «станут новыми источниками их силы, а не слабости, как было при Деникине», проводившем, по мнению Врангеля и его сторонников, политику «завоевания России». Генерал П.Н. Шатилов, сменивший П.С. Махрова на посту начальника штаба главкома, выразил эти надежды довольно образно: «Нас провозжали выстрелами из окон, а будут встречать с иконами». Комкор А.П. Кутепов высказался более определенно: «С аграрным законом и виселицами мы скоро дойдем до Москвы».

ПО РЯДУ причин всем этим благим начинаниям не суждено было сбыться. Быстрых и весомых результатов социальных реформ в условиях

войны и острого недостатка материальных средств достичь было невозможно. Поэтому все усилия сосредоточивались на главном — выведении из критического состояния военной, топливной промышленности, транспорта и налаживании снабжения армии военными материалами, для чего годились любые, самые радикальные и непопулярные средства, включая насильственные мобилизации, конфискации лошадей, подвод, фуража и другого имущества.

Переименование армии в «Русскую» ознаменовало собой отказ от добровольческого принципа комплектования и замену его мобилизационным. Соответственно отменялся термин «добровольческая» как несший в себе элементы стихийности и партизанщины. Признавалось ошибочным развертывание военных сил путем восстановления частей старой армии*. «Результатом этой системы, — отмечалось в докладе генерала Махрова, — было образование бесчисленных кадров войсковых частей, заводивших самостоятельные хозяйства, громадные обозы, живших большей частью за счет местного населения и совершенно не дававших фронту бойцов»¹⁸. В качестве доказательства сказанному Махров указывал на попытки возродить во ВСЮР старую гвардию и регулярную кавалерию в виде 5-го кавалерийского корпуса генерала Я.Д. Юзефовича. Поэтому кадры старой армии, в том числе гвардии, подлежали использованию на общих основаниях.

По тем же причинам был существенно изменен и обновлен боевой состав армии (см. приложение): Добровольческий и Крымский корпуса стали именоваться по номерам — 1-м и 2-м армейскими, а казаки — по соответствующим войскам¹⁹; для доукомплектования регулярных частей расформировывались сводные стрелковый полк, сводные полки 2-й и 12-й пехотных дивизий, морская бригада, 83-й Самурский полк (в июне восстановлен), Пинско-Волынский батальон и другие; гвардейские пехотные части обращались на комплектование частей 2-го армейского корпуса.

Одновременно проводилась реорганизация кавалерии. Так, в составе 1-го армейского корпуса была сформирована отдельная кавалерийская бригада, вскоре преобразованная во 2-ю конную дивизию (5—7-й полки регулярной кавалерии и Донская казачья бригада); во 2-й армейский кор-

* Такое движение получило чрезвычайно широкое распространение в период правления генерала А.И. Деникина.

пус вошла 1-я кавалерийская (за-тем конная) дивизия (гвардейский и 1—4-й полки). Кавалерийские полки объединили в своем составе все существовавшие к этому времени части регулярной кавалерии, в большинстве малочисленные. Тем самым был положен конец возрождению старых частей и распылению сил по мелким формированиям. 28 апреля (11 мая) образован сводный корпус генерала П.К. Писарева в составе 3-й конной (Терско-Астраханская и Туземная конные бригады) и Кубанской казачьей дивизий²⁰. Однако конными эти формирования могли называться лишь условно. Казаки вообще прибыли в Крым безлошадными, и посадить их в седла пока не представлялось возможным. Единственной конной частью была 2-я конная дивизия (отдельная кавбригада) генерала В.И. Морозова, отошедшая в Крым сухим путем в составе корпуса генерала Я.А. Слащёва. Ей же согласно приказу передавались сохранившиеся лошади и седла конных гвардейских частей и 10-го Ингерманландского гусарского полка. Остальным спешным конным частям полагалось иметь лишь по 50 конных разведчиков и по 18 пулеметов на полк²¹.

В СВЯЗИ с большой потребностью в кавалерии 30 апреля (13 мая) была объявлена обязательная поставка 4 тыс. лошадей «за установленную плату», для чего территория Крыма разбивалась на пять районов — по числу уездов. Прием лошадей производился особыми ремонтными комиссиями. 15(28) мая для пополнения войск личным составом была объявлена мобилизация военнообязанных 1900 и 1901 гг. рождения²². Это решение было также принято «по Махрову». К этому времени в Крыму уже были призваны «нормальные» сроки службы, т.е. мужчины в возрасте от 21 до 34 лет включительно. Теперь досрочному призыву подлежали молодые люди в возрасте от 19 до 20 лет. От предложения призвать еще восемь возрастов (от 35 до 43 лет) Врангель пока воздержался.

Однако как конская, так и призывная кампании проходили с большими потугами. Крестьянство оставалось чуждым белой борьбе, не хотело идти «под генералов» и считало правление Врангеля временным. Поэтому, несмотря на какие обещания реформ и угрозы, крестьяне всячески уклонялись от мобилизации. Тем не менее поставленными лошадьми удалось запрячь артиллерию, часть обозов и посадить на коней один кавалерийский полк в 400 сабель. За счет сокращения тыловых учреждений, постановки в строй выздоравливавших численность бойцов на

фронте, в запасных и тыловых частях достигла 40 тыс. человек. В боевом составе насчитывалось около 25 тыс. штыков и сабель. Кроме того, в армии имелись 10 танков и 20 самолетов, в составе флота — 32 боевых корабля.

План белогвардейского командования предусматривал овладение Северной Таврией, Донбассом, Таманским полуостровом, затем, после проведения мобилизации крестьян на захваченных территориях, — вторжение на Дон, Северный Кавказ и последующее наступление на Москву. Прорыв в Северную Таврию с почти полутрамиллионным крестьянским населением, большими продовольственными, сырьевыми и конскими ресурсами должен был обеспечить первоочередное развертывание, пополнение и снабжение армии, решение острых финансово-хозяйственных проблем. Поскольку за счет беженцев, эвакуированных войск и учреждений население полуострова выросло вдвое, достигнув миллиона человек, сам Крым едва ли мог прокормить такое количество людей.

Начав наступательную операцию 24 мая (6 июня) высадкой корпуса Слащёва на Азовское побережье, Русская армия уже к концу июня захватила большую часть Северной Таврии. Чтобы удерживать эту территорию, Врангелю пришлось растянуть свои лишние резервы войска тонкой линией. Такое расположение с точки зрения военной науки было совершенно непригодным ни для дальнейшего наступления, ни для обороны. До этого Врангель не раз обвинял Деникина в том, что при нем стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась. Теперь он сам принес стратегию в жертву своей «левой политике», которая, однако, явно пробуксовывала.

После разгрома 20 июня (3 июля) красной конной группы Д.П. Жлобы на коней села вся 2-я конная дивизия белых, включая Донскую бригаду. Однако тяжелые непрерывные бои вывели из строя значительную часть личного состава, а объявленная мобилизация не могла восполнить всех потерь. Врангель был вынужден искать дополнительные источники пополнений. С этой целью в мае — июне были расформированы 360 различных тыловых учреждений, предполагалось упразднить еще 150, рядом приказов по военному и гражданскому ведомствам предложено немедленно отчислить из тыла в строй всех здоровых военных чинов. Кроме того, главному интенданту надлежало выявить действительную численность войсковых частей и исключить с довольствия всех «лишних людей».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Боевой состав Русской армии на 5 (18) мая 1920 г.²³

1-й армейский корпус²⁴ (генерал А.П. Кутепов).

Корниловская дивизия (генерал Н.В. Скоблин): 1, 2, 3-й Корниловские ударные полки; Корниловская артиллерийская бригада; гаубичный 1, 2 и 4-й²⁵ дивизионы; отдельная инженерная рота; запасный батальон.

Марковская дивизия (генерал А.Н. Третьяков): 1, 2, 3-й генерала Маркова полки; Марковская артиллерийская бригада (1, 2, 4-й дивизионы)²⁶; отдельная инженерная рота; запасный батальон.

Дроздовская дивизия (генерал В.К. Витковский): 1, 2, 3-й стрелковые генерала Дроздовского полки; Дроздовская артиллерийская бригада (1, 2, 4-й дивизионы); отдельная инженерная рота; запасный батальон.

2-я конная дивизия²⁷: 1-я бригада (5, 6, 7-й кавалерийские полки); 2-я бригада (3-й, 4-й Донские казачьи полки)²⁸, запасный конный полк²⁹; 4-й, 5-й конно-артиллерийский дивизионы).

Отдельная кавалерийская бригада³⁰: 6-й, 7-й кавалерийские полки³¹; запасный дивизион³²; 4-й, 5-й конно-артиллерийские дивизионы³³.

Части, не входившие в состав дивизий: 1-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион (1, 2, 3-я батареи); 1-й отдельный позиционный артиллерийский дивизион³⁴; отдельная саперная рота 1-го армейского корпуса; 5-я отдельная телеграфная рота.

2-й армейский корпус³⁵ (генерал Я.А. Слащёв).

13-я пехотная дивизия: 1-я бригада (49-й Брестский, 50-й Белостокский пехотные полки); 2-я бригада (51-й Литовский, 52-й Виленский генерала Алексеева пехотные полки³⁶); 13-я артиллерийская бригада (1-й Алексеевский³⁷, 2, 4-й дивизионы); отдельная инженерная рота³⁸; запасный батальон.

34-я пехотная дивизия (генерал Н.П. Стокасимов): 1-я бригада (133-й Симферопольский, 134-й Феодосийский пехотные полки); 2-я бригада (135-й Керчь-Еникальский, 136-й Таганрогский пехотные полки); 34-я артиллерийская бригада (1, 2, 4-й дивизионы); отдельная инженерная рота³⁹; запасный батальон.

1-я кавалерийская дивизия⁴⁰: 1-я бригада (гвардейский кавалерийский полк⁴¹, 1-й кавалерийский полк); 2-я бригада (2, 3-й кавалерийские полки); 3-я бригада (4, 5-й кавалерийский полки); запасный полк; 1, 2, 3-й конно-артиллерийские дивизионы.

1-я конная дивизия⁴²: 1-я бригада (гвардейский кавалерийский полк, 1-й кавалерийский полк); 2-я бригада (2, 3, 4-й кавалерийские полки); запасный конный полк (5 эскадронов); 1-й, 2-й конно-артиллерийские дивизионы.

Части, не входившие в состав дивизий: 2-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион (1, 2, 3-я батареи)⁴³;

2-й отдельный позиционный артиллерийский дивизион⁴⁴; 4-я отдельная инженерная рота; 3-я отдельная телеграфная рота.

Сводный корпус⁴⁵ (генерал П.К. Писарев).

3-я конная дивизия⁴⁶ (генерал В.К. Агоев): Терско-Астраханская бригада (1-й Терский и 1-й Астраханский казачьи полки)⁴⁷; Туземная бригада (1, 2-й Туземные полки)⁴⁸; 2-й Астраханский казачий полк, запасный конный полк; 3-й конно-артиллерийский дивизион.

Кубанская казачья дивизия⁴⁹: 1-я бригада⁵⁰ (партизанский казачий полк, «волчий» казачий полк); 2-я бригада⁵¹ (Уманский казачий полк, Запорожский казачий полк); пластунский батальон; Кубанский конно-артиллерийский дивизион.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 349.

² Приказ главнокомандующего Вооруженными силами Юга России № 3049 от 28 апреля 1920 г.

³ Врангель П.Н. Записки. В 2 кн. Кн. 2. М.: Космос, 1995.

⁴ Махров П.С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба главнокомандующего ВСЮР. СПб., 1994. С. 266—299.

⁵ Врангель П.Н. Указ. соч. С. 25.

⁶ Там же.

⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты: В 5 т. Мюнхен, 2002. Т. 5. С. 440.

⁸ Там же. С. 457.

⁹ Махров П.С. Указ. соч. С. 293.

¹⁰ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 3954. Оп. 1. Д. 357. Л. 29, 31; Приказы № 2937, 3019 от 2 и 11 апреля 1920 г.

¹¹ Там же. Л. 39; Приказ № 3075 от 27 апреля 1920 г.

¹² Врангель П.Н. Указ. соч. С. 56.

¹³ Приказ правителя Юга России и главнокомандующего Русской армией № 3504 от 6(19) августа 1920 г.

¹⁴ Врангель П.Н. Указ. соч. С. 174.

¹⁵ Там же. С. 57.

¹⁶ См.: Карпенко С.В. Крах последнего белого диктатора. М., 1990. С. 18, 19.

¹⁷ Врангель П.Н. Указ. соч. С. 57.

¹⁸ Махров П.С. Указ. соч. С. 290.

¹⁹ Приказ главнокомандующего Вооруженными силами Юга России № 3049 от 28 апреля 1920 г.

²⁰ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 178. Л. 79, 80.

²¹ Там же.

²² Врангель П.Н. Указ. соч. С. 103.

²³ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 342; Документ составлен на основании приказов главнокома ВСЮР № 3012 и 3081 от 16 и 28 апреля 1920 г.

²⁴ Переименован из Добровольческого корпуса.

²⁵ Согласно приказу № 3157 от 9 мая 1920 г. образован из 2-го дивизиона 2-й артбригады; РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 342. Л. 58.

²⁶ Образованы из 2, 3-го дивизионов Алексеевской артбригады.

²⁷ Управление дивизии образовано из личного состава управления 2-й Донской конной бригады и нештатного управления 2-го конного генерала Дроздовского полка.

²⁸ Созданы из 2-й Донской конной бригады и Таврического конного дивизиона.

²⁹ Создан из запасного полка 9-й кавдивизии и двух запасных Донских сотен.

³⁰ 28 апреля переформирована во 2-ю конную дивизию

³¹ Созданы из 2-го конного генерала Дроздовского, Чеченского и Крымского конных полков, Таврического конного дивизиона, подразделений 3-го Новороссийского и 9-го Казанского драгунских, 9-го Киевского и 8-го Лубенского гусарских, 1-го Петроградского и 9-го Бугского уланских полков старой армии.

³² Создан из запасного полка 9-й кавдивизии.

³³ Созданы из 6, 7-го конно-артиллерийских дивизионов.

³⁴ Созданы соответственно из: управления Кавказской стрелковой артиллерийской бригады, нештатной сводной батареи 2-й артбригады и управления Алексеевской артбригады по штату отдельного тяжелого дивизиона.

³⁵ Управление его переформировано из управления Крымского корпуса.

³⁶ Из Виленского 1, 2-го партизанских генерала Алексеева полков.

³⁷ Из 1-го дивизиона Алексеевской артбригады; приказ № 3157 от 9 мая 1920 г.

³⁸ Из 5-й отдельной инженерной роты.

³⁹ Из 7-й отдельной инженерной роты.

⁴⁰ Полки дивизии образованы из всех конных частей гвардии, 1, 2, 3-го сводно-кавалерийских полков, состоявших в Крымском корпусе, Туземного и Татарского полков, а также сводной бригады Кабардинской конной дивизии, прибывших из Сочи терцев и подразделений 2-го Курляндского, 6-го Волынского, 11-го Чугуевского, 11-го Ямбургского уланского, 4-го Мариупольского, 5-го Александровского, 6-го Клястицкого, 7-го Белорусского и 10-го Ингерманландского полков старой армии.

⁴¹ Из всех частей гвардейской кавалерии, находившихся в Крыму.

⁴² Образована 28 апреля 1920 г. из 1-й кавалерийской дивизии.

⁴³ Из 1-го дивизиона сводно-гвардейской артиллерийской бригады и из батарей 4-го отдельного тяжелого гаубичного дивизиона.

⁴⁴ Из 2-й артиллерийской бригады по штату отдельного тяжелого дивизиона.

⁴⁵ Управление корпуса сформировано вновь.

⁴⁶ Управление образовано из управления 1-й Терской казачьей дивизии, Крымской сводной бригады и сводной бригады Кабардинской конной дивизии.

⁴⁷ Созданы из 1-й Терской и Астраханской казачьих дивизий.

⁴⁸ Из сводной бригады Кабардинской конной дивизии, Туземного, Татарского, Крымского и Чеченского конных полков, Осетинского конного дивизиона.

⁴⁹ Управление дивизии сформировано вновь.

⁵⁰ Из кубанских частей, находившихся в Крыму.

⁵¹ Из остатков кубанских частей, эвакуированных с Кавказского побережья.

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ЮБИЛЕЙ КОЛЬТА

170 ЛЕТ назад, в 1835 году, известный американский оружейник Сэмюэл Кольт (1814—1862) разработал многозарядный револьвер с вращающимся барабаном, получивший название по имени своего создателя — кольт. Образец оказался настолько удачным, что вскоре стал не только любимым оружием американских ковбоев, но и, претерпев ряд изменений, был принят на вооружение многих стран мира, в том числе и России: 9,5-мм ударно-капсюльный шестизарядный револьвер образца 1855 года. С 1870 года фирма «К.» стала выпускать револьвер под унитарные патроны (5,56-мм образца 1870 г., 10,4-мм образца 1871 и 1873 гг., 11,43-мм образца 1872 и 1878 гг. и др.). С 1900 года она начала массовый выпуск 9,65-мм и 11,43-мм самозарядных пистолетов различных модификаций. Наиболее распространенным из них был семизарядный пистолет M1911 образца 1911 года, долгое время после модернизации в 1921 году состоявший на вооружении армии США и ряда других стран. В начале 60-х годов прошлого столетия фирма «К.» совместно с фирмой «Армолайт» начала выпуск автоматической 5,56-мм винтовки M-16, претерпевшей затем ряд модернизаций. На базе винтовки M16A2 были созданы ручной пулемет, карабин и пистолет-пулемет модификаций соответственно 741, 723 и 733 под единый стандартизированный в НАТО патрон.

* * *

ОТКРЫТ ПАМЯТНЫЙ ЗНАК МОРСКИМ ПЕХОТИНЦАМ

НАКАНУНЕ празднования дня Военно-морского флота правительства Москвы отменило заслуги моряков-пехотинцев — участников героической обороны столицы в 1941 году.

На доме № 20 по Комсомольскому проспекту установлена бронзовая мемориальная доска «Морякам особого отдельного морского отряда, защищавшим Москву в Великой Отечественной войне». Этот дом в Хамовниках был выбран потому, что именно здесь был сформирован первый отряд, ушедший на линию фронта. По словам ветеранов — участников тех событий — на сборы после формирования отряда дали всего 35 мин. Однако никто из моряков даже не подумал роптать — на передовую все шли добровольцами.

1 декабря 1941 года отряд морских пехотинцев занял оборону на участках Ликино, Ванино, Давыдково, Осоргино, Постниково. Фашисты на этом направлении не продвинулись ни на шаг. После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой отряд был переименован в 154-ю отдельную морскую стрелковую дивизию и прошел до конца войны, вписав неосценимую строку в летопись Великой Победы.

Авторы памятного знака — скульптор Головачев и художник Ханнин. Знак создан по инициативе общественных организаций морских пехотинцев «Тайфун» и «Сатурн». Финансирование обеспечило правительство Москвы. «Теперь не только власти, но и обычные горожане будут знать о незаслуженно забытом подвиге советской морской пехоты, — говорит один из ветеранов 1-го отдельного морского отряда, ныне гвардии капитан 2 ранга в отставке И.Н. Боборыкин. — В 1941 году наши моряки не посрамили честь русского флота. Мои товарищи, многих из которых давно нет в живых, сделали невозможное возможным».

Я.И. ЗАЙЦЕВА

**Полковник запаса
Ю.Л. КУШЕР**

(Окончание следует)

О ПОДГОТОВКЕ К ВОЙНЕ МЕДИЦИНСКИХ СЛУЖБ ПРИГРАНИЧНЫХ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ СССР

МЕДИЦИНСКАЯ служба одного из приграничных военных округов западного направления — Ленинградского (ЛенВО) незадолго до начала Великой Отечественной войны располагала восемью гарнизонными и одним окружным военными госпиталями (2850 коек). Были также развернуты несколько корпусных госпиталей, действовали стационары при медико-санитарных батальонах (медсб). Вместе с тем укомплектованность (приписка) врачебным составом медицинских частей и учреждений, формировавшихся для войскового района, составила (февраль 1941 г.) 75 проц. К медсб из-за нехватки хирургов-мужчин были приписаны хирурги-женщины и гинекологи. Наряды на санитарный транспорт обеспечивали штатную потребность также лишь на 75 проц., так что значительная часть санитарных автомобилей заменялась грузовыми, к которым не хватало (июнь 1941 г.) около тысячи комплектов унифицированного оборудования для транспортировки раненых.

В столь непростой обстановке большое значение имел точный учет армейских средств медицинской службы, срок готовности которых был определен в 15 суток¹. После окончания Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. на медицинские склады ЛенВО поступило большое количество соответствующего имущества от расформированных медицинских частей и учреждений, в частности 41-го эвакуогоспиталя. Часть этого имущества направили на Центральный медицинский склад (г. Москва), а остальное оставили на складах ЛенВО*. Последние начиная со второй половины 1940 года и до 22 июня 1941-го на основании приказа НКО СССР осуществляли переформирование комплектов неприкосновенного запаса (НЗ), используя оставшееся от расформированных лечебных учреждений имущество. Вся эта работа была завершена в июне 1941 года.

Обеспеченность войск ЛенВО медико-санитарным имуществом после переформирования комплектов НЗ составляла (в проц. к положен-

ному по табелю): стрелковых и мотострелковых соединений — от 90 до 100, артиллерийских частей — 70—90, авиационных баз — до 90, полевых подвижных госпиталей — 50, головных отделений санитарного склада — 70, эвакуогоспиталей НКО СССР — 70 проц.².

В другом военном округе — Прибалтийском особом (ПриБОВО) к началу войны имелись 3 гарнизонных госпиталя и один окружной (всего на 3250 коек), 3 войсковых лазарета (150) и 4 корпусных госпиталя (600). Количества койкомест на случай войны предполагалось увеличить до 6000³. Кроме того, мобильные стационары были развернуты в медсб каждой дивизии. На лечении в гарнизонных и корпусных госпиталях, а также войсковых лазаретах находились 2500 человек.

Окружные санитарно-эпидемиологические лаборатории и военно-санитарный склад (№ 286) располагались соответственно в г. Риге и в г. Даугавпилсе (Двинске). В последнем имелись около 200 вагонов различного имущества (из расчета обеспечения на 4—5 месяцев потребности частей и учреждений). Кроме того, были развернуты гарнизонные санитарные склады в Таллине, Риге и Каунасе. На их базе предусматривалась организация головных армейских санитарных складов. В частях и соединениях имущество НЗ содержалось в пределах 75—90 проц., остальное хранилось на санитарных складах.

Планирующих документов медицинской службы на случай войны в исследованных материалах не обнаружено (за исключением перечня подлежащих развертыванию на территории округа эвакуационных госпиталей с указанием их специализации). Но, как можно заключить из некоторых источников, такие документы в действительности разрабатывались. Косвенным путем можно установить, что при мобилизации личный состав для частей и учреждений ПриБОВО должен был поступать преимущественно из Орловской, Горьковской, Ярославской и других областей (Московский военный округной госпиталь) и из районов ЛенВО. Госпитали и другие части и учреждения медицинской службы также в большинстве своем подлежали формированию в упомянутых округах.

Таким образом, медицинская служба ПриБОВО располагала всем необходимым для медицин-

ского обеспечения войск в мирное время, но не имела достаточных сил и средств для такого обеспечения в условиях внезапно начавшейся войны. Переформирование медицинского имущества НЗ в соответствии с упоминавшимся приказом НКО СССР здесь к ее началу было выполнено лишь на 60 проц., а обеспеченность частей и соединений этим имуществом колебалась в значительных пределах (общевойсковых соединений — от 60 до 90, авиационных баз — до 85, госпиталей — от 75 до 85 проц.). Войска имели его при себе только в небольшом количестве в рамках текущего довольствия, остальное же хранилось на зимних квартирах и при отходе почти все было оставлено из-за отсутствия транспорта (не было вывезено и имущество большинства госпиталей, кроме четырех). Так, при внезапном отходе наших войск на окружном военно-санитарном складе пришлось почти все уничтожить, за исключением 14 тыс. индивидуальных перевязочных пакетов.

Помимо имущества НЗ в армиях и лечебных учреждениях округа имелось медицинское имущество текущего довольствия, достаточное для ведения боевых действий на протяжении 2—6 месяцев. При отходе войск оно, включая имущество полевого армейского санитарного склада, пополнялось как посредством централизованных поставок, так и путем приобретения его у гражданских органов здравоохранения. Лечебные учреждения, прибывшие в состав Северо-Западного фронта в первые месяцы войны, были укомплектованы им в пределах не ниже 70 проц. норм табелей. Войска этого фронта при отходе из Прибалтики имели 10-дневный запас имущества текущего довольствия и на протяжении июля 1941 года обеспечивались за счет складских запасов, вывезенных из Риги. В дальнейшем запасы медицинского имущества пополнялись по линии централизованной поставки их фронту и заготовки через аптечные управления Пскова, Новгорода, Старой Руссы и других городов и предприятий местной промышленности. В первые месяцы войны вся эта работа была сопряжена с огромными трудностями, и лишь при стабилизации фронта положение постепенно стало выправляться, а система снабжения приобретать планомерный характер⁴.

* Перед началом Великой Отечественной войны окружной военный санитарный склад (№ 281) дислоцировался в Ленинграде, а его головные отделения были развернуты в Пскове, Петрозаводске и Кандалякше.

Планирование мероприятий по схеме развертывания и мобилизационный план медицинской службы Западного особого военного округа (ЗапОВО) на 1941 год разрабатывались офицерами 1-го отделения санитарного отдела. Составление плана было начато в январе, и в течение первого квартала разрабатывались организационные мероприятия по медицинским учреждениям, по кадрам медсостава, по учету и обеспечению комплектования медицинским имуществом и бакпрепаратами, план разгрузки гарнизонных госпиталей от больных в мобилизационный период. Во втором квартале составлялись такие документы, как «Уточнение кадра вагонов для военно-санитарных поездов» и «Именной план разгрузки медицинских учреждений округа».

План медицинского обеспечения войск прикрытия мобилизации или упоминания о нем в исследуемых документах не обнаружены. Однако на основе изучения других архивных материалов можно заключить, что в округе с началом войны намечались меры по увеличению дополнительных коек в гарнизонных госпиталях. Об этом свидетельствует, например, подписанный начальником штаба округа, начальником организационного отделения штаба и врид начальника санитарного отдела и утвержденный командующим войсками и членом военного совета округа 18 апреля 1941-го «Расчет выделения кадрового медицинского состава санитарных учреждений, отдельных соединений и частей и учреждений ЗапОВО на военное время по мобилизационному плану 1941 года»⁵. Состоял он условно из двух частей: в первой приводились сведения о медицинских учреждениях, имевшихся в округе в мирное время, об их размещении и о том, что они формировали (если такая задача перед ними ставилась); во второй давался перечень формирующихся учреждений, а также данные о том, где и на базе чего происходило это формирование. Составленный накануне войны, документ не устанавливал ни сроков готовности учреждений, ни порядка использования с момента их создания. В соответствии с «Расчетом...» округ имел санитарный отдел (Минск), 3 санитарных отдела армии — 3, 4 и 10-й (Гродно, Кобрин и Белосток), 27-й отдельный медико-санитарный батальон, 27-й военный госпиталь, 15 войсковых лазаретов, 8 медицинских пунктов при военных училищах, санитарно-эпидемиологическую лабораторию и 3 санитарно-эпидемиологических отряда, санитарный склад (г. Минск), 2 гарнизонных санитарных склада (Полоцк, Минск), корпусную аптеку, зуботехническую лабораторию, курсы усовершенствования медицинского состава и школу санитарных инструкторов. Следовательно, медицинская служба ЗапОВО имела достаточное число учреждений, которые обеспечивали ее постоянной готов-

ность и рациональное использование которых в начале войны осуществлялось специальными органами управления (санитарные отделы общевойсковых армий и округа). Однако нельзя не отметить и наличие серьезных просчетов в мобилизационном планировании. Несмотря на то что округ находился на возможном направлении главного удара противника, военные госпитали, кроме Слуцкого, Калинковичского и Молодеченского, служили базой формирования эвакуационных госпиталей. Даже Брестский, находившийся непосредственно у государственной границы, выполнял ту же задачу, да еще формировал полевой эвакуационный пункт.

Военные госпитали размещались в крупных населенных пунктах, расположенных на железнодорожных коммуникациях, имевших военно-стратегическое значение. Даже при самых благоприятных условиях расчет на выполнение ими в начале войны важных задач медицинской службы (развертывание новых формирований, обеспечение приема раненых и оказание им медицинской помощи) был, безусловно, ошибочным. Ведь приграничный округ в мирное время не имел даже автомобильных санитарных подразделений, в связи с чем затруднительность эвакуации раненых и больных, необходимость в которой возникает уже с началом боевых действий, была очевидна. Выполнение этой задачи находилось в зависимости от сроков сбора и переоборудования автомобильного санитарного транспорта, мобилизованного из народного хозяйства.

Некоторые полевые медицинские учреждения для ЗапОВО формировались во внутренних округах по схеме санитарного управления (СУ) Красной армии. Данные об их числе и характере приведены в табл. 1, отражающей содержание двух документов: «Расчета...», составленного в округе и утвержденного 18 апреля 1941 года, и «Схемы СУ Красной Армии», датированной 13 мая того же года. В первом показаны медицинские учреждения, которые предполагалось формировать только в округе, во втором более полно отражены лечебные учреждения, формировавшиеся не только в округе, но и за его пределами. Однако в последний документ не включен целый ряд формирований, числившихся в плане округа. Например, в нем не указано, где и сколько формировалось для ЗапОВО управлений головных отделений полевых эвакуационных временных и постоянных военно-санитарных поездов, санитарно-противоэпидемических учреждений; нет полного совпадения по количеству формирующихся полевых подвижных и эвакуационных госпиталей. Вместе с тем только анализ этих обоих документов позволяет более или менее объективно отразить состояние планирования подготовки медицинской службы округа накануне войны.

Перед войной силами медицинской службы ЗапОВО, органов здравоохранения Белорусской ССР предусматривалось отобилизование 92 формирований, при этом округ создавались почти все органы управления медицинской службы, около половины госпиталей, средства их специализации и усиления. Мобилизационный план, который мог быть выполнен только при благоприятных условиях начального периода войны, по количеству создававшихся формирований был весьма обширным. При его изучении становится очевидным, что органы управления медицинской службы в интересах оперативного отобилизования соответствующих частей и учреждений, движения их к районам работы должны были создаваться на месте.

Из анализа данных табл. 1 следует, что ЗапОВО для четырех развертывавшихся им армий предусматривал формирование трех управлений полевых эвакуационных (3-й армии — г. Лида, 10-й — г. Белосток, 4-й — г. Кобрин) и такого же количества управлений госпитальных баз армий (Лида, Волковыск и Барановичи). Схемой-планом 1941 года предлагалось развертывание четырех эвакуационных, в том числе и для 13-й армии (Барановичи). Однако в последнем документе не упоминались управления госпитальных баз армий.

Для руководства лечебно-эвакуационной деятельностью госпитальной базы фронта округом предусматривалось формирование в Минске управления фронтového эвакуационного пункта, однако перед войной его формирование перенесли в Борисов, где его отобилизовать так и не удалось. На территории округа создавались также 4 местных эвакуационных пункта (Витебск, Смоленск, Бобруйск и Гомель).

Наиболее четко органы управления, формировавшиеся медицинской службой округа, были отражены в «Схеме СУ Красной Армии», в соответствии с которой за округом числились сформированные на его территории 61 военный госпиталь. Обращает на себя внимание тот факт, что эвакуационные госпитали, развертывавшиеся в Гродно, Лиде, Белостоке, Слониме и Новогрудке, создавались местными органами здравоохранения и по схеме 1941 года⁶ значились как учреждения системы Наркомздрава. Кроме указанных 61 госпиталя, «Схемой СУ Красной Армии» предусматривалось формирование для ЗапОВО 35 полевых подвижных и 45 эвакуационных. Если об общем количестве первых их них, формировавшихся для Западного фронта, судить по двум документам, на основе которых и составлена таблица, то их должно было быть 63. Но по другим данным⁷, их мобилизации в ЗапОВО подлежали 69, в том числе 16 инфекционных, 27 на механизированной и 26 на конной тяге.

Медицинские учреждения, формировавшиеся по мобилизационному плану 1941 года для ЗапОВО

Наименование учреждений	Количество учреждений		
	по плану ЗапОВО	по схеме СУ Красной армии (поступило в ЗапОВО отобработанными в других ВО)	Всего
Управления фронтового эвакупункта	1	—	1
Управления местных эвакупунктов*	—	—	5
Управления полевых эвакупунктов	3	—	3
Управления госпитальных баз армий	3	1	4
Полевые подвижные госпитали	28	35	63
Инфекционные госпитали	5	—	5
Эвакуационные госпитали	33	45	78
Автохирургические отряды	10	—	10
Отдельные роты медицинского усиления	3	—	3
Автосанитарные роты	—	9	9
Санитарно-эпидемиологические лаборатории	1	—	1
Санитарно-эпидемиологические отряды	4	—	4
Другие учреждения	2	5	7

* Формировались в Бобруйске, Гомеле, Витебске, Смоленске и Калинин.

Таблица составлена по: Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 67. Оп. 3121. Д. 10. Л. 140.

Всего центром предполагалось сформировать для ЗапОВО 78 эвакуационных госпиталей, в том числе 42 — системы Наркомата обороны и 36 — Наркомздрава. Следовательно, среди учреждений, предназначенных для медицинской службы армий и фронта, большой удельный вес занимали именно эти учреждения.

Медицинская служба округа планировала создать 12 автохирургических отрядов на 6 армий и 3 отдельные роты медицинского усиления на 4 армии. При этом в «Расчете...» ЗапОВО не предусматривалось формирование автосанитарных рот³. Однако, как следует из данных «Схемы СУ Красной Армии», для медицинской службы этого округа предполагалось сформировать 9 автосанитарных рот, которые в случае мобилизации должны были прибыть в районы развертывания эвакуационных пунктов (Белосток, Кобрин, Минск и Витебск). Судя по месту их прибытия, они распределялись из расчета по две на армию первого эшелона (3, 10 и 4-ю), одна выделялась для 13 А и две оставались во фронте.

Помимо того приказом наркома обороны от 9 мая 1941 года предусматривалось иметь во фронте на военное время санитарно-эпидемиологические лаборатории, а в армии соответствующие отряды. Иногда первые из них предназначались и для армейских нужд, в частности, лаборатория № 293, сформированная военным госпиталем в Белостоке, обслуживала 10 А, № 294 в Гродно — 3 А. Создавались также санитарные склады, например, 5 для развертывавшегося Западного фронта, в том числе 4 головных (в Полоцке, Минске, Пскове, Волковыске) и один окружной — в Минске. В исследуемых документах не упоминаются авиационные санитарные эскадрильи, формирование которых предусматривалось упоминаемым приказом НКО от 9 мая 1941 года.

Из анализа данных «Схемы СУ Красной Армии» и плана медицинской службы ЗапОВО следует, что подготовка ее сил и средств осуществлялась тоже в соответствии с этим приказом, закреплявшим таким образом сложившуюся перед войной организационно-штатную структуру медицинской службы действующей армии. Однако при изучении архивных материалов не складывается представление о четком и согласованном планировании в центре и в округе. Более того, в «Расчете...» ЗапОВО отражен ряд устаревших положений, а в документах центра — новые тенденции, выразившиеся, например, в исключении из схемы управлений госпитальных баз армий и в более конкретном районировании размещения госпиталей. Весьма большое число учреждений, создававшихся медицинской службой округа, не обеспечивалось местными медицинскими кадрами запаса, из-за чего их приписка к учреждениям, фор-

мировавшимся в округе, проводилась во внутренних военных округах — Московском, Орловском и др.

«Расчет...» медицинской службы Западного особого военного округа отражает ее подготовку на основе организационно-штатной структуры, действовавшей до выхода в свет приказа наркома обороны. Схема же СУ Красной армии показывает новую организационно-штатную структуру, введенную в действие в самый ответственный, завершающий предвоенный период реорганизации медицинской службы. Как мы убеждаемся, между планами округа и центра не было полной согласованности.

Не многим отличалось положение с медицинским обеспечением войск в Киевском особом (КОВО) и Одесском (ОдВО) военных округах. Так, в первом из них перед войной отмечался большой некомплект медицинского состава. Среди врачей он составлял 52,58, фельдшеров — 54,7 и санитарных инструкторов — 46,59 проц.⁴. Впрочем, общая нехватка медицинских, в частности, врачебных кадров в армиях приграничных военных округов усугубилась еще и тем, что здесь не видели существенной разницы между штатами медицинской службы мирного и военного времени, вследствие чего приписка медперсонала запаса к учреждениям практически не проводилась. В результате не были приписаны 1279 врачей, в том числе 468 хирургов. Определенную отрицательную роль в этом сыграло и то, что по существовавшей организации приписки врачебного состава решение этого вопроса находилось в ведении отдела по начальствующему составу. Впрочем, ущербность подобной схемы была выявлена еще в 1939 году при освобождении Западной Украины, после

чего на военном совете округа 15 марта следующего года признали более целесообразным сосредоточить дело мобилизации личного состава медицинской службы в ведении санитарного отдела округа, реорганизованного затем в санитарное управление. Но этого перед войной сделано не было.

В целом же разработка плана мобилизации частей и учреждений медицинской службы КОВО была завершена в 1940 году, и в течение 1941-го в этот план вносились лишь коррективы и дополнения. Наиболее существенные из них требовались в связи с утверждением правильностью предложений по развертыванию на территории округа наиболее сильной группировки войск и составлению плана обороны государственной границы.

Из архивных материалов следует, что 1-м отделением санитарного отдела Киевского округа были составлены основные документы мобилизационного плана, подготовлены отдельные именные списки сотрудников как этого отдела, так и управлений фронтового и полевого эвакупунктов, начальников госпиталей и других медучреждений, схемы пунктов формирования; отработаны планы полевых эвакупунктов и приписанных к ним лечебных заведений.

Округом был разработан и план организации тыла и материального обеспечения войск прикрытия, где определялись границы тылового района, пункты развертывания станций снабжения, железнодорожное базирование. Одним из разделов (медицинское обеспечение) предусматривались: организация оказания медицинской помощи раненым и больным и их эвакуация, силы и средства, выделяемые медицинской службой с началом боевых действий, поря-

Таблица 2

Количество частей и учреждений медицинской службы в КОВО и ОдВО накануне войны

Учреждения	Военные округа			
	КОВО		ОдВО	
	Количество учреждений	Количество коек в них	Количество учреждений	Количество коек в них
Постоянные госпитали	17	4450	7	1900
Корпусные госпитали	8	1200	3	360
Войсковые лазареты	42	1240	18	417
Медико-санитарные батальоны	31		13	
Всего	98	6890	41	2677

Таблица составлена по: Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации (ВММ МО РФ). Инв. № 1551 (1961 г.).

док наращивания и использования этих сил и средств в первые дни мобилизации.

До проведения развертывания медицинских учреждений армий прикрытия выполнение задач по приему и оказанию медицинской помощи возлагалось на военные госпитали, для чего выделялись 9 гарнизонных госпиталей, которые с учетом их дислокации распределялись между армиями. Так, из войск правого фланговой 5-й армии раненых и больных намечалось эвакуировать в Ковель, Луцк, Ровно, из 6-й — во Львов, из 26-й — в Дрогобыч, Стрый, из левофланговой 12-й — в Станислав, Черновицы и Стрый. Эвакуацию раненых и больных в пределах армейского тылового района планировалось осуществлять военно-санитарными поездами, которые по плану организации тыла могли приступить к работе лишь с 4-го дня мобилизации. Прибывать с нуждавшимися в медицинской помощи людьми им следовало в районы, где предполагалось развернуть госпитальную базу фронта¹⁰. Если же учесть крайне ограниченные возможности имевшегося санитарного транспорта, то задача по эвакуации раненых и больных в течение первых дней войны практически была невыполнима.

По отчету, составленному бывшим начальником медицинской службы Юго-Западного направления Л.Р. Малослой, можно судить о состоянии медицинской службы в Киевском особом и Одесском военных округах, что отражено в табл. 2.

В КОВО по последнему варианту плана стратегического развертывания войск объединения, развертывавшиеся округом, должны были действовать на главном направлении. Важную стратегическую задачу с самого начала войны им предназначалось выполнить и по первому варианту плана развертывания Вооруженных Сил, в соответствии с которым основные действия войск намечались на западном направлении. Однако силы и средства медицинской службы КОВО были намного меньшими, чем медицинской службы ЗапОВО. В связи с этим обстоятельством база для

развертывания медицинских формирований на юго-западном направлении была менее благоприятной, чем на западном.

Достаточно полное представление о характере формирований, на основе которых должны были создаваться органы управления медицинской службы при ее развертывании на юго-западном и южном направлениях, дает анализ архивных документов, например, данных справки заместителя начальника Генерального штаба Н.Ф. Ватутина от 13 мая 1941 года, озаглавленной «Сборник положений об учреждениях санитарной службы военного времени».

Для управления силами и средствами медицинской службы Юго-Западного фронта предполагалось сформировать управление фронтового (№ 27, Львов) и шесть управлений полевых эвакуопунктов, а также четыре управления госпитальных баз армий и управления головных отделений полевых эвакуопунктов. ОдВО формировал (для 9А) управление полевых эвакуопунктов и госпитальных баз армий, что согласуется с планом развертывания войск на юго-западном и южном направлениях. Кроме того оба округа формировали два управления распределительных эвакуопунктов (№ 73 в Киеве и № 34 в Днепропетровске) и четыре управления местных эвакуопунктов (Винница, Киев, Николаев, Запорожье). Перед войной для Юго-Западного фронта и его армий в КОВО и ОдВО также планировалось формирование комплекта частей и учреждений медицинской службы: в первом округе — 183, во втором — 90. При этом на 5 армий, находившихся в составе КОВО, возлагалось формирование 54 подвижных полевых и 16 инфекционных госпиталей (соответственно по 11 и 3 на каждую армию), 4 отдельные роты медицинского усиления, комплект санитарно-противоэпидемиологических учреждений и базы медицинского снабжения. ОдВО согласно «Схеме санитарного отдела армии» формировал в составе управлений полевых эвакуопунктов 20 подвижных полевых, приписанных к госпитальной базе 9-й армии, и 5 инфекционных госпиталей, а также от-

дельную роту медицинского усиления, комплект санитарно-противоэпидемиологических, приписанных к санитарному отделу армии, и других медицинских учреждений.

Сравнение данных о числе сформированных для Западного и Юго-Западного фронтов госпиталей позволяет утверждать, что существенной разницы в их количестве не было. Для первого из округов перед войной предполагалось сформировать 63 походно-полевых (включая инфекционных) и 78 эвакуационных госпиталей, а для второго соответственно — 95 и 61, сформированных ОдВО. Их следует отнести к медицинским учреждениям, которые развертывались за пределами тыла Юго-Западного фронта¹¹. Эти данные не согласовались ни с боевым составом указанных фронтов, ни с их предполагаемой ролью в начале войны. Если бы войскам Юго-Западного фронта в действительности пришлось развертываться, как предполагалось по последнему варианту, то даже при условии ведения ими наступательных операций и развертывания всех запланированных частей и учреждений медицинской службы последняя оказалась бы в весьма тяжелом положении.

Таким образом, на основе исследования архивных материалов можно с определенной уверенностью утверждать, что планирующие документы по мобилизационной подготовке формирований медицинской службы всех приграничных военных округов не в полной мере соответствовали плану развертывания и боевым задачам войск, не учитывали в полной мере возможность ведения фронтами тяжелых оборонительных боев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации (АВММ МО РФ). Ф. 21. Оп. 112. Д. 1. Л. 4.

² Там же. Оп. 46177. Д. 1. Л. 182.

³ Там же. Ф. 27. Оп. 4123. Д. 2. Л. 151.

⁴ Там же. Ф. 7. Оп. 123. Д. 2. Л. 149—166.

⁵ Там же. Ф. 15. Оп. 44886. Д. 106. Л. 1—4.

⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 4064. Д. 2. Л. 142.

⁷ ВММ МО РФ. Инв. № 1549 (1961 г.).

⁸ АВММ МО РФ. Ф. 1. Оп. 4064. Д. 2. Л. 142.

⁹ Там же. Оп. 13739. Д. 3. Л. 45; Оп. 62977. Д. 1. Л. 30.

¹⁰ Там же. Оп. 35484. Д. 17. Л. 33, 34.

¹¹ ВММ МО РФ. Инв. № 1551 (1961 г.).

*Генерал-майор
медицинской службы
В.А. ИВАНЦОВ;
генерал-майор
медицинской службы
А.М. ШЕЛЕПОВ;
полковник медицинской
службы в отставке
П.Ф. ГЛАДКИХ*

Правда ли, что отличившийся в годы Великой Отечественной войны крейсер «Красный Крым» был построен еще в дореволюционные годы?

С. САЗОНОВ
(Алушка, Крым)

«КРАСНЫЙ КРЫМ»

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, этот легкий крейсер был заложен еще в ноябре 1913 года на судостроительном заводе в Ревеле (ныне Таллинн) под названием «Светлана». На воду корабль был спущен 28 ноября (11 декабря) 1915 года, т.е. 90 лет назад, однако достраивался он уже в Петрограде (Санкт-Петербурге) в 1924—1928 гг. В феврале 1925 года крейсер получил новое название «Профинтерн» и носил его до октября 1939 года, а затем его назвали «Красный Крым». В июле 1928 года достроенный корабль вошел в состав Морских сил Балтийского моря. Водоизмещение — 7999 т, длина — 158,4 м, ширина — 15,35 м, осадка — 9,7 м; мощность энергетической установки — 50 тыс. л. с., скорость хода — 29,5 уз (54,6 км/ч), дальность плавания — 1200 миль. Вооружение: 15 130-мм, 6 100-мм, 4 45-мм и 10 37-мм орудий, 7 12,7-мм пулеметов, два 3-трубных 533-мм торпедных аппарата, 100 мин, два гидросамолета, одна катапульта. Экипаж — 852 человека. В августе 1929 года корабль совершил визит в Свинемюнде (Германия). В ноябре 1929 — январе 1930 года кораблю вместе с линкором «Парижская коммуна» (впоследствии «Севастополь») пришлось совершить еще одно путешествие: он был переведен из Крон-

штадта в Севастополь вокруг Европы и вошел в состав Морских сил Черного и Азовского морей (так до 11 января 1935 г. назывался Черноморский флот).

Во время Великой Отечественной войны «Красный Крым» ставил минные заграждения, конвоировал транспортные суда, перевозил войска и технику, поддерживал артиллерийским огнем сухопутные войска Красной армии, участвовал в высадке десанта у деревни Григорьевка (22 сентября 1941 г.) во время обороны Одессы, а также в обороне Севастополя и в Керченско-Феодосийской десантной операции 1941—1942 гг. В критические дни обороны г. Туапсе «Красный Крым» доставил туда из Поти подкрепление, затем принимал активное участие в Новороссийской операции 1943 года, находясь в составе отряда огневой поддержки морского десанта. 18 июня 1942 года «Красному Крыму» присвоено звание гвардейский. В войну крейсером командовал капитан 2 ранга, с 26 июля 1942 года капитан 1 ранга А.И. Зубков. После войны, в 1954 году, корабль был переклассифицирован в учебный крейсер, в 1957-м — в опытовое судно, в 1958-м — в плавказарму, а 7 июля 1959 года исключен из состава ВМФ и сдан на слом.

Однако имя корабля-героя не было забыто. «Красным Крымом» назвали также большой противолодочный корабль, построенный в Николаеве и вступивший 5 декабря 1970 года в состав Черноморского флота. Водоизмещение его 4030 т, длина — 144 м, ширина — 15,8 м, осадка — 4,6 м; мощность газотурбинной энергетической установки — 72 тыс. л. с., скорость хода — 34 уз (63 км/ч), дальность плавания — 3500 миль; вооружение: 4 76-мм орудий, 4 (2х2) зенитные ракетные установки, 2 12-ствольных и 2 6-ствольных реактивных бомбомета, 1 5-трубный торпедный аппарат и вертолет Ка-25ПЛ. Экипаж — до 300 человек. Корабль участвовал в дальних морских и океанских походах, несении боевой службы.

Название «Красный Крым» в период с 5 февраля 1925 по 31 октября 1939 года носила также канонерская лодка Черноморского флота (ранее Эльпидифор № 416), спущенная на воду в 1920 году в Николаеве. Водоизмещение ее 1050 т, длина — 74,7 м, ширина — 10,3 м, осадка — 3,5 м; мощность энергетической установки — 750 л. с., скорость хода — 10 уз (18,5 км/ч), дальность плавания — 650 миль; вооружение: 3 130-мм, 2 76-мм орудия, 2 пулемета. Эки-

паж — 30 человек. С начала Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. канонерская лодка под командованием капитан-лейтенанта Н.А. Кадыгробова участвовала в обороне Одессы. 22 сентября 1941 года она погибла от ударов авиации противника в районе Тендровской косы.

*Публикацию подготовил
генерал-майор в отставке
В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ*

В свое время немало хороших лент выпустила документальная военная киностудия. Существует ли она сегодня?

И. ПАВЛОВ
(г. Пенза)

КИНОСТУДИЯ ВОЕННЫХ ФИЛЬМОВ

КИНОСТУДИЯ Министерства обороны СССР была создана в 1960 году в Ленинграде, в 1964 году ее перевели в Москву, а в 1991 году — в г. Юбилейный Московской области (бывший пос. Большево). С 1992 года она носит название Киностудия Министерства обороны Российской Федерации. Здесь было создано немало кинофильмов и киноэкранных пособий, призванных способствовать обучению и воспитанию воинов. Это киножурналы, а также учебные, научно-популярные, технико-пропагандистские (военно-технические), хроникально-документальные, военно-исторические ленты. Что касается последних, то высокую оценку зрителей получили документальные фильмы «Маршал Жуков», «Генерал армии Черняховский», «Толбухин — страницы биографии», «Оборона Ленинграда», «Курская битва» и др. Немало лент посвящено боевой учебе армии и флота. Многие работы киностудии отмечены призами и премиями различных фестивалей и конкурсов. Так, фильм режиссера И. Соловьева «Адмирал Крузенштерн» получил серебряную медаль имени Довженко (Киев, 1988 г.). До сих пор в воинских клубах демонстрируется фильм режиссера П. Войленко «Десантники», завоевавший в Париже еще в 1973 году гран-при «Золотое солнце Версаля». С 1994 года Киностудия МО РФ приступила к выпуску видеопродукции, также пользующейся большим спросом.

А.В. ОСТРОВСКИЙ

Крейсер «Красный Крым»

АЛЬФОНСО ФЕРРЕРО МАРМОРА УСТАНОВИЛ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИТАЛИИ С РОССИЕЙ

Альфонсо Ла Мармора

Неудачная для России Крымская война 1853—1856 гг. исследована отечественными и зарубежными историками весьма полно. Однако российским читателям, вероятно, мало известен факт участия на стороне антироссийской коалиции Сардинского королевства, вступившего в войну 14(26) января 1855 года. В мае сардинский экспедиционный корпус (15—18 тыс. человек) высадился в Балаклаве и вместе с войсками союзников принял участие в осаде Севастополя. В предлагаемой вниманию читателей статье, подготовленной автором в основном по итальянским источникам, не издававшимся ранее на русском языке, рассказывается о командующем сардинским экспедиционным корпусом, генерале и политике Альфонсо Ла Марморе, который был в свое время довольно известен в европейских кругах.

СРЕДИ генералитета экспедиционных войск союзников, высадившихся на Крымский полуостров в сентябре 1854 года в ходе Крымской войны 1853—1856 гг., было несколько неординарных личностей, как, например, французский маршал А.Ж. Сент-Арно или английский генерал лорд Ф.Дж. Раглан. Менее известен, но, пожалуй, не менее амбициозен был представитель Сардинского королевства¹ генерал Альфонсо Ла Мармора², командовавший в Крыму Сардинским экспедиционным корпусом (СЭК).

Альфонсо Ла Мармора — предпоследний из 13 детей известной аристократической семьи Пьемонта — родился 18 ноября 1804 года в Турине³. Его детские и юношеские годы прошли в сложное время, когда Пьемонт входил в состав наполеоновской Франции. С крахом наполеоновской империи решением Венского конгресса 1815 года было восстановлено Сардинское королевство⁴ с Савойской династией во главе⁵.

По семейной традиции Альфонсо поступил в Туринскую военную академию, как называлось тогда это военное училище, которую окончил в марте 1823 года и в звании лейтенанта артиллерии начал службу в пьемонтских войсках. Он совершил несколько поездок в Европу, посетил также Пруссию и Россию, где целенаправленно изучал организацию и

вооружение иностранных армий, прежде всего артиллерию. Плодом этой работы явилось его предложение о создании в пьемонтской армии легкой конной артиллерии, что перешло впоследствии и в вооруженные силы объединенной Италии.

В 1848 году, в ходе первой из четырех австро-итальянских войн, Альфонсо Ла Мармора, командуя в чине майора двумя батареями конной артиллерии, отличился в боях у Мондцамбано, Борджетто, Валеджио и Пескьере и был награжден золотой медалью «За храбрость»⁶.

Еще более он отличился в ходе диверсии в тылу австрийских войск 30 апреля 1848 года у Пастренго, где благодаря искусно расположенной артиллерии победа досталась пьемонтским войскам, однако силы были далеко не равны. В июне 1848 года сардинская армия потерпела поражение при Кустоце и отошла к Милану. Король Карл Альберт⁷ вынужден был заключить перемирие, которое жители Милана посчитали предательским. Они подняли восстание, осадив короля со свитой во дворце Грелли. Только решительные действия полковника Ла Мармора и подчиненных ему сил позволили выволочь короля из западни, за что Альфонсо получил звание генерал-майора и вскоре был назначен военным и морским министром.

Ревностным защитником монархии показал себя Ла Мармора

и в марте 1849 года, когда после поражения пьемонтских войск в битве при Новаре и отречения от престола Карла Альберта в Генуе вспыхнуло восстание — возмущенное население требовало не только продолжения войны с Австрией, но и отделения от Сардинского королевства. Генерал Альфонсо Ла Мармора, наделенный новым королем Виктором Эммануилом II большими полномочиями, подавил волнения самым решительным образом, широко применив артиллерию. По некоторым данным, число погибших в Генуе превысило 500 человек⁸. Виктор Эммануил II поспешил отметить верноподданность Ла Марморе, присвоив ему звание генерал-лейтенанта.

Убежденный монархист, Ла Мармора с неприязнью относился и к народному герою Италии Джузеппе Гарибальди⁹. Выполняя приказ из Турина подвергнуть временному аресту защитников только что павшей Римской республики (июль 1849 г.), Ла Мармора не позволил Гарибальди, высадившемуся 5 августа под Генуей, проследовать через Пьемонт в Ниццу, чтобы навестить престарелую мать и детей, и твердо настоял на его немедленном убытии в свое второе изгнание.

Осенью 1849 года Альфонсо Ла Мармора вновь назначается военным министром и почти десять лет, вплоть до 1859 года, возглавляет это ведомство. Помимо ус-

пешной военной карьеры Ла Мармора становится видным политическим деятелем, являясь с первого созыва пьемонтского парламента в 1848 году его бессменным депутатом, а также главой пьемонтского правительства в 1859—1860 и в 1865—1866 гг.

БУДУЧИ военным министром, Ла Мармора провел основательную реорганизацию армии. Были пересмотрены уставы, изменена тактика ведения боевых действий, заметно повышены роль офицерского корпуса и его материальное обеспечение. В результате проведенной военной реформы, активно поддержанной новым премьер-министром пьемонтского правительства графом К. Кавуром¹⁰, сардинская армия к началу Крымской войны стала более боеспособной и сбалансированной, что в определенной мере и стало причиной «приглашения» Сардинского королевства к участию в антироссийской коалиции. Так королевство оказалось втянутым в войну, победа в которой хотя и не принесла итальянцам никаких материальных выгод, содействовала, как ни странно, росту политического веса Пьемонта среди европейских государств. «Все понимали, что поднялся престиж не только Пьемонта, но и всей итальянской нации: чувствовалось, что наступает новая эпоха славы и удачи, которая открывается перед Италией»¹¹.

В связи с назначением командующим Сардинским экспедиционным корпусом (СЭК) Ла Мармора оставил пост военного министра и приступил к выполнению новых обязанностей. По его настоянию в корпус были включены и силы флота, что впоследствии оказалось весьма полезным¹², причем не столько в боевом аспекте, сколько в обеспечении независимости от англо-французских союзников, чем пьемонтцы очень дорожили. Надо особо отметить, что тактики независимости Альфонсо Ла Мармора придерживался с первого дня прибытия в Крым¹³, сразу же назначив своих морского и военного комендантов, хотя уже имелись английские.

Высадка СЭК производилась в мае 1855 года в Балаклавской бухте. Подразделения сардинских войск, прибывшим на английских и пьемонтских судах и транспортах, была устроена торжественная встреча, что несколько сглаживало царивший кругом хаос. Свидетель этой встречи пьемонтский офицер отмечает: «Извилистый Балаклавский порт имел вид настоящей клоаки. Водная акватория

была перенасыщена кораблями и судами и настолько загрязнена всякими отходами, что вокруг оказался невыносимый смрад... Английские матросы сгружали с кораблей на берег все наспех и навалом, не обращая внимания на указания и просьбы наших представителей. Офицеры плакали от убийственно жалкого вида доставленных коней, от набросанных как попало на землю гор военного имущества и снаряжения, тут же приходящих в негодность из-за чужой беспечности и непогоды»¹⁴.

Балаклава была местом базирования англичан, и командующий сардинским корпусом, выполняя оперативные союзные решения, в то же время пытался по возможности игнорировать отдельные указания лорда Раглана, подчеркивая тем самым свою независимость. Впрочем, это некоторым образом фрондирование сглаживало то обстоятельство, что Ла Мармора благодаря своему обходительному поведению быстро нашел нужную форму общения и «вскоре стал вести себя на равных на совещаниях объединенного командования» и с французским генералом Пелиссье, и с английским лордом Рагланом, и с турецким Омер-пашой. Итальянский историк К. Манфреди, автор обобщенного исследования «Сардинский экспедиционный корпус в Крыму в 1855—56 гг.», отмечал: «Уважение и симпатии, которые Ла Мармора сумел вскоре завоевать среди командования союзных армий, облегчали ему задачу, в выполнение которой он поначалу верил с трудом... Даже где и нужно было подчиняться, он этого старался просто не замечать»¹⁵.

Год с небольшим находился Ла Мармора в Крыму, но военно-организационный и жизненный опыт он со своим штабом получил огромный. Правда, сардинцам почти не довелось участвовать в боевых действиях, и все же испытания на их долю выпали немалые. Вот главные из них: трудности высадки в Балаклаве и лагерного размещения и противостояния русским войскам в Чернореченской долине; свирепствовавшая холера, плохое интендантское и медицинское обеспечение; проблемы взаимоотношений с союзниками и выживания в непривычных зимних условиях. К тому же Ла Мармора потерял здесь своего старшего брата Алессандро — командира 2-й дивизии, который умер от холеры. Тем не менее, по воспоминаниям пьемонтского офицера — очевидца этих печальных событий, у Альфонсо не было заметно ни малей-

ших признаков упадка духа. «Он постоянно среди личного состава: в Балаклаве или в Камара, в лагерьном расположении пьемонтских войск, на передовых постах, в госпиталях. Его поведение является примером и моральной поддержкой для всех. Присутствие Ла Мармори воодушевляет солдат»¹⁶.

ВХОДЕ командования корпусом ярко проявились способности пьемонтского командующего к созданию хорошо продуманной позиционной обороны с солидным фортификационным обустройством, умелым расположением войск и эффективным использованием артиллерии. Четкая организация, распорядительность и контроль в управлении войсками, умение устанавливать служебно-деловые отношения с союзниками и в то же время достойно отстаивать национальные интересы — все это способствовало тому, что Ла Мармора в короткие сроки завоевал заслуженное уважение и авторитет среди союзного командования.

Но был ряд случаев, когда, несмотря на установившиеся в целом дружеские отношения, Ла Марморе приходилось настойчиво отстаивать интересы и права сардинского корпуса. Так было, когда французы после размещения сардинцев на новых позициях под Севастополем в районе горы Гасфорт пытались вести дозорное наблюдение в зоне ответственности пьемонтцев. Ла Мармора, возмущенный этим, обратился к их главнокомандующему Пелиссье, указав на то, что «никто не имеет права приближаться к линии наших передовых постов без пароля и никто не может проследовать через них, не имея на то специального разрешения»¹⁷. Французам пришлось извиниться.

Твердую позицию занял Ла Мармора и по отношению к англичанам, когда 2 июня 1855 года два сардинских судна при входе в Балаклавский порт были остановлены не только предупредительным холостым выстрелом из пушки, как принято в судоходной практике, но и ружейным огнем. «Я не знаю, какие меры будут приняты Вами к своим подчиненным, — писал пьемонтский командующий в своем предствлении по этому инциденту английской стороне, — но такое недопустимое отношение к представителям союзной дружеской нации, которая ради общего дела посылает сюда свой воинский контингент и ресурсы, может иметь негативные последствия и неминуемо приведет к

размолвкам там, где общее согласие так необходимо...»¹⁸.

Немалых трудов стоило Ла Марморе сгладить неожиданно возникшие разногласия с турками, которым приглянулись хорошо оборудованные сардинские позиции в районе г. Гасфорт. При этом сардинцам предлагалось занять вторую линию обороны на подступах к Балаклаве. Естественно, Ла Мармора не согласился, обосновав свое решение тем, что данные позиции ему были определены по всеобщему согласию и он не намерен их освободить без веских на то оснований¹⁹.

В Чернореченском сражении 4(16) августа 1855 года, пожалуй, единственном, в котором участвовали сардинские пехотинцы и берсальеры, подразделения Ла Марморе приняли на себя первый натиск левой колонны русских войск на северных отрогах Телеграфной горы, тем самым дав время французам занять свои позиции. Сначала русские выбили сардинцев с их передового поста — редута «Зиг-Заг» и заняли гору в готовности продолжать наступление на позиции 1-й и 2-й пьемонтских дивизий, расположенных на горе. Казалось, выявлено слабое место в обороне союзников и необходимо срочно развивать успех. Но генерал от артиллерии М.Д. Горчаков, с 24 февраля 1855 года главнокомандующий русскими войсками в Крыму, неожиданно перенацелил войска на атаку сильных укрепленных французам на соседних Федюхиных высотах. Воспользовавшись этим, Ла Мармора удачными действиями своей артиллерии и пехоты сумел не только восстановить положение, но и своевременно прийти на помощь французам на их правом фланге у подножия Федюхиных высот в районе Каменного (Трактирного) моста.

Вот что писал по этому поводу сам Ла Мармора: «К счастью, я не очень надеялся на то, что русские направят свой главный удар на наши позиции, однако старался сделать все, чтобы встретить их должным образом. Да, французы были выше всяких похвал с их бесстрашием и отвагой, когда они по 2—3 раза отражали натиск русских колонн, атаковавших их позиции. Но... без нашего далеко выдвинутого к русским поста, который смог продержаться примерно час, они бы не успели... прибыть и занять свои передовые позиции...»

Что касается русских, то их диспозиция с восходящим солнцем была многообещающей и впечатляющей. Их мощные атакующие ко-

лонны продвигались неустрашимым маршем. Но они были громоздки и глубоки, да и слишком удален был резерв, чтобы их вовремя поддержать. К тому же замысел боя их главнокомандующего... был далек от совершенства военного искусства...»²⁰.

В КОНЦЕ 1855 года военные действия под Севастополем фактически прекратились, в Вене возобновились переговоры, на которых русское правительство вынуждено было пойти на уступки. Ла Мармора покинул на время переговоров Крым, куда возвратился лишь 16 марта 1856 года, чтобы организовать передислокацию сардинского корпуса в Пьемонт и привести в порядок сардинские кладбища под Севастополем. По его приказу временный памятник погибшим сардинцам был воздвигнут в Балаклаве весной 1856 года на склоне г. Спилля, неподалеку от находившегося там одного из их кладбищ²¹. Интересно, что при осмотре Балаклавы, ее древних генуэзских укреплений Ла Мармора распорядился об отправке в Геную нескольких мраморных плит с латинскими текстами, оставшихся от периода генуэзского господства.

19 апреля 1856 года после подписания в Париже мирного договора Ла Мармора организовал у себя в лагере прием для командира и штаба 17-й русской пехотной дивизии генерала Веселитского, противостоявшей пьемонтцам на Черной речке.

«Сардинский главнокомандующий генерал Ла Мармора удостоил нас особого внимания, — отмечал участник этого приема офицер П. Алабин. — Он предложил осмотреть его корпус и после осмотра пригласил нас на обед... Размещение их лагеря (2-й дивизии генерала Тротти) несравненно лучше французского и английского: всюду удивительная чистота... У солдат устроены землянки на манер наших. Эти жилища чисты, уютны и красивы снаружи и внутри. Про офицерские балаганы и говорить нечего — совершенные игрушки...»

Но особое наше внимание привлекло... отличное военное образование берсальерии — егерей сардинской армии... исполняющих как по нотам все употребительные в бою стрелковые маневры... В приемной генерала (в Кади-Кое) множество журналов и газет на различных языках. Он принял нас очень приветливо, просил быть у него без церемоний... Вообще сардинцы любезнее с нами французов и англичан: они как будто осознают неправоту своего вме-

шательства в эту войну, не имеющую у них, как видно, популярности... Пьемонтцы говорят, что если они и приняли участие в этой войне, то единственно с надеждами, что Австрия потянет на нашу сторону* и пойдет против союзников, тогда они будут иметь возможность вновь помериться с нею силами и, может быть, одолеть ее и, расширив границы своего маленького государства, утвердить за собою в семье европейских держав место, которое Сардинии по своему нравственному развитию вполне достойно»²². Через день пьемонтскому командованию с Ла Марморой во главе был устроен на Мекензиевых горах не менее радужный ответный русский прием. Накануне отъезда из Крыма генерал Ла Мармора нанес русскому командованию прощальный визит и 19 мая 1856 года на пьемонтском фрегате «Говерноло» навсегда покинул Севастополь.

Возвращение корпуса из Крыма в Пьемонт было обставлено триумфально. Король, премьер-министр К. Кавур и парламент выразили «глубокое удовлетворение и высокую оценку армейским соединениям, их командующему Ла Марморе и флоту, достойно проявившим себя в Крыму во славу родины и нации»²³.

На родине Альфонсо Ла Мармора вновь назначается военным и морским министром, удостоивается высших наград королевства, а также Франции, Англии, Турции. За руководство корпусом в Крыму ему присваивается звание генерала армии, а парламентским декретом дарится солидный участок земли около Турина, который он отдает под дом инвалидов и от которого возьмет вскоре начало улица Черная с памятником в его честь. Практически генерал возводится в ранг национального героя; в его адрес из других итальянских государств поступают приветствия и подарки. 1856 год — пик его популярности и славы.

ПОСЛЕ Крымской войны Сардинское королевство стало неоспоримым лидером в ширившейся новой волне национально-освободительного движения на Апеннинском полуострове. Сформировавшаяся в те годы и утвердившаяся среди итальянцев точка зрения о том, что «участие Пьемонта в Крымской войне (и в Чернореченском сражении) является одним из краеугольных камней возрождения единой, свободной и независимой Италии», остается неизменной и в наше время²⁴.

* Имеется в виду, что Австрия в войне будет союзницей России.

Во второй войне за независимость (1859 г.) против Австрии генерал Альфонсо Ла Мармора находится при королевской штаб-квартире, принимает участие в битвах пьемонтцев совместно с французами при Сольферино и Сан-Мартино (24 июля), в которых союзная армия наносит австрийцам серьезное поражение.

После Виллафранкского перемирия Ла Мармора в течение полугода возглавляет правительствo, сменив графа К. Кавура, затем с присоединением в 1860 году к Пьемонту других итальянских земель по поручению Виктора Эммануила II направляется в Берлин и Санкт-Петербург с важной дипломатической миссией: склонить недовольные Пруссию и Россию к признанию только что созданного Итальянского королевства. Дипломатические усилия генерала дали свои плоды. Вскоре Россия признала новое объединенное Итальянское государство во главе с королем Виктором Эммануилом II. Таким образом, у истоков установления дипломатических отношений Италии с Россией стоял бывший командующий Сардинским экспедиционным корпусом в Крыму генерал, политик и дипломат Альфонсо Ла Мармора.

С 1861 по 1864 год Ла Мармора, будучи заместителем в Неаполе и командующим армейским корпусом, занимался реорганизацией управления на юге Италии и жестокой борьбой с каморрой²⁵. В сентябре 1864 года Ла Мармора вновь возглавил итальянское правительство, добился признания Испанией объединенного королевства Италии, в 1865 году ушел в отставку, на следующий год вновь сформировал кабинет и в 1866 году заключил секретный военный союз с Пруссией против Австрии.

В июне 1866 года Ла Мармора оставил премьерский пост Рикацолли, а сам возглавил итальянскую армию в войне против Австрии (3-я война за независимость). Хотя на театр военных действий Ла Мармора отправлялся в должности начальника генерального штаба, в действительности он являлся главнокомандующим, и ему принадлежал весь неудачный план кампании: армия была разделена на две части; уверенность, что австрийские войска будут пребывать в бездействии, ожидая итальянцев за рекой Эч, ни на чем не была основана; отрицательно сказывалось и занятие Вилла-Франки без взятия господствующих высот у Сомма-Компанья. Кульминацией неудач стало тяже-

лое поражение 24 июня в битве при Кустоце, и 12 августа генерал Ла Мармора, обвиненный в неспособности руководить сложными армейскими операциями, был отстранен от командования. Некоторое время он еще командовал армейским корпусом во Флоренции, куда из Турина была переведена столица Итальянского королевства, но имя его делалось все более непопулярным, его даже стали обвинять в подчинении Италии политике Наполеона III.

В 1871 году, после провозглашения Рима столицей Италии, Ла Мармора подал в отставку со всех постов и ушел на покой.

Скончался Альфонсо Ла Мармора в возрасте 73 лет во Флоренции 5 января 1878 года. Похоронен в родном городе Биелла в церкви Св. Себастьяна, где также покоятся его жена, старшие братья Алессандро и Альберто.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пьемонт — область на северо-западе Италии, центр — Турин. В XVII в. вошел в Савойское герцогство, в 1720 г. стал основной частью Сардинского королевства, которое нередко называли Пьемонтом. Являлся главным центром Рисорджименто — национально-освободительного движения итальянского народа против иноземного господства, за объединение раздробленной Италии.

² В пьемонтской и итальянской литературе, а также в Военной энциклопедии И.Д. Сытина встречается написание Ламармора. Эта пьемонтская семья, чей род прослеживается еще со Средних веков, приобрела известность за значительный вклад в Итальянское возрождение (четверо братьев — Карло, Альберто, Алессандро и Альфонсо были генералами пьемонтской армии и активно способствовали делу освобождения и объединения Италии). Их отец Челестино Ферреро из города Биелла носил наследный титул маркиза Ла Мармора и принца Массерано (при пьемонтском королевском дворе был первым оруженосцем, капитаном (с 1787 г.) пехотного полка «Ивреа»). Титул маркиза от отца перешел к старшему сыну Карло (1788—1854), генералу, адъютанту короля Карла Альберто.

³ Даты приведены по новому стилю, т.е. по Григорианскому календарю, принятому в Западной Европе 4 октября 1582 года.

⁴ Кроме него, на территории Италии были образованы: Королевство обеих Сицилий, Папское государство, герцогства Модену, Парму, Лукку, Тоскану; Ломбардия и Венеция были включены в Австрийскую империю.

⁵ Династия правителей Савойи, королей Сардинского королевства в 1720—1861 гг., королей объединенного королевства Италии в 1861—1946 гг. Король Виктор Эммануила II (1820—1878) в 1849—1861 гг. был королем Сардинского королевства, он же в 1861 г. стал первым королем объединенной Италии.

⁶ По другим данным — серебряной медалью «За воинскую доблесть».

⁷ Карл Альберт (1798—1849) — король Сардинского королевства с 1831 г. После поражения в австро-итальянской войне 1848—1849 гг. отрекся от престола в пользу старшего сына Виктора Эммануила II и бежал из страны.

⁸ Генуэзцы до сих пор не могут забыть этих событий. Итальянская газета «XIX век» от 10 апреля 1999 г. писала: «10 апреля 1849 года Виктор Эммануил приказал организовать бойню, чтобы подавить сопротивление против Савойской монархии. 150 лет назад военная операция по подавлению была проведена генералом Ла Мармора, который вернулся в Турин героем. Число погибших было скрыто и было сделано все, чтобы забыть их имена. Ни одна из газет тогда не рассказала о трагедии, а также о насилиях и издевательствах берсальеров, которых 100 лет в городе не принимали».

⁹ Гарибальди Джузеппе (1807—1882) — участник итальянской революции 1848—1849 гг., организатор обороны Римской республики 1849 г. В 1860 г. возглавил поход «Тысячи», освободившей юг Италии, что обеспечило победу Итальянской революции 1859—1860 гг.

¹⁰ Кавур Камилло Бенсо (1810—1861) — лидер умеренно-либерального крыла итальянского национально-освободительного движения, премьер-министр Сардинского королевства в 1852—1861 гг. (кроме 1859 г.). Глава итальянского правительства после объединения страны в 1861 г.

¹¹ *Manfredi Cr. La spedizione sarda in crimea nel 1855—56. Narrazione su documenti nell' Archivio del Corpo di Stato Maggiore. Roma, 1896. P. 264.*

¹² СЭК насчитывал 18 061 человека, не считая корабельных и грузовых экипажей. Потери, по уточненным пьемонтским и итальянским данным, составили до 2200 военнопленных; из них умершие в госпиталях — 1736 человек, в том числе от холеры, тифа и цинги — 1426 человек. Боевые потери: убито всего 19 пьемонтцев, из них 2 офицера; ранено — 207, в том числе 13 офицеров.

¹³ Тактику поведения в отношениях с союзническим командованием, прежде всего английским, определил премьер-министр К. Кавур на переговорах в Генуе. На вопрос командующего о том, какие будут даны инструкции по взаимодействию с союзниками, граф Кавур ответил: «Изворачивайся, проявляй смекалку!» (*Manfredi Cr. Op. cit. P. 34.*)

¹⁴ *Ibid. P. 61.*

¹⁵ *Ibid. P. 74.*

¹⁶ *Ibid. P. 109.*

¹⁷ *Ibid. P. 85—86.*

¹⁸ *Ibid. P. 136.*

¹⁹ *Ibid. P. 138.*

²⁰ *Ibid. P. 135—136.*

²¹ *Ricordo Della Spedizione Sarda in Oriente 1855—56. La Societa dei Reduci dalla Crimea. Torino, 1884. P. 20.*

²² *Алабин П. Четыре войны. Походные записки. СПб., 1891. Ч. III. С. 435—438.*

²³ *Ricordo Della Spedizione Sarda in Oriente 1855—56. P. 22.*

²⁴ *Catalogo dell' espozione. Sebastopoli. La Guerra di Crimea. Torino, 1997.*

²⁵ Тайная бандитская организация, аналогичная мафии, существовала до конца XIX — начала XX в.

**Капитан 2 ранга в отставке
В.Д. МАТВЕЕВ**

• ЗАБЫТОЕ ИМЯ •

СУВОРОВ НАЗЫВАЛ ЕГО «ХРАБРЫМ КАПИТАНОМ»

К 300-летию морской пехоты России

В ноябре флотская общественность страны отмечает 300 лет со дня создания в России морской пехоты. 16(27) ноября 1705 года по указу Петра I началось формирование первого полка морских солдат для абордажей, десантной и строевой службы на кораблях. Новые формирования отлично зарекомендовали себя уже в ходе Гангутского морского сражения (1714), взяв на абордаж 10 шведских кораблей. Морские солдаты успешно дрались в Гренгамском морском бою (1720), находясь в составе десантной эскадры князя М.М. Голицына — сподвижника Петра I, позднее генерал-фельдмаршала (1725). Смело действовали морские десанты Балтийского флота при взятии прусской крепости Кольберг (1761), в ходе разгрома турецкого флота в Чесменской бухте (1770). В августе 1785 года были учреждены три морских батальона на Черноморском флоте, в 1790 году сформированы Николаевский и Днепровский приморские гренадерские полки для Черноморской гребной флотилии, отличившиеся в декабре того же года при штурме Измаила; из них в 1794 году был создан Черноморский гренадерский корпус в составе четырех батальонов. Позднее они участвовали во всех войнах с Наполеоном, в том числе во взятии французской крепости Корфу в Ионическом море (1799) и в Итальянском походе А.В. Суворова, когда десант капитан-лейтенанта Г.Г. Белли за три недели пересек Апеннинский полуостров и взял штурмом Неаполь, освободив от французов всю Южную Италию.

В 1803 году из флотских батальонов были сформированы четыре морских полка, в 1805 году появился морской батальон на Каспийской флотилии, в феврале 1810 года сформирован Гвардейский морской экипаж, участвовавший в Бородинском сражении и Заграничных походах Русской армии 1813—1814 гг.

Морская пехота участвовала в обороне Севастополя (1854—1855) в ходе Крымской войны, в обороне Порт-Артура (1904) в период Русско-японской войны.

В годы Первой мировой войны русская морская пехота успешно действовала в десантных операциях против германских войск.

Неуязвимой славой покрыли себя советские морские пехотинцы в ходе Великой Отечественной войны, заложив тем самым основы современного применения этих войск.

Генерал-лейтенант
А.Ю. Гамен

В 1996 году в Москве была создана Региональная (Московская) общественная организация морской пехоты «Сатурн», а в мае 2001 года образована Межрегиональная общественная организация морских пехотинцев «Тайфун», объединяющая многие общественные организации различных городов и регионов России от Балтики до Тихого океана. Основу организаций составляют ветераны морской пехоты, участники Великой Отечественной войны и послевоенного периода, воины-интернационалисты, выполнившие воинский долг в горячих точках мира: Анголе, Вьетнаме, Кубе, Сирии, Эфиопии и многих других странах, участники боевых действий в Северо-Кавказском регионе.

В создании морской пехоты в России участвовали адмиралы Г.С. Спиридов и Ф.Ф. Ушаков, вице-адмирал И.М. Де-Рибас, герой Отечественной войны 1812 года Д.П. Неверовский, командир 1-го морского полка в 1807—1810 гг. А.Э. Пейкер, ряд других военачальников, в том числе и генерал-лейтенант А.Ю. Гамен, имя которого сегодня незаслуженно забыто, хотя его вклад в становление русской морской пехоты весьма значителен.

ИМЯ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА Алексея Юрьевича Гамена, героя Отечественной войны 1812 года, занимает особое место в истории морской пехоты России. За свою сорокалетнюю службу ему доводилось командовать гребным судном, частями морской пехоты, ополчением, участвовать во многих боях и сражениях.

Алексей Юрьевич Гамен¹, сын лейб-медика при дворе императрицы Екатерины II, родился 18 мая 1773 года² в городе Гжатске Смоленской губернии. Окончив с отличием в 1789 году Сухопутный кадетский корпус³ (с 1800 г. он стал называться 1-м кадетским корпусом), юноша получил чин поручика и был направлен в морскую пехоту Балтийского гребного флота. Следует отметить, что в то время в офицеры производились только те кадеты, кто достиг 16-летнего возраста и успешно окончил курс. Воспитанники, имевшие при похвальном поведении недостаточ-

ные способности, выпускались в армейские полки подпрапорщиками или юнкерами, а кто и поведением не отличался — шли служить нижними чинами⁴.

Молодому Гамену повезло не только с офицерским чином, но и с первым боевым опытом.

Окончив корпус в июле, он уже 13 августа получил боевое крещение в Роченсальмском сражении⁵, находясь на галере «Пустельга», действовавшей в составе эскадры Балтийского гребного флота вице-адмирала принца К.-Г. Нассау-Зигена. Успех боя во многом предопределили героические действия русских морских пехотинцев, которые за три часа, находясь по грудь в воде, под огнем плавучих батарей противника, топорами и ломami расчистили перегороженный затопленными шведскими судами проход, что позволило главным силам Нассау-Зигена прорваться к окруженному шведами отряду генерал-майора И.П. Балле. За этот бой Гамен, как и другие его участники, был награжден медалью на Георгиевской ленте с надписью «За храбрость на водах финских августа 13 1789 года»⁶.

22 августа поручик Гамен в составе отряда генерал-майора Балле принял участие в бою на реке Кюмень, в результате которого были захвачены все находившиеся здесь суда шведской флотилии, включая 18-пушечную канонерскую лодку, яхту, 10 небольших судов и три транспорта с боеприпасами и продовольствием. В этом же бою высаженный на берег десант захватил 29 береговых и полевых орудий противника. За выдающуюся храбрость поручик Гамен 13 ноября был «высочайше пожалован» в капитаны⁷. В июле 1790 года, уже находясь в составе морской пехоты корабельного флота на фрегате «Отважный», он принял участие в Выборгском сражении⁸.

После заключения мира между Россией и Швецией Гамен в 1791 году был переведен во 2-й Адмиралтейский батальон, находившийся в Финляндии⁹. В этот период он стал лично известен А.В. Суворову, в то время командующему русскими войсками в Финляндии, который называл его «храбрым капитаном».

В феврале 1793 года капитан Гамен по личной просьбе был переведен в морскую пехоту корабельного Черноморского флота в батальон майора Бриммера¹⁰. В мае 1796 года он получил чин секунд-майора, а в ноябре того же года — майора¹¹.

К 1796 году, когда на престол вступил Павел I, международная обстановка резко обострилась вследствие активной захватнической внешней политики Франции, стремившейся утвердить свое господство над Центральной Европой и Ближним Востоком.

В АВГУСТЕ 1798 года в Средиземное море была послана русская эскадра во главе с вице-адмиралом Ф.Ф. Ушаковым. В ее состав вошли три батальона морской пехоты Черноморского флота, в том числе батальон Бриммера, где служил майор Гамен. Кульминацией Средиземноморского похода Ф.Ф. Ушакова 1798—1800 гг. стало взятие совместно с турками (с ними тогда Россия находилась в союзе) крепости Корфу, расположенной на одноименном греческом острове, захваченном в 1797 году Францией. Штурм начался 18 февраля 1799 года в 7 часов. Через три часа, после подавления корабельной артиллерией двух французских батарей на о. Видо, где была расположена ключевая позиция обороняющегося противника, на остров был высажен 2-тысячный десант. К полудню о. Видо был очищен от французов, а 20 февраля капитулировал и весь гарнизон крепости (около 3000 человек). В качестве трофеев взяты 16 кораблей и судов, около 630 орудий, различное военное имущество¹². Был свой «трофей» и у майора Гамена: плененный генерал Лирон с несколькими офицерами и около 300 французских солдат. Правда, оказалось, что взять пленных — это было поделом: их требовалось еще и защищать от союзников — турок,

которые бросились отрезать пленникам головы. Несчастных французов пришлось укрывать в середине русского отряда, что и спасло их от истребления.

В списке лиц, отличившихся при взятии Корфу, первыми были указаны «десантные командиры»: подполковник Скипор, майоры Буасель¹³ и А.Ю. Гамен. В этом документе адмирал Ф.Ф. Ушаков (получивший этот чин за взятие Корфу) писал: «...искусству и храбрости их отдавая справедливость, к награждению рекомендую достойными»¹⁴.

Взятие Корфу, мощнейшей по тем временам крепости Европы, лишь силами флота и морской пехоты явилось невиданным событием, которое вписало еще одну яркую страницу в историю флота и морской пехоты России.

Освобождением Ионических островов закончился первый этап боевой деятельности эскадры Ушакова на Средиземном море. Впереди были боевые действия против французов на юге и на севере Апеннинского полуострова. На юге задача состояла в освобождении от французов королевства обеих Сицилий и Рима, на севере — в оказании помощи войскам А.В. Суворова, находившимся в Ломбардии и Пьемонте. Во всех боевых действиях принимала участие и морская пехота.

30 мая 1799 года русский отряд кораблей, подойдя к расположенному под Анконой городу Пезаро, высадил десант в количестве 200 человек при трех орудиях под командованием майора А.Ю. Гамена, который затем участвовал во взятии крепостей Фано и Сенигаллии. За успешные действия при взятии крепости Фано майор Гамен был награжден орденом Св. Анны 2-й степени¹⁵.

4 августа 1799 года блестящей победой у Нови было завершено освобождение Суворовым от французов Северной Италии. В этот период боевая деятельность русской морской пехоты, как и всего флота, в южной и средней Италии во многом определялась планом действий русских войск на севере страны. 4 декабря 1799 года для оказания помощи австрийцам в штурме Генуи был высажен десант морской пехоты под командованием майора Гамена в составе гренадерской и фузilierной рот в количестве 226 человек, включая 6 офицеров¹⁶. В поддержку морским пехотинцам были приданы австрийские войска. Обстановка была сложной. А.Ю. Гамен принял решение обходным маневром зайти противнику в тыл и нанести удар неожиданно. С этой целью он разделил свой небольшой отряд на две части. Рота русской морской пехоты и две австрийские роты составили один отряд, а рота под командой капитана Дмитриева и рота австрийцев — другой. Оба отряда, совершив трудный переход, соединились в тылу французов и под сильным ружейным огнем засевавшего в садах и постройках противника ворвались в город. Однако в этот момент австрийцы без объяснения причин оставили русский десант и отошли. Противник, опомнившись от неожиданного удара, тремя колоннами атаковал оставшихся в одиночестве десантников с флангов и тыла, намереваясь окружить и уничтожить их. Однако морские пехотинцы штыковым ударом прорвали кольцо и пробились в расположение союзных войск. Но этим дело не кончилось. Через некоторое время отряд морской пехоты снова был окружен превосходящими силами противника. Русским, как и прежде, штыками пришлось прокладывать себе дорогу к берегу, где их ожидали присланные вице-адмиралом П.В. Пустошкиным гребные суда¹⁷. Позже в рапорте Ушакову Пустошкин докладывал, что десант Гамена «оказал отличное мужество и храбрость»¹⁸.

ПОСЛЕ возвращения русского флота в Россию Гамен в конце 1800 года получил чин подполковника с одновременным назначением командиром 6-го батальона морской пехоты Балтий-

ского флота, а затем был назначен командиром 3-го морского полка, сформированного на базе 4, 5 и 6-го батальонов морской пехоты, размещавшихся в Ревеле. Он снова вернулся туда, где начиналась его полная тревога и лишения суровая военная служба. Боевой опыт и выдающиеся личные качества Гамена получили должную оценку. В 1808 году, уже будучи полковником, Гамен принял начальство над войсками, расположенными на острове Малый Рогге (Рюгге), который с началом Русско-шведской войны 1808—1809 гг. не раз подвергался атакам со стороны англо-шведской эскадры¹⁹. Умело организовав противодесантную оборону острова, Гамен не позволил кораблям противника подойти к берегу.

10 февраля 1809 года за «приведение в совершенный порядок и устройство» вверенного ему полка Гамен был пожалован алмазными знаками к ордену Св. Анны 2-й степени. В 1811 году ему как деятельному и знающему командиру поручается обучение трех флотских экипажей. Полковник Гамен отличается и на этом поприще, за что в мае 1811 года удостоивается ордена Св. Владимира 4-й степени²⁰. 11 ноября того же года он производится в чин генерал-майора.

С началом Отечественной войны 1812 года генерал-майор Гамен, действуя в 1-м пехотном корпусе светлейшего князя П.Х. Витгенштейна, прикрывавшего столицу Российской Империи, командовал 14-й пехотной дивизией²¹.

18 августа 1812 года дивизия в течение 10 часов сдерживала ярые атаки превосходивших сил французов и отошла только вечером после упорного боя. На следующий день, когда французы снова перешли в наступление, нанося главный удар в центр 14-й дивизии, ее мужественный командир, несмотря на две контузии, не оставил поля боя и продолжал умело руководить войсками. При этом дивизия Гамена не только удержала занимаемые позиции, но и неоднократно контратаками отбрасывала противника. Только под вечер, получив еще две контузии в голову и левый бок, генерал в бесчувственном состоянии был вынесен с поля боя. За проявленную отвагу и умелое управление войсками Гамен был пожалован орденом Св. Анны 1-й степени.

При штурме Полоцка 19—21 октября 1812 года вернувшийся в строй, но еще не оправившийся от контузии генерал-майор Гамен был тяжело ранен пулей в живот и отправлен для лечения в Санкт-Петербург. За личное мужество и умелое командование дивизией он был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

Пока А.Ю. Гамен выздоравливал, французы уже вышли из пределов России, русская армия ушла на запад.

В октябре 1813 года Гамен назначается начальником войск Петербургского гарнизона, из которых сформирует гвардейскую и армейскую дивизии. В октябре следующего года генерал, оставшийся до 1814 года шефом 3-го морского полка, снова возвращается в морскую пехоту, получив назначение командиром 3-й бригады 25-й пехотной дивизии, являвшейся, по существу, дивизией морской пехоты. В 1815 года Гамен получает назначение на новое место службы — в Вольты, где вступает в командование 2-й резервной дивизией²². Но лишения и невзгоды военного лихолетья дают себя знать: здоровье начинает ухудшаться. Врачи рекомендуют лечение за границей.

Возвратившись из-за границы, А.Ю. Гамен в 1819 году назначается вторым (по должности) комендантом крепости Кронштадт. 1 января 1826 года, произведенный в генерал-лейтенанты, он становится первым комендантом Кронштадта. Несмотря

на контузии и почти полную потерю зрения, генерал не оставил службу, продолжая выполнять нелегкие обязанности коменданта крепости.

Алексей Юрьевич Гамен скончался 14 июня 1829 года, прослужив 40 лет и 10 дней, и был похоронен в деревне Мартышкино близ Ораниенбаума.

Портрет генерал-лейтенанта А.Ю. Гамена наряду с портретами других русских военачальников находится в Военной галерее Зимнего дворца. Он был написан Дж. Доу в 1822 году. Но есть еще одна галерея, где имеется портрет Гамена. Она создана по инициативе Региональной общественной организации морских пехотинцев Санкт-Петербурга. Портрет Гамена написан для нее В.В. Путиным. Это дар художника к 300-летию морской пехоты России в память о ее замечательном морском пехотинце.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ). Ф. 1000. Оп. 3. Д. 662. Л. 36 об.

² Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

³ РО РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 662. Л. 36 об.

⁴ Общее положение для военно-учебных заведений. Положение и устав Александровского кадетского корпуса. СПб., 1829. С. 110—113.

⁵ РО РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 662. Л. 37.

⁶ *Веселаго Ф.Ф.* Материалы по истории русского флота. СПб., 1874. Ч. XIII. С. 577, 587—594.

⁷ РО РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 662. Л. 36 об.

⁸ Там же. Л. 37.

⁹ В Военной энциклопедии И.Д. Сытина издания 1912 г. неверно указывается, что Гамен в 1790 г. был назначен во 2-й адмиралтейский полк. В то время в русском флоте адмиралтейских частей подобной организационной структуры не существовало. Два адмиралтейских батальона, представлявшие одну из разновидностей морской пехоты, были сформированы в 1777 г. и предназначались в основном для охраны Адмиралтейства и других береговых объектов (См.: Российские государственные архивы Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 172. Оп. 1. Д. 286. Л. 34).

¹⁰ РО РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 662. Л. 36 об.

¹¹ Чин майора в русской регулярной армии в 1711—1884 гг. был первым чином штаб-офицеров (старших офицеров). Первоначально имел две степени: премьер-майор и секунд-майор. Последний являлся ближайшим помощником премьер-майора и в строю командовал батальоном. В 1798 г. Павел I установил один майорский чин. Офицеры в чине майора назначались помощниками командиров полков, иногда командовали батальонами, а с конца XVIII в. командовали главным образом батальонами и эскадронами.

¹² В дальнейшем о. Корфу был использован русской эскадрой в качестве базы во время коалиционных войн против Франции в 1805—1807 гг., при овладении Ионическими островами, освобождении от французских войск Южной Италии, во время блокады Анконы и Генуи, при овладении Неаполем и Римом. По Тильзитскому миру 1807 г. о. Корфу был передан Франции, которой и принадлежал до 1814 г.

¹³ К сожалению, установить инициалы ряда лиц не удалось.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 351. Оп. 1. Д. 6. Л. 440.

¹⁵ Там же. Ф. 227. Оп. 1. Д. 70. Л. 366.

¹⁶ Там же. Ф. 212. Оп. 1. Д. 697. Л. 96—98.

¹⁷ *Висковатов А.В.* Действия русского отряда при атаке Генуэзского укрепления. СПб., 1827. С. 21.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 119. Д. 6921. Л. 83, 84.

¹⁹ В Русско-шведской войне 1808—1809 гг. на стороне Швеции участвовала Англия, а Россию поддерживала Дания. Война закончилась Фридрихсгамским мирным договором, по которому к России отходили Финляндия и Аландские острова, а Швеция должна была присоединиться к Континентальной блокаде, организованной Наполеоном против Англии.

²⁰ РО РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 662. Л. 38.

²¹ Там же. Л. 41.

²² Там же. Л. 42.

Полковник Е.П. АБРАМОВ

ПОХОД КАНОНЕРСКОЙ ЛОДКИ «ГРОЗЯЩИЙ» НА ОТКРЫТИЕ НЕМЕЦКО-БАЛТИЙСКОГО КАНАЛА

ПРОИСШЕДШЕЕ более 110 лет тому назад событие в свое время широко освещалось российской и зарубежной печатью. Оно явилось своего рода отзвуком закулисного жесткого противоборства между соперничавшими за лидерство державами. А началась эта история ранней весной 1895 года с поступившего от германского правительства приглашения России участвовать в торжествах по случаю открытия Немецко-Балтийского (ныне Кильского) морского канала императора Вильгельма I. Тем самым Германия желала продемонстрировать всему миру военную и промышленную мощь, оказывая давление и на собственное общественное мнение, склоняя его к одобрению строительства океанского флота¹.

Россия откликнулась и на «дружественное» приглашение, и на сопернический вызов. Пребывание российских боевых кораблей в Киле позволяло продемонстрировать в противовес широко рекламировавшейся германской мощи свою силу и свои успехи в военном судостроении. Именно для этой цели и было решено отправить в немецкие воды отряд боевых кораблей, не исключая возможности его последующего движения на восток².

Подготовка к походу началась в марте 1895 года. Об этом можно судить по поступившему 18 марта* сообщению из Главного морского штаба российскому военно-морскому агенту в Германии контр-адмиралу Ф.В. Дубасову, извещавшему, что «для участия в торжестве открытия морского канала между Немецким и Балтийским морями назначен отряд из эскадренного броненосца «Император Александр II», крейсера 1 ранга «Рюрик» и канонерской лодки «Грозный»³.

Соперничая с немецкой стороной в самовозвеличивании, российская пресса восторженно рекламировала наши корабли. Так, один из публицистов, предпочитая славословие объективности, писал: «Все суда были новейшей конструкции – быстроходные, вооружены артиллерией новейших систем, внутренняя отделка роскошна, особенно на броненосце «Император Александр II». Стены кают отделаны лакированным деревом карельской березы, дуба, палисандра, ореха. На всех судах имеется электрическое освещение. На броненосце и крейсере имеются церкви, особый священник, хор певчих и хор музыки. В кают-компаниях имеются библиотеки и пианино»⁴.

В старых публикациях, которые используют и нынешние исследователи, а также в военных архивах хранится немало подробностей об участии в столь на-

шумевшем межгосударственном мероприятии экипажа канлодки «Грозный» и ее командире⁵. Что же представлял из себя и впрямь современный на ту пору этот корабль? Построенный в Санкт-Петербурге на Адмиралтейском судостроительном заводе и сошедший со стапелей 19 мая 1890 года, он, предназначенный для несения службы на Дальнем Востоке, явился первой броненосной канонерской лодкой в русском флоте. Тактико-технические данные его таковы: длина по грузовой линии – 68,3 м; ширина – 12,6 м; среднее углубление – 3,7 м; водоизмещение – 1750 т; паровой механизм тройного расширения в 2000 индикаторных сил; дальность плавания – 990 миль; вооружение – 2 нарезных дальнобойных орудия, 8 скорострельных пушек, 2 надводных торпедных аппарата⁶. Командовал «Грозным» с 1891 года капитан 2 ранга Г.Г. Шарон⁷.

Боевая учеба личного состава канлодки сопровождалась ежегодными выходами в Балтийское море и Финский залив в составе практической эскадры, где выполнялись курс одиночных, групповых и совместных стрельб по морским и береговым целям, комплекс упражнений по борьбе с повреждениями, отрабатывались навыки управления водоотливной системой, накладки пластырей на пробоины, проводились шлюпочные гонки.

Словом, особого беспокойства непосредственный переход морем ни у команды «Грозного», ни у его командира, как свидетельствуют документы, не вызывал. Получив в Гидрографическом управлении карты района предстоящего плавания, капитан 2 ранга Шарон поставил соответствующие задачи перед офицерами. Старший штурманский офицер лейтенант С. Говорливый сразу занялся прокладкой хода в часах и милях для расчета количества необходимого угля, передав исходные данные о времени плавания судовому механику, а для получения провизии – ревизору лейтенанту С. Лутонину. Артиллеристы под командой старшего артиллерийского офицера лейтенанта В. Дудкина проверили орудия для салютов, опробовали и пристреляли 37-мм пушки, выполнив необходимые по регламенту упражнения. Старший судовой механик А. Бушуев организовал переборку механизмов, подготовил угольные ямы для запасов угля, получил расходное шкиперское имущество, флаги расцветивания и национальные флаги Германии, Франции и других государств, а также краску для обновления корпуса корабля и приведения его в парадный вид по прибытию к месту сбора. Судовой врач надворный советник С. Проскураков проверил в очередной раз состояние здоровья команды и остался доволен видом моряков. На корабле назначили парадный расчет, караул, вахтенного офицера и вахтенного у трапа, со всеми провели тренировку, подогнали и привели в порядок форменную одежду. Ластовая команда подготовила шлюпки для переездов и гонок под парусами.

Среди офицеров «Грозного» находился лейтенант Н.Н. Апостоли⁸, флаг-офицер учебного артиллерийского отряда Балтийского флота, прибывший на канлодку с набором фотографической аппаратуры своей конструкции и коробками с химикатами. Выполненные им снимки боевых кораблей и военных моряков – участников торжеств сохранились в архиве РГА ВМФ до сих пор. Они являются уникальной страничкой фотолетописи того времени⁹.

О готовности лодки к заграничному походу и ее состоянии командир докладывал дважды: 2 мая 1895 года управляющему Морским министерством («Сего числа с вверенной мне лодкой начал кампанию благополучно») и 1 июня из Христиансзанда великому князю генерал-адмиралу Алексею Александро-

* Здесь и далее даты приведены по старому стилю.

вичу («Мореходные качества у лодки прежние, в составе команды числится 175 человек. Больных нет»)¹⁰.

Примечательны строки из письменного рапорта Г.Г. Шарона, содержащие любопытные сведения об особенностях похода. Привожу их в авторской орфографии.

«Согласно предписания командующего отдельным отрядом судов Балтийского моря... развел пары в 5 котлах к 12 часам дня 23 мая... В 2 ч 15 мин по полудни поднял якорь, прошел вдоль правого борта эскадренного броненосца «Император Александр II» и взял курс в Бьерк-Э-зунд, где мне было разрешено принять уголь... Пришел в Бьерк-Э-зунд, отдал якорь у угольной пристани и тотчас подтянулся к ней перлинями, чтобы, не теряя времени, приступить к погрузке. Взял кардиф 4400 пудов и в 8 часов утра 24-го вышел в море, огибая остров Рондо и знак Талли. Во время перехода погода была благоприятная, ветер дул от N и NO силой 2 балла, ни волны, ни ряби не было, и пользуясь хорошими обстоятельствами, шел под всеми котлами, и лодка легко выгребала 11 узлов, хотя часть пара расходовалась на опреснение воды для котлов. К ночи 24-го от образования накипи, как оказалось при осмотре в Христианзанде, лопнула трубка в 6-м котле, пришлось его вывести. Котёл решил исправить в Христианзанде.

Рассматривая принятые карты и книги для следования в Христианзанд и Гамбург, я увидел, что из Главного гидрографического управления мне отпустили карты только до параллели мыса Скаген. Рассчитав по времени, что могу быть в Копенгагене 27 утром, а в Готебурге к ночи, решил зайти в Копенгаген, что бы пополнить необходимые карты...

В 5 утра 27 мая обогнул маяк Фолстербо и направился в Зунд. В 7 ч утра принял лоцмана у Дрогера и направился на внешний Копенгагенский рейд. В 8^{1/2} утра (27 мая) стал на якорь на внешнем Копенгагенском рейде. Отсалютовал нации по уставу, на что получил ответ равным числом выстрелов. На внутреннем рейде застал португальский броненосец «Васко да Гама», идущий в Киль, и датскую королевскую яхту «Данеборг».

Съехал на берег, чтобы купить необходимые кар-

Капитан 2 ранга
Г.Г. Шарон
1895 г.

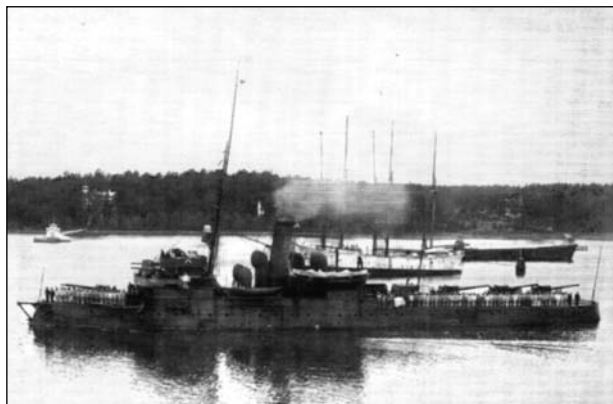
ты. Никому визитов не делал. При содействии вице-консула Кофута купил 7 карт немецкого моря и Скагерака, а также описание маяков. В 11 часов вернулся на лодку, но сняться тотчас не мог, так как приводили в порядок котлы, засорившиеся на переходе от соленой воды и грязи. Надеюсь по бюллетеню Метеорологической обсерватории, что следует ожидать свежих ветров во время перехода, я решил идти под 5 котлами, снялся в 1 час по полудни с якоря и, проходя мимо вновь построенного форта Миддель Грунд, придержался к нему по указанию лоцмана довольно близко, чтобы получить фотографические снимки с разных фасов.

В 4 ч утра 29-го встал на якорь на внутреннем рейде, в 8 ч утра с подъемом флага отсалютовал нации по уставу, на что получил равный ответ с крепости, обменялся установленными визитами, причем мне отвечал на визит начальник 3[-й] бригады генерал-майор Stillesen, которому салютовал 11 выстрелами. Приступил к подробному осмотру и чистке котлов. Полагаю, окончив чистку и приняв уголь, 2-го идти для следования в Гамбург.

Капитан 2 ранга Г. Шарон».

Ознакомившись с этим рапортом, генерал-адмирал наложил на него следующую резолюцию: «Прошу Гидрографическое управление доложить, почему могло выйти подобное недоразумение»¹¹.

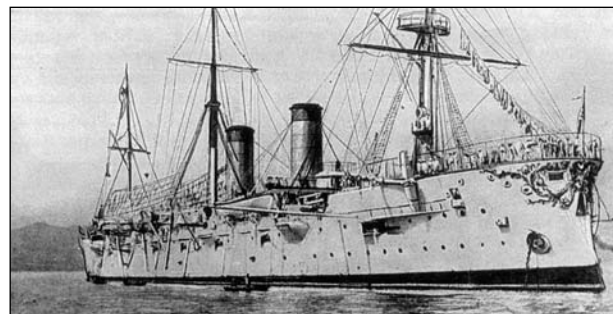
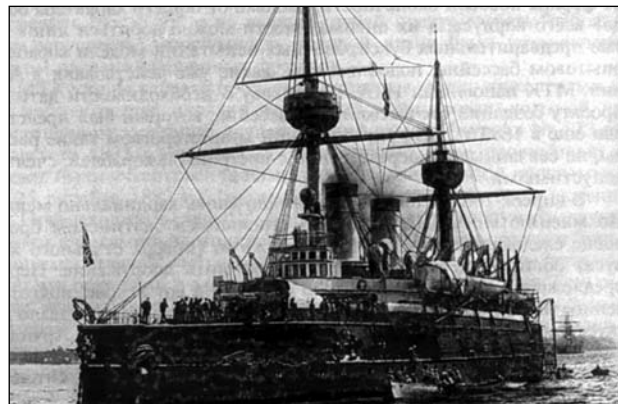
Контроль за ходом описываемого события со стороны столь высокого лица объяснялся той значимостью, какую придавали открытию нового канала Германия и Россия. Впрочем, не только они – принять участие в торжественной церемонии приглашались представители 15 европейских государств, в том числе монаршие особы, главы правительств, военные министры и послы, высшие чины военно-морских ведомств, члены аристократических родов. От России в Киль отправлялись великие князь Алексей Александрович и Кирилл Владимирович, возглавляя делегацию из государственных и военных деятелей, специалистов в области судостроения, крупных и мелких чиновников. Отряд судов возглавил один из наиболее одаренных молодых русских флотоводцев, герой минувшей турец-

Канонерская лодка «Грозный»

Кильский канал.
Команда канлодки «Грозный» в минуты отдыха

**Эскадренный броненосец «Император Александр II»
Крейсер 1 ранга «Рюрик»**

кой кампании контр-адмирал Н.И. Скрыдлов, заведовавший минной частью Балтийского флота. Свой флаг он поднял на эскадренном броненосце «Император Александр II» (командир — капитан 1 ранга К.П. Никонов).

Состав отряда, в который вошли 1350 человек¹², был скомплектован к 5 мая 1895 года, о чем контр-адмирал Н.И. Скрыдлов доложил строевым рапортом управляющему Морским министерством. При этом предпочтение при комплектовании отдавалось офицерам, знавшим иностранные языки. Подробно расписанный сценарий проведения торжеств, в которых главная роль отводилась Вильгельму II, императору Германии и королю Пруссии, немецкая сторона представила заранее.

Поскольку открытие канала намечалось на 19 июня, иностранные эскадры прибыли в германские воды, сообразуясь с указанными сроками. Боевые суда различных государств вошли в Кильскую гавань, где и расположились по диспозиции. Те же, что назначались для непосредственного участия в церемонии, собрались в Гамбурге, куда прибыла и канонерская лодка «Грознящий».

Точно в назначенное по церемониальному протоколу время германский император на своей яхте «Гогенцоллерн» проследовал во главе кортежа от назначенного места сбора к запорному устью канала, у Брунсбюттеля. Там и произошло само открытие канала. Затем яхта Вильгельма II, а за ней и весь кортеж проследовали по каналу до Рендсбурга, где около шести часов пополудни состоялись парад войск местного гарнизона, торжественный прием и

обед у императора¹³. Особое впечатление на гостей и участников парадной церемонии произвели гидротехнические сооружения шириной более 100 м, прорезавшие высокие берега, с поражающими воображение шлюзами, а также возвышавшиеся над каналом и рангоутами кораблей мосты¹⁴.

В справочной литературе о Немецко-Балтийском морском канале писали так: «Начинается в Кильской бухте у местечка Гольтенау и оканчивается у города Брунсбюттеля, близ устьев реки Эльбы. Длина канала 98,65 км, ширина его по дну 22 м, а проектная глубина воды 9 м, на горизонте воды его ширина 66 м»¹⁵. По тем временам это было уникальное гидротехническое сооружение, на строительство которого с учетом изменений, потребованных военно-морским ведомством, затратили 156 млн. марок.

Первым боевым кораблем Российского императорского флота, прошедшим каналом при его открытии, и была канлодка «Грознящий».

Торжества продолжились с утра следующего дня, когда в Кильскую бухту у Гольтенау прибыл германский император. Он произвел парадный смотр международной эскадры, состоявшей из боевых кораблей России, Великобритании, Франции, Австрии и иных государств. «Праздник омрачили, — как писал один из участников события, — сильная гроза, а также то, что «Грознящий» и ряд других кораблей из-за не везде доведенных до проектных отметок глубин канала сели на мель, расстроив движение»¹⁶.

Особый интерес Вильгельм II проявил к броненосному крейсеру «Рюрик», находившемуся посто-

**Вильгельм II обходит команду
и офицеров крейсера «Рюрик»**

**Кильская бухта.
Боевые корабли на высочайшем смотре**

янно в центре внимания участников и гостей праздника. Посетив его, он в сопровождении контр-адмирала Н.И. Скрыдлова и командира корабля капитана 1 ранга А.Х. Кригера ознакомился со всеми техническими новшествами. Военные парады, смотры, представления, встречи, официальные визиты и обеды продолжались в течение шести дней.

Вид российских кораблей, сноровка и выучка их экипажей восхищали и именитых участников торжества, и зарубежных военных моряков, о чем известна печать. Например, публиковался такой отзыв: «Вкоренилось твердое убеждение после посещения Киля, что наши механики при желании могут идти и без буксира англичан или кого-либо и работать самостоятельно»¹⁷. Газетные и журнальные оценки, в том числе и зарубежной прессы, подтвердили официальные указы. Так, два адмирала и восемь офицеров российского корабельного отряда, принимавшие участие в торжествах, были пожалованы императором Вильгельмом II орденами Прусской короны 1, 2 и 3-й и Красного орла 2-й и 3-й степеней, на принятие и ношение которых последовало высочайшее разрешение императора России¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мельников Р.М. Рюрик был первым. Л.: Судостроение, 1989. С. 53.

² Там же. С. 46, 47.

³ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 1354. Л. 34.

⁴ Русские броненосные суда на празднестве открытия Северного Канала в Киле // Нива. 1895. № 24. С. 578, 579.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 4657. Л. 27; Ф. 417. Оп. 1. Д. 1354. Л. 161–163.

⁶ Гуров С.А. Корабли Балтийского флота. Калининград: Янтарный сказ, 2002. С. 103.

⁷ Шарон Георгий Георгиевич (1849–1901) – контр-адмирал (1901). Военно-морскую службу начал в 1868 г. Первый офицерский чин получил в 1872 г. Участник трех кругосветных плаваний. Отмечен орденами Св. Владимира 3-й и 4-й степеней (с бантом), Св. Станислава и Св. Анны 2-й и 3-й степеней, множеством зарубежных наград (см.: РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 4657. Л. 27).

⁸ Апостолы Николай Николаевич (1861–1937) – фотолетописец отечественного флота, контр-адмирал (1915). Окончил Московский кадетский корпус (1884), минные и артиллерийские классы. Участник кругосветных плаваний. В начале XX в. выпустил около 200 отдельно изданных корабельных фотографий и серий почтовых открыток. В 1901 г. в чине капитана 1 ранга возглавил службу наблюдения и связи в штабе БФ, используя сконструированный им телеобъектив, организовал и провел фотосъемку Балтийского побережья. Его искусство было отмечено серебряной медалью на выставке Российского технического общества и первой премией на международном конкурсе английской фирмы «Ильфорд». В советское время Н.Н. Апостолы служил в различных учреждениях БФ, в 1926–1930 гг. преподавал фотодело в ВВМУ им. М.В. Фрунзе (см.: Морской сборник. 1994. № 12. С. 91–93).

⁹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1354. Кинофотодокументы.

¹⁰ Там же. Л. 161.

¹¹ Там же. Л. 162, 163.

¹² Там же. Л. 83, 84.

¹³ Там же. Л. 18–20.

¹⁴ Мельников Р.М. Указ. соч. С. 56, 57.

¹⁵ Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. В 86 т. Т. 38. М., 1992. С. 887, 888.

¹⁶ Мельников Р.М. Указ. соч. С. 57.

¹⁷ Кронштадтский вестник. 1895. № 70.

¹⁸ РГА ВМФ. Сборник приказов. 1895.

Подполковник в отставке Б.Г. ШАРОН

КНИЖНАЯ ПОЛКА
ВОЕННОГО ИСТОРИКА

ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ О МОРСКОЙ ПЕХОТЕ

Обложка книги

В СЕНТЯБРЕ 2005 года произошло событие, которого давно ждали морские пехотинцы, ветераны войны и военной службы морской пехоты. В Санкт-Петербурге вышла в свет первая и пока единственная в отечественной историографии монография о морской пехоте*.

Знаменательно, что книга издана в год 60-летия Победы в Великой Отечественной войне и накануне 300-летия создания морской пехоты России. Ее автор, в прошлом морской пехотинец, ныне — старший научный сотрудник Института военной истории МО РФ.

Овеянная славой, заслужившая любовь и признание своего народа морская пехота времен Великой Отечественной войны всегда была покрыта ореолом романтики, но широкому кругу читателей часто не хватало систематизированных, научно обоснованных материалов о ней.

В работе впервые на основе обширных материалов Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО), Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), Центрального военно-морского архива (ЦВМА), архивов Центрального военно-морского музея (ЦВММ), соединений и частей морской пехоты, значительного количества литературных и документальных источников, многие из которых впервые введены в научный оборот, с наибольшей полнотой показана роль и величие подвига морской пехоты в Великой Отечественной войне.

Вызывают уважение продуманность, логичность и доказательность, проявленные автором при работе над монографией, глубокое изучение и обобщение опыта боевой деятельности морской пехоты всех флотов и флотилий, а также боевое применение морских стрелковых бригад в годы войны.

Е.П. Абрамов сумел не только собрать по крупицам многочисленные и разрозненные сведения, но и свел их в единую законченную систему. Ему удалось доказать, что создание первого поколения советской морской пехоты, ее развитие и боевое применение в годы Великой Отечественной войны было не случайным явлением, а закономерным следствием строительства Вооруженных Сил Советского Союза.

Автору удалось убедительно и ярко показать массовый героизм морских пехотинцев, их высокий моральный дух, презрение к смерти, ненависть к врагу, любовь к Родине, дерзкий наступательный порыв, стойкость и мужество в обороне.

Не вызывает сомнения его утверждение, что в морской пехоте военных лет воплотились лучшие боевые качества российской армии и флота, в ней с наибольшей силой нашли отражение лучшие национальные черты великого народа.

Бесспорным достоинством монографии является ее структура. Читатель имеет возможность в первой главе ознакомиться с историей морской пехоты России от Петра Великого до наших дней. Во второй главе рассматривается опыт боевого применения морской пехоты в годы Великой Отечественной войны, при этом значительное внимание уделяется глубокому анализу основного способа ее боевого применения — действий в составе морских десантов. В четырех последующих главах рассматриваются действия морской пехоты флотов 1941—1945 гг., в седьмой — действия морских стрелковых бригад на сухопутных фронтах, а в заключительной главе — боевая деятельность морской пехоты в составе речных и озерных флотилий.

Исследуемые факты рассматриваются в строгой логической и хронологической последовательности.

Следует отметить превосходное полиграфическое оформление книги, наличие в ней большого количества документального материала, схем и таблиц. Хорошим дополнением к книге являются приложения, которые содержат высказывания полководцев, военачальников, писателей и поэтов о морской пехоте. Здесь же приводятся краткие сведения о морских пехотинцах — Героях Советского Союза, соединениях и частях морской пехоты, преобразованных в гвардейские, награжденных орденами и получивших почетные наименования.

* Абрамов Е.П. Морская пехота в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. СПб.: Судостроение, 2005. 440 с., ил.

Полковник С.Н. КОВАЛЕВ

В НИКОЛАЕВСКОМ ИНЖЕНЕРНОМ УЧИЛИЩЕ

В. М. ДОГАДИН

В младшем классе

НИКОЛАЕВСКОЕ Инженерное училище было основано в 1819 году под названием «Главное Инженерное училище» и имело в своем составе верхние (офицерские) и нижние классы. В дальнейшем верхние классы были переименованы в академию, и получилось военно-учебное заведение Николаевская инженерная академия и училище.

Инженерное училище имело 2 роты. В первую входили первые отделения младшего и старшего классов, половина третьих отделений тех же классов и первое отделение дополнительного класса, во вторую — вторые отделения младшего и старшего классов, вторые половины третьих отделений и второе отделение дополнительного класса. Каждая рота состояла из 125 человек.

В строевом отношении инженерное училище представляло собой батальон двухротного состава, во главе которого стоял командир в чине полковника, а во главе рот — командиры в чине капитанов. Все эти три лица числились по гвардии и потому на парадных шапках носили не двуглавых орлов, как все, а андреевские звезды.

При мне командиром батальона был полковник А.Н. Коваленко по прозвищу Крыса. При маленьком росте и заостренном лице он действительно чем-то напоминал этого зверька. Это был человек добродушного характера, строгостью не отличался, имел обыкновенные говорить, растягивая слова по слогам.

Командир первой роты капитан Н.В. Гордгейш, напротив, был методичен и строг. Однако, имея привычку держаться скособочившись, поднимая левое плечо значительно выше правого, вызывал смех, когда, встав перед юнкером с заложеным большим пальцем правой руки за борт сюртука, говорил: «Стойте прямо, как я стою!»

Командиром второй роты, в которую попал я, был капитан Е.Ю. Бем. Строгий и даже грубоватый в обращении с юнкерами, он говорил в нос, так сказать, с французским акцентом.

Каждым классом в роте заведовал курсовой офицер. У нас им был капитан Владимир Александрович Крит. Суровый с виду, в действительности это был добродушнейший и милый человек. По-видимому, он отличался замедленным восприятием и часто не мог сразу сообразить, если ему быстро что-либо говорили. Юнкера нередко пользовались этой его особенностью. Например, один раз, увидев, что в помещении роты накурено, он спросил: «Что это у вас тут дымно?» — «Это лампы накопили», — быстро ответил дежурный. — «Ага», — успокоился Крит и пошел дальше, сразу не сообразив, что в комнате было электрическое освещение.

В другой раз он спросил юнкера, почему тот опоздал из отпуска. «Я — католик», — торопливо ответил юнкер. «Ага, идите», — сказал Крит, не сообразив, что католики лишь имели право увольнения для посещения костела, а никак не опаздывать из отпуска.

Однажды на развод наряда дежурных один из юнкеров вышел в брюках навыпуск. Крит, будучи дежурным по училищу, долго осматривал его, чувствуя что-то неладное. «У вас штгык на месте?» — спрашивал он. — «Так точно!» — отвечал юнкер. — «Кругом!» — командовал Крит и снова осматривал юнкера. — «Ага! Да вы одеты не по форме!» — вскричал наконец Крит. — Идите сейчас же переодеваться!»

На курсовых офицерах лежала обязанность заниматься строевой подготовкой, гимнастикой, под их руководством мы изучали уставы и инструкции. Методы проведения этих занятий были различные. Одни, например, заставляли юнкера излагать содержание устава или инструкции, другие задавали наводящие вопросы. Среди последних особенно выделялся капитан Врочинский. «А что, бак для воды в роте имеется?» — спрашивал он. — «Имеется», — отвечал юнкер. — «Правильно, имеется», — говорил капитан. — «А вода в бак заливается?» — снова спрашивал Врочинский. — «Наливается», — отвечал юнкер. — «Правильно, наливается. А ручка к баку прилагается?» — «Прилагается». — «Правильно, прилагается». И далее в том же роде. Так отвечать инструкцию было нетрудно.

Курсовые офицеры в строю роты занимали места взводных командиров.

По своему составу юнкера Инженерного училища представляли собой довольно однородную массу. Все это были лучшие ученики из кадетских корпусов, по своему происхождению в подавляющем числе дети офицеров и военных чиновников. Были среди нас и титулованные лица, как, например, князь Кочубей, два брата бароны Фредерикс (сыновья министра Императорского двора), граф Каменский, кавказские князья Гурамов и Вахвахов. И все они без исключения по своей манере держаться в стенах училища, по отношению к ним со стороны начальства, преподавателей и товарищей ничем не отличались от остальных юнкеров.

Наша вторая рота располагалась в левой части замка, занимая своими спальнями камеры, известные под названиями: «большая», «проходная», «зеркальная», «портретная», «детская» и «фельдфебельская». Моя кровать стояла на «портретной», названной так за то, что в ней висел большой портрет императора Николая I. Над кроватью была укреплена табличка с моей фамилией и личным номером 174 на голубом фоне. У табличек портупей-юнкеров фон был серебряным, а фельдфебеля — золотым. Через одну кровать от моей находилась кровать юнкера Н.Н. Клавера, бывшего кадета 1-го Петербургского корпуса, с которым мы подружились. Это был очень красивый мальчик с абсолютно черными глазами и волосами, зачесанными бобриком, с правильным профилем и матовым цветом лица. Исключительно приветливый и деликатный, он привлекал к себе сердца товарищей. С ним-то в течение моей долгой жизни у меня произошли удивительные по случайности встречи, подтверждающие то мнение, что сама жизнь создает такие совпадения, какие даже романист не выдумает.

Уже после того как я с ним подружился, внезапно выяснилось, что мы — родственники. Произошло это вот каким образом. Мы с Клавером были знакомы уже несколько месяцев. Подошли рождественские ка-

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2005. № 10

никулы, и я пошел проводить на вокзал уезжавшего в отпуск к родителям своего друга, хотя это не было в обычае у юнкеров. На тот момент в кармане у меня уже лежало письмо, полученное накануне и начинавшееся словами: «Если хотите познакомиться в некотором роде со своей бабушкой, то приходите на Рождество ко мне по следующему адресу». Это писала мне сестра моего родного дедушки, отца моей матери.

Я, конечно, явился по указанному адресу, познакомился со своей новой бабушкой, оказавшейся милой, приветливой пожилой женщиной, принявшей меня по-родственному. Когда после обеда мы с ней уютно устроились на диване, она после разговоров о родных спросила меня: «А не знаешь ли ты в своем училище одного юнкера, впрочем, он, кажется, уже в старшем классе и едва ли тебе известен. Его фамилия Клавер». — «Как же не знать, — возразил я, — ведь он мой сосед и ближайший друг!» — «Да что ты говоришь!» — обрадовалась бабушка. — «Ведь моя дочь замужем за его двоюродным братом!» От такой неожиданности я не мог долго прийти в себя и первым делом пожелал написать Клаверу, что мы не только друзья, но и родственники...

Перейдя на старший курс, Клавер перевелся в Николаевское Кавалерийское училище, решив, по-видимому, идти по стопам своего отца, который был начальником кавалерийской дивизии в Тамбове. Осенью 1905 года он окончил это учебное заведение и вышел в лейб-гвардии Кирасирский его величества полк. Все служившие в этом полку назывались по цвету околышей «желтыми карасирами». Я в это время перешел на дополнительный курс Инженерного училища.

Вспоминаю день, когда к нам в класс, где мы сидели за чертежными досками, вошел Клавер в полной парадной форме кирасира: в белом мундире, высоких сапогах с наколенниками, лакированными от верха до кончика носка, и в золоченой каске, увенчанной большим орлом.

Наш товарищ Усачев, носивший очки, очень насмешил нас, когда надел эту каску себе на голову и с серьезной миной уселся за чертежную доску.

Это было наше не последнее свидание с Клавером.

Прошло семнадцать лет...

Как-то летом 1922 года, возвращаясь со службы из Лефортова, на Земляном валу я вошел в вагон трамвая. И в этот момент снаружи какой-то человек через окно стал меня радушно приветствовать и упрекать: «Нехорошо не узнавать старых друзей!» Вагон двинулся дальше, мужчина остался на остановке, а я так и не узнал, кто это был. Приехав домой, я за обедом рассказал жене, что кто-то, видимо ошибшись, приветливо махал мне фуражкой.

И надо было так случиться, что на другой день я встретил того же человека на Никольской улице... Мы остановились и стали разговаривать, а я упорно минут пять смотрел ему в лицо и гадал, кто же это мог быть? И только в его абсолютно черных грустных глазах вдруг мелькнуло знакомое мне выражение. «Да ведь это Клавер!» — мысленно воскликнул я.

Его похуевшее и загоревшее лицо было покрыто морщинами, а когда-то блестящие глаза совсем потухли. Он в это время был начальником Кавалерийской школы в Тамбове, а я начальником Инженерной школы в Москве, и на Никольской нас свели служебные дела. Побеседовав, мы снова расстались на долгие годы.

Однако это опять-таки была не последняя случайная встреча.

В 1933 году я принимал участие в постройке известного военного санатория в Архангельском под Москвой.

Однажды я зашел в столовую пообедать и увидел, что за соседним столом спиной ко мне сидит командир-кавалерист. Продолжая есть, я стал рассматривать снаряжение кавалериста, потом встал и прошел мимо него, чтобы взять горчицу с другого стола, а когда сел на свой стул, кавалерист вдруг поднялся с места и повернулся ко мне лицом... Передо мною стоял тот же Клавер, такой же стройный, подтянутый, но с массой белых волос в своей аккуратной прическе на подбор.

Наконец, уже в 1954 году мой сослуживец полковник Шперк, как-то встретив меня, поспешил мне сказать: «Вам просил передать привет Николай Николаевич Клавер. Он сейчас в помешении для душа вел оживленную беседу, вспоминая службу в старой гвардии, а потом, по-видимому, заметив на мне инженерную форму, спросил, не знаю ли я вас? Я ему ответил, что мы с вами служим в одном здании. Тогда он просил передать вам привет». Я был очень радостен этой новой весточкой о друге юности.

Вот сколько у нас с ним было случайных встреч, хотя служили мы далеко друг от друга.

Во время пребывания в училище мы имели право на увольнение в отпуск три раза в неделю: по субботам, воскресеньям и средам. У меня в Петербурге не было родных или знакомых, поэтому в часы отпуска я осматривал столицу, достопримечательности. Первым делом стал посещать многочисленные музеи, содержание которых производило на меня сильное впечатление. Особенно мне нравился Музей Александра I (ныне Русский музей) с его замечательными картинами русских художников. Ради удовольствия видеть их я частенько заходили туда, благо он расположен вблизи Инженерного замка. В последующие годы всякий раз, приезжая в Петербург, я непременно заглядывал в этот музей.

Бывал также в Эрмитаже, Зоологическом и Ботаническом музеях, посещал Исаакиевский, Казанский и Петропавловский соборы в крепости, который служил усыпальницей императоров. Там на меня произвели впечатление надгробия из белого мрамора и серебряные венки на могилу последнего умершего императора, покрывавшие все стены собора на высоту не менее 5 метров от пола.

По субботам я любил бывать в Казанском соборе, где на стенах были развешаны ключи от покоренных городов и знамена вражеских полков, отобранные нашими войсками во время Отечественной войны 1812 года. Стоял в полумраке между колоннами, слушая чудесное пение хора.

В одну из суббот уже среди зимы я увидел, что юнкер дополнительного курса Г.Г. Горшков собирается куда-то идти. Он был нашего кадетского корпуса и всегда относился ко мне покровительственно, так как был старше меня на два класса. Я спросил его, куда это он собирается? «Пойдем со мной», — быстро ответил он. Я сначала стал отказываться, но после настойчивых его уговоров согласился. Мы отправились в семью А.Н. Никитина, который был смотрителем в психиатрической больнице Николая Чудотворца. Семья состояла из жены Любови Дмитриевны, дочери Елизаветы и сына Александра. До нас с Горшковым у них бывал юнкер нашего же корпуса Алтабашев, который перед выходом в офицеры привел к Никитиным Горшкова, а последний меня.

С этого дня я и Горшков по субботам каждую неделю ходили к Никитиным. К нашей компании присоединялись молодые соседки хозяев, и у нас начиналось веселье: играли на рояле, пели, ставили шарady, прятали двугривенный и занимались

другими играми. В установленное время добродушная Любовь Дмитриевна приготовляла в соседней комнате чай с разнообразными закусками, а затем, обласканные и сытые, мы возвращались на извозчике за 35 копеек с угла Мойки и Пряжки в Инженерный замок, т.е. через весь Петербург.

В компании с Елизаветой Александровной мы бывали и в театрах, где иногда занимали ложу.

Постановки в Петербургских театрах значительно отличались от провинциальных роскошью помещений, красотой и сложностью декораций, богатством костюмов и высокими качествами артистов. Меня удивляли настоящие фонтаны на сцене, качающиеся стволы пальм, темнеющий на глазах небосклон, бегущие по нему облака, настоящие золоченые латы и шлемы у эфиопов, а не картонные, оклеенные золотой бумагой, как это было в провинции. Я любил бывать в опере, где слушал лучшую исполнительницу роли Кармен — Медею Фигнер, а также ее мужа в роли Фауста.

В балете «Дочь фараона» я видел балерину Кшесинскую и Анну Павлову, но там меня больше привлекали чудесные декорации оазисов и пирамид, чем самые искусные танцы, в которых я ничего не понимал. Особенно большое впечатление произвел на меня концерт в пользу инвалидов, который по традиции ежегодно давался в Мариинском театре во время Великого поста (перед Пасхой), когда все театры бывали закрыты.

Однажды вечером, во время подготовки к завтрашним занятиям, нам предложили быстро одеться, чтобы отправиться в театр. Концерт уже начался, когда я вошел в ложу и заглянул вниз в партер. Весь зрительный зал и сцена так ярко сияли, что я невольно закрыл глаза.

На сцене, возвышаясь рядами друг над другом, стояло более 600 музыкантов гвардейских полков в своих цветных мундирах со сверкающими золочеными и серебряными трубами. Впереди вдоль рампы были разложены нарядные головные уборы гвардейских частей в виде киверов, касок, шапок с султанами и плюмажами. Зал и ложи заполнены генералами и офицерами в блестящих мундирах с эполетами, лентами, звездами и орденами. Дамы — в открытых платьях светлых тонов, подчеркивающих нежность их лиц и плеч, с бриллиантами и самоцветами в ушах, на груди и в прическах, с кольцами, унизывающими пальцы рук. Все кругом сияло, сверкало в электрическом свете люстр до боли в глазах. Ничего подобного мне не приходилось больше видеть никогда.

В октябре у нас начались репетиции (зачеты). Первая репетиция была по законоведению, причем требовалось выучить 180 страниц текста. После обычных уроков в кадетском корпусе этот объем казался очень большим, и я не знал, как мне удастся с ним справиться. Перед ответом очень волновался, боялся, что провалюсь и мечтал получить хотя бы удовлетворительную отметку. Однако, когда после хорошего ответа мне было поставлено 11 баллов, я уже стал немного досадовать, что не получил 12...

Так же успешно стали проходить репетиции и по следующим предметам. Готовясь к тому или иному зачету, я имел обыкновение сначала просто прочитывать учебник, стараясь усвоить сущность излагаемых вопросов, а затем уже все тщательно штудировал, чтобы запомнить детали и подробности. При изучении предмета я никогда ничего не записывал и не составлял конспектов, а карандашом пользовался только в том случае, когда надо было сделать математические выкладки или запомнить формулы. По

сравнению со своими товарищами я проходил заданное к репетициям довольно быстро, видимо имел неплохую зрительную память, так как запоминал даже, на какой странице о чем говорится, и обладал достаточной сообразительностью, чтобы быстро понять сущность излагаемого в книге предмета.

24 декабря нас распустили на рождественские каникулы, и я, воспользовавшись перерывом в занятиях, поспешил к врачу-окулисту, поскольку меня постоянно мучили ячмени. Врач прописал мне закапывать в глаза атропин, так как нашел у меня спазмы глазных мышц. От атропина зрачки расширились, и все предметы я видел в тумане. Это явление не только лишило меня удовольствия посещать музеи, но и было причиной неприятностей другого порядка.

Дело в том, что я попал в состав того строевого отделения, которое было назначено участвовать 6 января в Крещенском параде, происходившем в Зимнем дворце. В назначенный час отделение Инженерного училища стояло в Кавалергардском зале дворца вместе с частями Пажеского корпуса, Павловского пехотного училища и других военно-учебных заведений. Мы стояли у стены лицом в сторону окон. Здесь же находились наше непосредственное строевое начальство в лице командира батальона полковника Коваленко и начальника нашей академии, а также начальник Главного управления военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович и главнокомандующий войсками Гвардии и Петербургского военного округа великий князь Владимир Александрович, которые в ожидании парада беседовали между собой и с юнкерами.

Затем появился государь Николай II со свитой и, обратившись к нам громким голосом: «Здравствуйте, господа!», обошел весь наш фронт и проследовал в следующие залы, где находились войсковые части.

После обхода всех частей государь вернулся к той двери, в которую вошел, и вскоре начался так называемый высочайший выход.

Впереди шел церемониймейстер с длинной черной тросточкой с голубым бантом, за ним следовали парами придворные слуги в красных ливреях, в треуголках с перьями — гоф-фурьеры, камер-фурьеры, далее шло духовенство в парчовых ризах, затем государь с государыней и великие князья со своими супругами попарно в сопровождении камер-пажей в придворной форме. Затем двигалась многочисленная блестящая свита. Когда все шествие проследовало в левую сторону на водосвятие, полковник Коваленко, воспользовавшись случаем, решил ознакомить нас — юнкеров с лицами императорского двора, чтобы мы не растерялись, если встретим кого-либо из них случайно на улице. С этой целью он обратился ко мне с вопросом: «Скажите, с кем шел государь под руку?» Мною уже упоминалось, что из-за атропина у меня перед глазами стоял туман, из-за чего я не мог на таком расстоянии различать лиц. Признаться при всех, что я не вижу и почему, я считал зазорным, тем более что по инструкции нам не разрешалось обращаться к посторонним врачам за помощью. «Государь шел с государыней», — ответил я. «С какой государыней?» — снова спросил полковник. «С Александрой Федоровной», — сказал я. «Нет, со своей матерью Марией Федоровной», — возразил Коваленко. А когда процессия возвратилась тем же порядком с водосвятия, полковник, обратив внимание на мое незнание, стал снова задавать мне вопросы по поводу лиц, участвовавших в высочайшем выходе, и я вновь также безнадежно провалился, не назвав правильно

никого из них. «Надо пользоваться случаем, чтобы запоминать в лицо членов императорской фамилии», — сказал в назидание мне полковник. Увы, из-за атропина его совет был мне совершенно бесполезен. По окончании шествия государь вновь обошел представленные на параде части, прощаясь с нами словами: «До свидания, господа!»

Вскоре после окончания рождественских каникул, в конце января 1904 года, вероломным нападением Японии на порт-артурскую эскадру во время ведения дипломатических переговоров началась Русско-японская война, оставившая по себе столь печальную память. Эта война наложила свой отпечаток и на ход жизни нашего училища. В действующую армию отправились некоторые профессора и преподаватели, например генерал Величко, полковник Ипатович-Горанский, а также человек двадцать слушателей академии. Все они заменяли длинные брюки с ботинками высокими сапогами и рейтузами. И это придавало им боевой вид. Мы ежедневно с напряженным вниманием читали в газетах известия с театра войны и остро переживали непрерывные неудачи нашей армии. Затем стали приезжать из действующей армии участники войны. Они делали сообщения о применении инженерного искусства в бою, а мы интересовались тем, как изучаемая нами теория используется на практике и какие при этом претерпеваемы изменения и усовершенствования.

Ежедневно в газетах печатались прощальные приветствия офицеров с пути в действующую армию. «Перевалив через Урал, — писали они, — шлем привет родным и знакомым». Далее следовали подписи. При этом совершенно упускалось из виду, что японские разведчики по этим телеграммам могли подсчитывать, сколько войск направилось в нашу действующую армию. Потом в газетах стали регулярно помещаться списки убитых, раненых и пропавших без вести офицеров.

Для пополнения офицерского состава в войсках в апреле был произведен в офицеры и отправлен в действующую армию весь дополнительный класс нашего училища. Места в строю погибших офицеров заняли юнкера старшего класса.

Весной вместе со своими товарищами я ходил осматривать броненосец «Князь Суворов», который был только что спущен на воду. Этот корабль под флагом командующего эскадрой адмирала Рожественского одним из самых первых был потоплен японцами в Цусимском бою. После геройской гибели крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» наше училище стояло в строю вместе с другими частями вдоль тротуара на Невском проспекте, и мы громкими криками приветствовали проходивших по улице строем моряков мужественных экипажей во главе с командиром «Варяга» В.Ф. Рудневым. У них у всех без исключения сияли на груди новенькие Георгиевские кресты.

С наступлением весны у нас начались экзамены, в процессе которых выявилось, что по учению я занимаю первое место в нашем отделении. Это меня удивило, потому что среди моих товарищей были юнкера, которые окончили свои корпусы первыми учениками. Первый ученик нашего корпуса Бошепятлов оказался на пятом месте. За успехи в учебе я был назначен старшим в классе вместо юнкера Ханькова, который занимал это место потому, что был переведен из старшего класса другого училища и, следовательно, по службе стоял выше нас всех.

Публикация З.Д. ЯСМАН

(Продолжение следует)

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

Военно-историческая конференция в Дальневосточном военном округе

В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ военном округе состоялась военно-историческая конференция «Уроки и выводы из опыта Маньчжурской стратегической наступательной операции 1945 года», посвященная 60-летию разгрома милитаристской Японии в августе—сентябре 1945 года и окончанию Второй мировой войны. В ней приняли участие командование, генералы и офицеры управления Дальневосточного военного округа и объединения ВВС и ПВО на Дальнем Востоке; представители регионального пограничного управления по Дальневосточному федеральному округу и пограничного управления ФСБ России по Хабаровскому краю и ЕАО; представители Дальневосточного регионального центра МЧС РФ; ветераны Вооруженных сил, участники Великой Отечественной войны; ветераны военной службы Дальневосточного военного округа; члены Ассоциации офицеров запаса Вооруженных сил (Мегапир).

Со вступительным словом к участникам конференции обратился временно исполняющий обязанности командующего войсками Дальневосточного военного округа генерал-лейтенант О.Л. Салюков. С докладом «Уроки и выводы из опыта Маньчжурской стратегической наступательной операции» выступил генерал-майор запаса Ю.А. Мельников, с докладом «Особенности работы Главного командования советских войск на Дальнем Востоке, командования и штабов фронтов по подготовке операций» — генерал-лейтенант запаса А.С. Исаенко.

В ходе конференции были заслушаны научные сообщения генерал-лейтенанта запаса В.И. Якушева «Военное искусство в Маньчжурской стратегической наступательной операции»; полковника запаса В.О. Ежова «Особенности подготовки и боевого применения артиллерии в ходе фронтовых и армейских операций: опыт советско-японской войны и современность»; генерал-майора запаса В.И. Толмачева «Организация противовоздушной обороны: опыт советско-японской войны и современность»; генерал-майора запаса А.Д. Гаврииса «Особенности боевого применения авиации в наступательных операциях: опыт войны и современные проблемы»; генерал-майора запаса А.А. Исакова «Техническое обеспечение операций: опыт войны и современность»; полковника запаса К.Г. Базыка «Особенности партийно-политической работы при подготовке наступательных операций Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов в августе 1945 года»; члена Приамурского географического общества капитана 2 ранга запаса А.Г. Мережко «Опыт проведения морских десантных операций»; капитана 1 ранга запаса В.А. Смирнова «Особенности боевого применения Амурской флотилии речных кораблей»; почетного члена Приамурского географического общества полковника в отставке А.М. Филонова «Особенности применения пограничных войск на Дальнем Востоке СССР в предвоенные и военные годы»; председателя организации ветеранов ФСБ по Хабаровскому краю участника Великой Отечественной войны полковника в отставке Н.В. Лукьянченко «Роль органов военной контрразведки в обеспечении безопасности Дальнего Востока СССР в предвоенные и военные годы».

Итоги конференции подвел заместитель командующего войсками Дальневосточного военного округа по воспитательной работе генерал-майор В.К. Пьянзин.

Генерал-майор В. ШЕВЕЛЕВ

КОНКУРС

Криптограмма «Маршал Советского Союза Л.А.Говоров»

ИСПОЛЬЗУЯ числовые подсказки ключевого слова и таблицы, определите ключ для расшифровки заданий и текста: вместо цифры «0» проставьте числа в таблице, в заданиях и тексте — буквы алфавита.

16	32	30	8	5	5	11	32	8	17
А	Р	Т	И	Л	Л	Е	Р	И	Я

16	0	0	0	0	11	0	0	8	0	0	5	0	0	0	0
А					Е			И			Л				
32	0	30	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	17
Р		Т													Я

Задания

1. Должность генерала Леонида Александровича Говорова в действующей армии с первых дней Великой Отечественной войны на Западном направлении, затем Резервном фронте — 0, 16, 0, 16, 5, 0, 0, 8, 0 / 16, 32, 30, 8, 5, 5, 11, 32, 8, 8.

2. Армия, которой командовал Л.А. Говоров осенью 1941 — зимой 1941/42 года — 1, 17, 30, 16, 17.

3. Маршал Советского Союза, который так пояснил выдвижение Л.А. Говорова на должность командующего указанной выше армии: «Говоря кратко, мы исходили из двух важнейших обстоятельств. Во-первых, в период боев под Ельней генерал Говоров, будучи начальником артиллерии Резервного фронта, зарекомендовал себя не только как прекрасно знающий свое дело специалист, но и как волевой, энергичный командир, глубоко разбирающийся в оперативных вопросах; во-вторых, в нашей обороне под Москвой основная тяжесть борьбы с многочисленными танками противника ложилась прежде всего на артиллерию, и следовательно, специальные знания и опыт Говорова приобретали особую ценность. Последующие события показали, что сделанный выбор был весьма удачен» — 0 / 0 / 0, 0, 0, 0, 0.

4. Армия (командующий генерал К.К. Рокоссовский), с которой Л.А. Говоров, проявив инициативу, тщательно организовал взаимодействие, перенацелил ударные силы своей армии и развил наступление на левом фланге, что привело к освобождению 17 января 1942 года г. Рузы — 0, 11, 0, 30, 0, 16, 0, 0, 16, 30, 16, 17.

5. На эту должность Л.А. Говоров был назначен в июне 1942 года — 0, 0, 0, 16, 0, 0, 0, 0, 8, 0 / 0, 0, 0, 0, 16, 0, 8 / 5, 11, 0, 8, 0, 0, 32, 16, 0, 0, 0, 0, 0 / 0, 32, 0, 0, 30, 16.

6. Отдельные подразделения, которые по указанию Л.А. Говорова размещались в системе полевых укрепленных районов (УР) на ближних подступах к Ленинграду и успешно вели самостоятельный огневой бой с пехотой и танками противника — 16, 32, 30, 8, 5, 5, 11, 32, 8, 0, 0, 0, 0 — 0, 0, 5, 11, 0, 11, 30, 0, 0, 11 / 0, 16, 30, 16, 5, 0, 0, 0, 0.

7. Вид огневого поражения противника, который в интересах достижения огневого превосходства над ним наряду с другими мерами успешно применялся Л.А. Говоровым при защите Ленинграда — 0, 0, 0, 30, 32, 0, 16, 30, 16, 32, 11, 0, 0, 16, 17 / 0, 0, 32, 0, 0, 16.

8. Вид эшелонированной обороны, охватившей всю глубину блокированного района и самого Ленинграда. Этот вид впервые в Великой Отечественной войне был применен в масштабах фронтового объединения — 0, 8, 0, 30, 11, 0, 16 / 0, 0, 5, 0, 0, 0, 0 / 30, 32, 16, 0, 0, 11, 0 / 0, 0, 17, 0, 16, 0, 0, 16, 17 / 0, 30, 0, 11, 5, 0, 0, 0, 11 / 0, 0, 0, 32, 0, 0, 8, 30, 11, 5, 0, 0, 0, 11 / 0, 0, 0, 8, 0, 8, 8 / 32, 0, 0, 11, 0, 8 / 8 / 32, 16, 0, 0, 0, 0 / 0 / 11, 0, 8, 0, 0, 11 / 0, 11, 5, 0, 11.

9. Операции 1944 года, которые провели войска под командованием Л.А. Говорова:

→	0	16	32	0	16	5		0	0	0	11	30	0	0	0	0	0	0	0	
0	0	0	0	0	0	0		0	16	0	30	11	32	0	0		0	0	0	
8	0	8	8		0	0	11	0	0	0	0		0	32	8	0	11	0	0	
	16	0	0	0	0		0	0	11	32	16	30	8	0	0	0	0	11	0	
5	0	16	16	5	8	0	30		0	0		0	5	0	0	—	11	0	16	
0	8	32	8	5	11	32	8	8		0		0	0	30	0	30	0	0		
0	0	0	0	5	0	30	16	0	0	0				↔	0	0	16	8	0	5
0	16	0	11	8	0															
0	0	0	0	30	16															
0	32	0	0	32	0															
.	0	0		16																
0		16	0		0															
11	0	32	8	17	8															
0	0		0	8																
0		0	0	0	30															
0	0	0	0	8	0															
0	30	16	32	0	0															
0	0	0	11	0	0															
5	8		5	0	8															
0	5	17	5	5	0															
0	16	8	8	0	8	0	16	0	11	0		0	17	8	0	0		0	0	
	8	0	30	0	0	8		11	8	0	16	0	0	32	8	.	16	30		
0	0	11	32	16		0	0	0	0	0	32	0		0	16	0	32	8	8	
8	11	0	11	32		17	5	0		8	8	32	11	5	5	8	30	0	0	
0	0	0		17	0	0	8	0	0	16	0	0	0	,	16	0	8	0		
0	30	11	0	0	0		0	0	0	0	11	5	0	16	5	0	0	32	0	

Леонид Александрович Говоров (1897-1955)

а) в январе — 0, 32, 16, 0, 0, 0, 0, 11, 5, 0, 0, 0, 0 — 32, 0, 0, 8, 0, 0, 16, 17 / 0, 16, 0, 30, 0, 0, 16, 30, 11, 5, 0, 0, 16, 17;

б) в июне — 0, 0, 0, 0, 32, 0, 0, 16, 17 / 0, 0 / 32, 16, 0, 0, 32, 0, 0, 0 / 0, 32, 0, 0, 8, 32, 0, 0, 0, 8 / 0, 32, 0, 30, 8, 0, 0, 8, 0, 16 / 0, 16 / 0, 16, 32, 11, 5, 0, 0, 0, 0 / 0, 11, 32, 11, 0, 11, 0, 0, 11;

в) осенью — участвовали в 0, 32, 8, 0, 16, 5, 30, 8, 0, 0, 0, 0 / 0, 0, 11, 32, 16, 0, 8, 8;

г) осенью — в тесном взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом — 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 16, 17 / 0, 11, 0, 16, 0, 30, 0, 16, 17.

10. Способ боевых действий, который впервые в истории войны был разработан и применен Л.А. Говоровым для разгрома сильной вражеской группировки, длительное время блокировавшей крупный про-

мысленный город и порт — 0, 0, 30, 32, 11, 0, 0, 0, 11 / 0, 0, 16, 32, 0 / 8, 0 / 0, 0, 16, 0, 0, 11, 0, 0, 0, 0 / 0, 0, 0, 0, 16 / 8 / 0 / 0, 0, 11, 0, 0, 11, 0 / 0, 0, 32, 0, 0 / 0, 0, 5, 0, 0, 16 / 0, 0, 16, 0, 0.

11. Вид творческого использования орудий большой мощности, который Л.А. Говоров ввел в практику для разрушения многочисленных долговременных сооружений на переднем крае и в ближайшей тактической глубине обороны противника — 0, 32, 11, 0, 0, 16, 32, 8, 30, 11, 5, 0, 0, 16, 17 / 16, 32, 30, 0, 0, 0, 0, 30, 0, 0, 16.

12. Генерал, командовавший артиллерией Ленинградского фронта, автор воспоминаний «Повелители огня», где подчеркнуто, что Л.А. Говоров уделял особое внимание прорыву подготовленной обороны противника и развитию тактического успеха в оперативный. При этом Л.А. Говоров последовательно давал ряд сложных вводных и заслушивал решения по ним командиров соединений, подводил итог, делал обстоятельный разбор. Автор указанных здесь воспоминаний, в частности, писал: «Говоровский экзамен» всеми командирами, испытавшими его, считался самым трудным. Выдержав его, они шутили: «Теперь нам никакой враг не страшен» — 0 / 0 / 0, 0, 8, 0, 0, 0, 0.

13. Военно-морские объединения, с которыми Л.А. Говоров блестяще организовал оперативное и тактическое взаимодействие в условиях обороны блокированного противником приморского района и крупного города — 0, 16, 5, 30, 8, 0, 0, 0, 8, 0 / 0, 5, 0, 30 / 8 / 5, 16, 0, 0, 0, 0, 0, 16, 17 / 0, 5, 0, 30, 8, 5, 8, 17.

14. Маршал Советского Союза, так оценивший боевые заслуги Л.А. Говорова: «Если бы у этого выдающегося военачальника Красной армии не было никаких других славных боевых дел, кроме... героической обороны Ленинграда, то и тогда его имя навеки сохранили бы благодарные потомки. Но у его войск было немало и других великих боевых свершений: сокрушительный разгром оккупантов в Ленинградской области и на Карельском перешейке, освобождение Эстонии и островов Моонзундского архипелага» — 8 / 0 / 0, 16, 0, 32, 16, 0, 17, 0.

15. Высшая степень отличия, которой был удостоен Маршал Советского Союза Л.А. Говоров, и высший советский военный орден, которым он был награжден — 0, 0, 16, 0, 8, 11 / 0, 11, 32, 0, 17 / 0, 0, 0, 11, 30, 0, 0, 0, 0 / 0, 0, 0, 0, 16 / 8 / 0, 0, 0, 11, 0, 16».

16. Высшие посты, которые занимал Маршал Советского Союза Л.А. Говоров в послевоенные годы, отдавая все свои силы, талант и энергию дальнейшему совершенствованию Вооруженных Сил СССР:

а) с 1948 года — 0, 0, 0, 16, 0, 0, 0, 0, 0, 8, 0 / 0, 0, 0, 0, 16, 0, 8 / 0, 0, 0 / 0, 30, 32, 16, 0, 0;

б) с 1952 года — 0, 16, 0, 11, 0, 30, 8, 30, 11, 5, 0 / 0, 0, 11, 0, 0, 0, 0 / 0, 8, 0, 8, 0, 30, 32, 16 / 0, 0, 0, 32 / 0, 0 / 0, 11, 0, 0, 0 / 0, 0, 0, 0, 30, 0, 0, 0, 11;

в) в 1953 году — 0, 5, 16, 0, 0, 0, 0 / 8, 0, 0, 0, 11, 0, 30, 0, 32 / 0, 8, 0, 8, 0, 30, 11, 32, 0, 30, 0, 16 / 0, 0, 0, 32, 0, 0 / 0, 0, 0, 32;

г) с 1954 года — 0, 5, 16, 0, 0, 0, 0, 0, 16, 0, 8 / 0, 0, 0 / 0, 30, 32, 16, 0, 0 / 8 / 0, 16, 0, 11, 0, 30, 8, 30, 11, 5, 0 / 0, 8, 0, 8, 0, 30, 32, 16 / 0, 0, 0, 32, 0, 0 / 0, 0, 32.

**Автор криптограммы
полковник в отставке
А.С. ЖДАНОВСКИЙ**

Уважаемые читатели!

Победитель этого конкурса получит приз — книгу: Федоров Б.Г. Все министры финансов России и СССР 1802—2004. М.: Русское экономическое общество, 2004. 632 с., ил. (см. 3-ю страницу обложки журнала).

Пожалуйста, указывайте фамилию, имя, отчество, профессию, возраст, адрес (для школьников, студентов и курсантов дополнительно — адрес учебного заведения и фамилию, имя, отчество его руководителя).

Сведения о победителях и ответы будут опубликованы: на криптограммы «Краснознаменный Балтийский флот в кампании 1945 года» (Воен.-истор. журнал. 2005. № 7) — в № 12 (декабрь) 2005 года; «Войска противовоздушной обороны страны в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (№ 8) — в № 1 (январь) 2006 года; «К 60-летию Победы на Дальнем Востоке» (№ 9) — в № 2 (февраль); «Главная огневая сила советских Сухопутных войск в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (№ 10) — в № 3 (март); «Маршал Советского Союза Л.А. Говоров» (№ 11) — в № 4 (апрель) 2006 года.

Ответы на криптограмму «Адмирал Ф.Ф. Ушаков (1745—1817)» (Воен.-истор. журнал. 2005. № 6). Ключевые слова: 1. Ефим; 2. Морской кадетский корпус; 3. Капрал; 4. Мичман; 5. Дон; 6. «Курьер», «Модон»; 7. «Северный Орёл»; 8. П.А. Румянцев; 9. Д.Н. Сенявин; 10. «Св. Павел»; 11. «Св. Георгий Победоносец»; 12. Я.Ф. Сухотин; 13. «Проворный»; 14. Херсонский; 15. Св. Владимира четвертой степени; 16. Капитаны бригадирского ранга; 17. Фидониси; 18. Г.А. Потемкин; 19. а) Св. Владимира второй степени; б) Св. Георгия второй степени; 20. Калиакрия; 21. Св. Александра Невского; 22. Константинополь; 23. Цериги, Занте, Цефалония, Св. Мавры; 24. Бриллиантовые знаки ордена Св. Александра Невского; 25. Взятие Корфу; 26. Орден Св. Иоаннуария; бриллиантовое перо на шляпу, соболиную шубу и тысячу червонцев; 27. Неаполь; 28. Адмиралтейство; 29. Г. Нельсон; 30. Храм Рождества Богородицы Синаксарского Рождество-Богородичного мужского монастыря. **Текст:** «Как и Суворов, Ушаков считал основной целью боевых действий полный разгром, уничтожение противника в решительном сражении. Он смело отбросил старую линейную тактику, когда два флота вели бой, выстроившись двумя параллельными линиями. Ушаков решал исход сражения стремительным маневром, бил неприятеля по его самым слабым местам. Это была суворовская тактика на море».

Поздравляем победителя этого конкурса — гвардии майора в отставке Юрия Ивановича Мешалкина, пенсионера (г. Лодейное Поле Ленинградской обл.), который получил приз — книгу: Гаджиев Б.И. Магомет Гаджиев. М.: Герои Отечества, 2004. 280 с., ил.

• ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Уважаемая редакция!

Никогда не увлекался разгадыванием кроссвордов и криптограмм, считал это занятие пустым времяпровождением, а вот почему-то один раз заинтересовался и стал участвовать в вашем конкурсе. Приходилось многое вспомнить и искать ответы в специальной литературе. Кроме того, перелистал даже старые номера ВИЖА. Однако о событиях на Дальнем Востоке материалов, особенно со схемами, очень мало, точнее, почти нет. Поэтому отгадывать китайские, корейские и японские названия было очень трудно, но интересно. Для меня Великая Отечественная война закончилась в Курляндии в составе 254-го гвардейского стрелкового полка имени Александра Матросова 56-й гв. Смоленской Краснознаменной стрелковой дивизии. И я в «Военно-историческом журнале» хотел бы почитать материалы о дивизиях и полках, где и в каких боях они участвовали.

Гвардии майор в отставке

Ю.И. МЕШАЛКИН

(г. Лодейное Поле Ленинградской обл.)

Уважаемая редакция!

Пишет вам студент 5 курса исторического факультета Брестского государственного университета. Мне очень нравится ваш журнал. Хочу выразить всей редакции огромную благодарность за то, что он такой интересный и познавательный. Новые книги в наш университет поступают крайне редко, и поэтому я с огромной радостью решил включиться в ваш конкурс, надеюсь на удачу. С уважением,

В.В. ГАРМАТНЫЙ

(г. Береза Брестской обл., Республика Беларусь)

Здравствуйте, уважаемые работники «Военно-исторического журнала». Пишет вам студент Воронежской государственной лесотехнической академии. Хочу поблагодарить вас за тот труд, благодаря которому мы, читатели, имеем возможность получать интересную для нас информацию, как говорится из первых рук. Особую благодарность хочется выразить за огромный вклад в патриотическое воспитание нашей страны. Сейчас, когда все средства массовой информации заполнили дешевые статьи и т.п., ВИЖ является одной из немногих одушин, которая позволяет полноценно осмыслить нашу историю.

Написать в редакцию меня заставило то, что я пытаюсь разыскать своих родственников, а именно прадедов и деда, пропавших без вести во время Великой Отечественной войны. Но как вы понимаете, по происшествии стольких лет это очень трудно сделать. Однако отчаиваться не стоит, ведь именно благодаря им мы сейчас можем жить на этой земле. Я хочу попросить работников ВИЖА предоставить мне любую информацию о моих пропавших родственниках или о том, где можно эту информацию добыть. С уважением,

В.В. ЖУРАВЛЕВ

(г. Воронеж)

ОТ РЕДАКЦИИ. Уважаемые Владимир Владимирович и все читатели, обратившиеся к нам с подобными просьбами! Напоминаем, что коллектив редакции не ведет поисковую работу, но получить сведения о ваших родных и близких, погибших или пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны и других вооруженных конфликтах, вам поможет публикация на страницах нашего журнала начальника Архивной службы ВС РФ полковника С.А. Ильенкова «О порядке ведения справочной работы по личному составу» (см.: Воен.-истор. журнал. 2005. № 10. С. 58—61, а также электронную версию журнала на главной странице сайта Министерства обороны РФ: www.mil.ru).

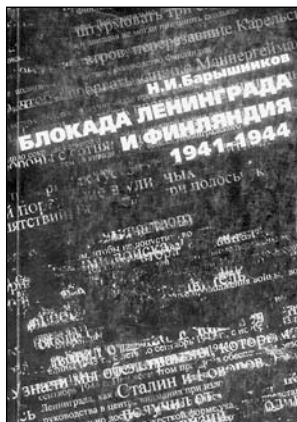
«ЛЕНИНГРАД НАДО ЛИКВИДИРОВАТЬ КАК КРУПНЫЙ ГОРОД»

ЗА МИНУВШИЕ десятилетия Ленинградской блокаде посвящено множество научных исследований, историко-документальных публикаций и воспоминаний современников. Однако эти материалы показывают в основном события, развернувшиеся на южных и юго-западных подступах к городу, в то время как боевые действия на северной стороне освещаются скупо и мало.

Этот пробел во многом восполняется недавно вышедшей книгой доктора исторических наук, профессора Н.И. Барышникова «Блокада Ленинграда и Финляндия 1941—1944»*. В труде на основе преимущественно документальных двусторонних источников — финляндских и отечественных рассматриваются не только ситуация на советско-финляндском фронте, но и политические мотивы ряда явлений, по отношению к которым у историков имеются различные подходы.

Прежде всего, автор обращает внимание на ошибочное положение, которое можно встретить в финской, а иногда и в российской литературе, о том, что участие финских войск в войне против СССР на стороне Германии, особенно в наступлении на Ленинград, было якобы следствием поражения Финляндии в войне 1939—1940 гг. Автор убедительно показывает, что германский фактор являлся определяющим в поведении финского руководства, которое стремилось не только пересмотреть итоги «зимней войны», но и реализовать замыслы, предусматривавшие овладение значительной территорией СССР за пределами границ 1939 года. Это подтверждается многочисленными высказываниями финских руководителей, свидетельствующими об истинном характере войны со стороны Финляндии. Так, уже 25 июня 1941 года на заседании парламента было заявлено: «Мы теперь с Германией ведем войну за уничтожение большевизма», а действовавший тогда в США Финский информационный центр давал понять, что и «Ленинград не останется у русских». 11 сентября 1941 года президент Финляндии Рюти сообщил германскому посланнику в Хельсинки: «Если Петербург не будет существовать как крупный город, то Нева была бы лучшей границей на Карельском перешейке... Ленинград надо ликвидировать как крупный город».

Таким образом, были весьма четко обозначены конкретные цели войны со стороны Финляндии. Приводимые автором документы показывают и то, что нельзя всерьез говорить об «обособленном» по отношению к Германии ведении войны Финляндией. Эта версия была навязана в свое время пропагандист-

Обложка книги

скими установками и воспринималась в Берлине не более как дымовая завеса, скрывающая истину. Документы, хранящиеся в финских архивах и приведенные в книге, убедительно свидетельствуют о конкретном сотрудничестве генеральных штабов и вооруженных сил двух стран. Хотя вступление Финляндии в войну произошло якобы как ответ на агрессию с советской стороны, на деле же оно соответствовало составленному до этого совместному германо-финскому плану, по которому стратегические цели Финляндии находились в зависимости от успехов вермахта. Впрочем, истинная позиция финского руководства обнажилась 25 ноября 1941 года, когда Финляндия официально присоединилась к Антикоминтерновскому пакту. Вместе с тем это не означает, что у Финляндии не было особой позиции и собственных интересов в войне. Поэтому повышенное внимание читателей привлекает авторский анализ позиции маршала Маннергейма, которую он занял ранней осенью 1941 года, благодаря чему Ленинград будто бы был спасен от возможного захвата его в те дни немецкими войсками. Действительно, финны продвигались к Ленинграду летом 1941 года со стороны Карельского перешейка и в обход Ладожского озера, и вдруг Маннергейм отдает приказ закрепить на достигнутом рубеже. Почему? В последнее время появились утверждения, будто бы замысел Гитлера уничтожить Ленинград и его жителей противоречил любви Маннергейма к бывшей столице России. Приведенные в книге факты не подтверждают этого. Так, при выработке в конце мая 1941 года оперативного плана совместных германо-финских действий по захвату Ленинграда начальник генерального штаба финской армии выполнял конкретные указания Маннергейма. Показательна в этом отношении беседа, состоявшаяся у Маннергейма с генералом Талвела, приведенная в книге. «Маршал

объявил мне... — вспоминал Талвела, — что Германия на днях совершит нападение на Советский Союз... что немцы не просят нас ни о чем другом, кроме как нанести сильнейший удар в направлении Ленинграда. Он объявил о создании специальной группы для осуществления этого удара». Нетрудно понять, делает автор вывод, что Маннергейм непосредственно руководил подготовкой наступления финской армии на Ленинград с севера в расчете на соединение с немецко-фашистскими войсками, которые должны были прорваться в город с юго-запада. Так почему же финским войскам был дан приказ остановиться? Автор показывает, что это была вынужденная мера. Маннергейм отдал свой приказ под угрозой большого количества жертв, которые потребовалось бы принести в результате операции по прорыву советской полосы укреплений, а также из-за разраставшегося недовольства в армии откровенным захватническим характером войны, что выразилось в отказе многих солдат и офицеров продолжать наступление. Приостановке продвижения финских войск на Ленинград способствовало и давление западных союзников на правительство Финляндии с требованием прекратить продвижение войск по советской территории. Иными словами, резюмирует автор, реальная картина происшедшего показывает несостоятельность и неправдоподобность утверждения о «спасательной» для Ленинграда роли Маннергейма.

Завершается книга главой «Ликвидация финского звена блокады», в которой рассмотрены боевые действия в ходе Выборгско-Петрозаводской стратегической наступательной операции, сделан анализ процесса выхода Финляндии из войны, охарактеризованы два основных периода в подходе к решению проблемы достижения мира между СССР и Финляндией. Заключение соглашения о перемирии с Финляндией означало, что боевые действия полностью завершились и к северу от Ленинграда. За соглашением начался новый период, ознаменовавшийся собой развитие добрососедского и дружественного сотрудничества двух государств.

В целом труд Н.И. Барышникова является первым самым полным произведением, дающим всестороннюю картину событий, произошедших в годы войны к северу от Ленинграда, раскрывающим позиции правящих кругов тогдашней Финляндии по отношению к судьбе города на Неве. Книга, получившая литературную премию имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова, учрежденную Законодательным собранием Санкт-Петербурга, несомненно, займет достойное место среди произведений о ленинградской эпопее и будет полезна всем, кто интересуется историей Второй мировой войны.

Полковник в отставке
М.И. ФРОЛОВ

Обложка книги

ВОДНОМ из предыдущих номеров нашего издания* была опубликована рецензия на книгу руководителя Федеральной архивной службы России В.П. Козлова, в которой разоблачались подделки исторических источников XVIII—XIX вв. Мы также обещали читателям поместить на страницах журнала отзыв на очередной труд этого известного в научных кругах автора, члена-корреспондента Российской академии наук, доктора исторических наук, профессора. Выполняя обещанное, представляем продолжение исследовательской работы В.П. Козлова, опровергающего на этот раз исторические фальсификации XX века**. Книга, как отмечается в предваряющей ее основной текст аннотации, «подготовлена автором при его работе в качестве преподавателя на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета» (с. 2). Появление же ее вызвано тем, что ни историографический перечень документальных подделок XX века, ни причины их публичного воспроизводства, ни технология фальсификации письменных исторических источников в большинстве случаев не были глубоко и всесторонне проанализированы. «Даже анализ откровенных антикоммунистических и антисоветских подлогов мы редко встречаем в советской исторической литературе, равно как, впрочем, и в зарубежной, —

* См.: Воен.-истор. журнал. 2005. № 6. С. 72.

** Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М.: РОССПЭН, 2001. 224 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ XX ВЕКА

пишет автор во введении. — Поразительно, что ряд таких подлогов не только просто игнорировался, но знания о них прятались в спецхраны» (с. 4).

В книге довольно много громких историй, процесс расследования которых порой сходен с сюжетом захватывающего детективного повествования. Серьезный научный подход при этом, конечно же, превалирует над занимательностью. Например, характерны подобной подачей, иллюстрирующей особенно-сти доказательного метода В.П. Козлова, происшествия, если можно так сказать, с двумя письмами.

Подробные уточнения правдивости со стороны одних и ложности со стороны других лиц первого из этих писем изложены в главе 2 книги («"Директивы" Коминтерна о подготовке мировой революции», с. 16—36). «В настоящей главе документы, — сообщает автор в одном из примечаний, — цитируются по публикации: Антисоветские подлоги: История фальшивок. Факсимиле и комментарии. М., 1926» (с. 210). Вместе с тем, судя по остальным примечаниям к этой главе (с. 210, 211), В.П. Козлов немало времени потратил на собственное расследование, изучая другие соответствующие зарубежные и отечественные печатные издания, а также работая в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

Суть же скандальной истории, о которой идет речь, взрывоопасной не только для того времени, когда описываемые события происходили, но и для наших дней, такова.

В октябре 1924 года в английской прессе было растиражировано так называемое письмо Зиновьева, датированное 15 сентября того же года. Вслед за «газетными разоблачениями» полномочному представителю СССР в Великобритании Х.Г. Раковскому британское Министерство иностранных дел направило 24 октября специальную ноту, в которой упомянутое письмо представлялось не чем иным, как инструктивными указаниями британским подданным «для насильственного свержения существующего строя» и «разложения вооруженных

сил» в их стране. Конечно, если бы автор «инструктивного послания к британским подданным» был частным лицом или возглавляемая им международная пролетарская организация являлась настолько самостоятельной, что СССР и впрямь не мог нести за нее какую-либо ответственность, о чем с особой настойчивостью говорилось в ответной ноте советского правительства, то открытостью от предъявленных обвинений не составило бы большого труда. Но все обстояло совершенно иначе, тем более что «суверенность "ведомства Зиновьева"» зло высмеивалась западной прессой. В книге В.П. Козлова (с. 18) помещен довольно остроумный образец так называемой плакатной войны с Коминтерном, тоже широко тиражируемый западно-европейскими и русскими эмигрантскими изданиями. Коварная интрига подлога, в чем нас убеждают прежние ее изобличители вкупе с В.П. Козловым, заключалась в том, что Г.Е. Зиновьев являлся видным советским государственным и партийным деятелем, а возглавляемый им Коммунистический интернационал, конечно же, координировал свою деятельность, по крайней мере по главным направлениям, с международной политикой СССР.

Но что же столь опасное для грозной в те времена Великобритании содержалось в так называемом письме Зиновьева? «Во-первых, — комментирует В.П. Козлов подложный, по его утверждению, документ с цитированием первоисточника, — в нем предлагалось «расшевелить массы британского пролетариата и привести в движение армию безработных пролетариев» с целью давления на парламент страны накануне намечавшегося в нем обсуждения вопроса о ратификации договора между СССР и Великобританией. Во-вторых, письмо в качестве важнейшей программной установки провозглашало курс на вооруженную борьбу с британской буржуазией, «против идеи эволюции и мирного уничтожения капитализма». С этой целью британским коммунистам предлагалось создавать ячейки «во всех войсковых частях, в особенности в тех, которые расположены в крупных центрах страны, а

также на фабриках, изготовляющих вооружение, и на военных вещевых складах», организовать военный центр партии из военных специалистов, сочувствующих коммунистическим идеям или придерживающихся социалистических взглядов» (с. 16).

В ответе советского правительства на британскую ноту не только отрицалась причастность Г.Е. Зиновьева к составлению подобных инструкций британцам, организации вооруженного восстания в Великобритании и разложению королевских войск, но только содержалось спорное отмежевание от Коминтерна. Приводилось в нем, конечно же, и более веские аргументы. В частности, указывалось на неосведомленность исполнителей «письма Зиновьева» в коминтерновских делах и коминтерновской терминологии, что было совершенно не свойственно самому Зиновьеву. Будь он настоящим автором сомнительного послания, отмечалось в ответной ноте, то никак не смог бы извратить ни название возглавляемой им организации, ни должность, которую в ней занимал.

Надо полагать, что советская сторона, опасаясь явно назревавшего разрыва и последующей конфронтации с сильным, амбициозным, пытающимся диктовать другим свою волю государством, прилагала для ослабления острого конфликта не только дипломатические и лингвистические усилия. Автор книги не сообщает об использовании при этом, например, разведывательных или иных специфических каналов для добытия источников, опровергающих ложные обвинения в адрес Коминтерна и СССР. Вместе с тем, ссылаясь на источники, сообщает сведения, дающие повод предполагать, что подобное имело место.

Так или иначе, но 28 октября 1924 года лондонским представительством СССР было получено адресованное Х.Г. Раковскому письмо некоего Синклтона, готового представить 30 фальшивых документов, которые якобы вскоре «будут употреблены, чтобы дискредитировать Россию» (с. 17).

На следующий день доброжелатель действительно появился в советском полпредстве с обещанными бумагами. Свой поступок и свою осведомленность объяснил давней симпатией к России, в интересах которой трудился на разведывательном поприще еще в до-

революционное время, являясь тайным агентом военного атташе российского посольства в британской столице. Именно это обстоятельство и заставило Синклтона провести собственное расследование так называемого письма Зиновьева. В итоге он сумел выйти на след финансируемой графом Нортюмберлендским и газетой «Морнинг пост» организации «Британский Королевский союз», изготовлявшей всевозможные фальшивки наподобие «коминтерновского послания британцам».

Из 40 подлинников и фотоконтий, изготовленных «Британским Королевским союзом» и переданных советской стороне Синклтоном, до нас дошли, как отмечает профессор В.П. Козлов, только 4. Все эти «четыре документа были изготовлены в сходной манере», что уже наводит на мысль о подложной технологии. Еще больше оснований думать о подлоге дает более тщательное их исследование. Так, выясняется, что если они составлялись со ссылками на действительно существовавшую газету «Социалист», то с использованием фальшивых печатей мифических рабочих организаций, неразборчивых подписей вымышленных авторов, не существующих в реальности лиц и адресов, однообразного плакатно-агитационного стиля (с. 24).

Еще более острая дискуссия, судя по изложенным В.П. Козловым фактам, развернулась в западной и отечественной прессе вокруг так называемого письма Еремина. В исследовательском очерке «Величайший секрет И.В. Сталина» (глава 8, с. 106—123) автор книги тщательно следит за быстро меняющейся ситуацией, вызванной то «впечатляющими утверждениями, то убедительными опровержениями политиков, публицистов, историков, архивистов сенсационного сообщения о том, что Сталин — агент охраны. Подводя итог всему обнародованному по этому поводу, профессор В.П. Козлов отмечает: «Полемика вокруг «письма Еремина» может считаться классическим случаем постижения истины. От общих, порой условно доказательных рассуждений ее участники со временем все чаще и чаще подходили к получению проверенного знания, а затем вышли и на стадию доказательных документальных фактов» (с. 123). Для кропотливого исследователя, как предстает со страниц своего труда В.П. Козлов, последнее обстоятельство, а именно выход полемики «на стадию доказательных доку-

ментально фактов» очень важен и является, как кажется, основой его исследовательского метода. Вот почему он так скрупулезно разбирает каждую подробность о столь шумевшей истории, описанной в известной книге и в других изданиях***. Истоки же ее, если верить «письму Еремина», исходят из охранного отделения Департамента полиции России и относятся к 1906—1912 гг., когда якобы и началась секретная агентурная работа Джугашвили-Сталина на это ведомство. Сообщила же такую сенсацию русская эмигрантская газета «Новое русское слово», опубликовавшая 19 апреля 1956 года под соответствующим громким названием статью. Вслед за ней журнал «Лайф» поместил на своих страницах уже упомянутое «письмо Еремина», на котором и базировались все уничижительные обвинения против И.В. Сталина.

Весьма примечательна роль спецслужб США в подхваченной различными лицами и сообщениями полемике. Когда преподаватель Бруклинского колледжа М.К. Тителл, специалист в области криминологии, не оставил, казалось, камня на камне от доказательств подлинности «изобличительного документа», сделав вывод о том, что его текст, датированный 12 июля 1913 года, «написан много лет спустя после 1912—1913 гг.» (с. 115), то результатами исследования Тителла, обнародованными газетой американских коммунистов «Дейли Уоркер», заинтересовались влиятельные чиновники. Главный советник подкомитета по внутренней безопасности сената США Р. Моррис эту заинтересованность объяснил так: «Будучи озабоченным возможностью того, что коммунисты начинают кампанию по реабилитации маршала Сталина, подкомитет решил ознакомиться с тем, чем занимался г-н Тителл» (с. 116). Но «знакомство» на самом деле было не чем иным, как выполнением задачи по «нейтрализации выводов Тителла». Последний же, утверждает профессор В.П. Козлов, не мог представить себе, что в своем исследовательском порыве «окажется объектом внимания специальных служб США», которые «простыми до примитивности способами... дезавуировали его выводы о фальсификации письма Еремина» (с. 117).

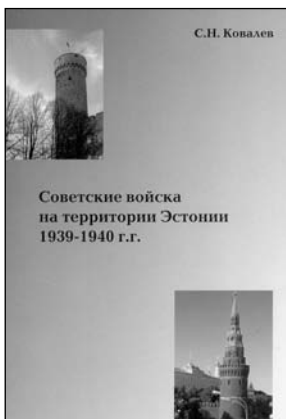
*** См.: Тайны истории. Век XX. Был ли Сталин агентом охранки? Сборник статей, материалов и документов. М., 1999; Черемушки. 1990. № 1(2); Известия. 1997. 19 сент., 2 окт.; Обшая газета. 1997. 9—15 окт.

С началом перестройки шумная кампания вокруг этой истории развернулась и в СССР. Нашим читателям, особенно с длительным стажем знакомства с изданием, думается, будет небезынтересно узнать, что немалый вклад в поиск истины внесли авторы «Военно-исторического журнала» З.И. Перегудова и Б.В. Каптелов. Исследовательская работа опытных архивных специалистов, по признанию В.П. Козлова, «представляла собой образец высочайшего мастерства источниковедческого анализа, традиционно известного как «внутренняя» и «внешняя» критика исторического источника». Далее объясняется, почему эти исследователи оказались наиболее убедительными в сравнении со своими сторонниками и оппонентами. Вероятно, не зная полемики вокруг письма Еремина в западных средствах массовой информации, как предполагает профессор В.П. Козлов, они «шли в своих размышлениях как бы параллельно с теми, кто доказывал фальсифицированный характер этого документа на основании его определенных признаков. Но у них было еще и большое преимущество перед своими коллегами-предшественниками: они прекрасно знали документы Департамента полиции и поэтому могли пользоваться не воспоминаниями, не предположениями и домыслами, а всей совокупностью фактов, документально зафиксированных в архивных материалах» (с. 120).

Пожалуй, наиболее ценной и для непрофессиональных исследователей исторических фактов, и для специалистов является завершающая часть книги («От заключений к выводам»; глава 14, с. 200—208). Здесь автор, по его же словам, формулирует выводы двух уровней: «описательный, связанный с конкретным материалом» и «теоретический, обобщающий наблюдения над историей фальсификаций исторических источников за почти три последних столетия Российской Империи» (с. 200). Здесь содержатся краткое напоминание о наиболее громких подлогах XX века, попытка объяснить причину фабрикации дел, а также осветить их технологию, выводятся «формулы» фальсификации исторических источников.

**Капитан 1 ранга
в отставке
В.Г. ОППОКОВ**

Россия — Эстония: 1939—1940 гг.

Обложка книги

В СЕРИИ «Северо-Запад России. Аспекты национальной безопасности» в Санкт-Петербурге вышла книга, как говорится, на злобу дня: «Советские войска на территории Эстонии. 1939—1940 гг.»*. Несмотря на отдаленность рассматриваемых событий, автору — кандидату исторических наук, руководителю Санкт-Петербургского отделения Института военной истории МО РФ — удалось сделать свое исследование, если учитывать сегодняшние отношения России со странами Балтии, чрезвычайно актуальным. И неудивительно, ведь проблема, связанная с дислокацией группировки советских войск на территории Эстонии в 1939—1940 гг., несмотря на весьма многочисленные попытки дать ей объективную правовую, политическую, военную оценки, нуждается в новых подходах, может быть, даже в определенной переоценке некоторых взглядов, что поможет уйти от политизированных стереотипов, сложившихся в 1990-е годы как в общественном сознании, так и в некоторых научных исследованиях. Новая геополитическая ситуация в Прибалтийском регионе, связанная с приближением блока НАТО к границам России, заметно повышает научный и политический интерес к изучению истории ввода и пребывания советских войск в Эстонии накануне Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Композиционно книга состоит из двух глав и приложения, где любопытный читатель найдет хронологию отношений Эстляндии — позднее Эстонии с окружающими государственными образованиями, в том числе и с Российской Империей (СССР). В первой главе автор рассматривает геополитическую ситуацию в Балтийском регионе накануне Второй мировой

войны и планы советского руководства по применению Вооруженных сил при развитии ситуации не в пользу СССР в случае отказа эстонского правительства на ввод советского контингента, во второй речь идет о вводе частей Красной армии и сил КБФ на территорию Эстонии и о проблемах, которые пришлось в связи с этим решать обеим сторонам.

Новизна исследования, по нашему мнению, заключается в первую очередь в комплексном анализе деятельности на территории Эстонии группировки советских войск в период сложной международной обстановки 1939—1940 гг. Опираясь на новые источники, учитывая современные научные и политические интерпретации событий тех лет, автор сумел сделать серьезный историографический анализ проблемы, что помогло ему достаточно полно раскрыть и проанализировать характер развития международной военно-политической обстановки накануне Второй мировой войны в Балтийском регионе, подробно рассмотреть планы советского руководства по применению вооруженных сил в зависимости от вариантов развития военно-политической обстановки, раскрыть подходы эстонского руководства к обеспечению военной безопасности республики. Особо выделена проблема правовой регламентации пребывания советского воинского контингента на территории Эстонии, обстоятельно рассмотрены подготовительные мероприятия по обеспечению ввода советских войск на территорию Эстонской Республики.

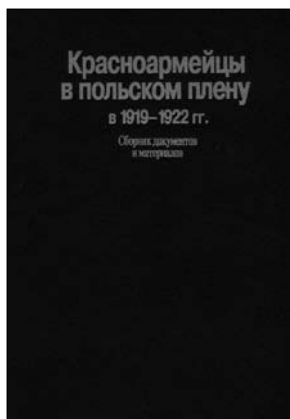
Надо отметить также, что в книге анализируется характер деятельности сухопутных и морских сил советского воинского контингента на территории Эстонии до ее вхождения в состав СССР. Подробно и объективно, без прикрас, раскрыты организация повседневной жизни и деятельности советских войск, особенности организации хода боевой и политической подготовки, показаны усилия советского командования по созданию военной инфраструктуры.

Значительное место отведено рассмотрению характера взаимоотношений между советскими войсками, местными органами власти и населением, а также разрешению между ними конфликтных ситуаций, раскрыта динамика развития отношений сторон после ввода группировки советских войск.

По нашему мнению, книга вызовет интерес не только у специалистов-историков, но и у всех читателей, интересующихся историей Отечества.

В.И. МУСАЕВ

* Ковалев С.Н. Советские войска на территории Эстонии. 1939—1940 гг. СПб.: Новик, 2005. 196 с.

Обложка книги

В ПОЛЬСКОМ ПЛЕНУ

В РАМКАХ реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан России на 2001—2005 гг.» вышла в свет книга*, посвященная таким малоизвестным широкой публике фактам отечественной истории, как содержание в польском плену советских красноармейцев. Сборник вносит значительный вклад в объективное раскрытие сложной проблемы, связанной с итогами советско-польской войны 1919—1920 гг. Этому важному событию в историографии предшествовала важная исследовательская работа ученых-историков и архивистов России и Польши. Российскую редакцию возглавил руководитель Федерального архивного агентства В.П. Козлов, польскую — генеральный директор государственных архивов Д. Наленч.

За последнее десятилетие усилилось внимание историков как в России, так и в Польше к судьбе бойцов и командиров Красной армии, попавших в плен в ходе

советско-польской войны 1919—1920 гг. Возникла необходимость нового широкого и всестороннего исследования проблемы, имеющей уже почти вековую давность. Особое внимание было уделено поиску необходимых документов, находящихся на хранении в польских архивах.

Всего было изучено более 2000 документов, более 300 опубликовано в сборнике. Многие из них ранее не публиковались, так что в научный оборот вводятся впервые. Документы из российских, польских, украинских и белорусских архивов свидетельствуют о численности советских военнопленных, об условиях их содержания в польских лагерях и рабочих командах, заболеваниях и смертности, об отношении к ним со стороны польского и советского военных ведомств, о деятельности благотворительных организаций.

Сборник особо интересен тем, что в нем представлено слово обеим сторонам, причем мнения по тем или иным позициям нередко не совпадают. Это касается, в частности, количества пленных и условий их содержания. Так, считалось, что Западный и Юго-Западный советские фронты в ходе этой войны потеряли 17 544 человека убитыми и ранеными и 130 тыс. пленными. Польский же ученый З. Карпус считает, что ко времени окончания военных действий в польском плену оказалось 110 тыс. бойцов и командиров Красной армии. Сюда отнесены 90 тыс. пленных с начала боев за Варшаву и до 18 октября 1920 года и 15—20 тыс. пленных с февраля 1919 по июль 1920 года. Автор подтверждает свои расчеты сложением 66 762 пленных, возвращенных на родину по репатриации на 15 октября 1921 года,

примерно 25 тыс. пленных, вступивших в антисоветские формирования на стороне Польши, 16—18 тыс. умерших в лагерях от ран, болезней и недоедания, и нескольких тысяч, судьба которых прослеживается по документам. Однако, по советским данным, на ноябрь 1921 года на родину вернулись 75 699 пленных, что подтверждают и польские историки о репатриации из Польши до сентября 1922 года более 78 тыс. пленных. Кроме того, после завершения репатриации в октябре 1921 года в Польшу оставались в качестве заложников до февраля следующего года еще около тысячи пленных. Авторы сборника с российской стороны указывают также на несовпадение данных о численности пленных и среди российских исследователей. Например, И.В. Михутина сделала вывод, что в плен попало 165 550 человек, Т.М. Симонова, на основании данных, найденных в фонде II отдела Генерального штаба Войска Польского, хранящемся в РГВА, определила, что пленных красноармейцев только в 1920 году было 146 813 человек.

Российским исследователям представилась возможность, работая в польских архивах, тщательно проанализировать все документы, касающиеся данной проблемы. Основой для подсчета числа пленных стал единственный полностью сохранившийся польский официальный источник — ежедневные сводки III (оперативного) отдела верховного командования Войска Польского. Согласно подсчетам численности захваченных в плен красноармейцев по этим сводкам с 13 февраля 1919 по 18 октября 1920 года было пленено не менее 206 877 военнослужащих Красной армии. Российские авторы сборника

проверили эти данные и правомерно утверждают, что за 20 месяцев войны в польском плену всего оказалось около 157 тыс. красноармейцев.

Документы сборника раскрывают также условия содержания пленных. Эта проблема остается острой, она вызывает резкую полемику между российскими и польскими историками. Бесспорно, условия, в которых находились пленные, были весьма нелегкими, смертность людей была очень высока.

Польские авторы стремятся объяснить это тяжелым экономическим положением в самой Польше, утверждая, что «нет никаких документальных оснований и доводов для обвинения и осуждения польских властей в проведении целенаправленной политики уничтожения голодом или физическим путем большевистских военнопленных» (с. 25). Однако приведенные в книге документы показывают, что царившие в лагерях голод, холод, а также элементарную нехватку одежды, обуви и белья нельзя объяснить только экономическими трудностями в стране.

Весьма интересная информация содержится в приложениях и научно-справочном аппарате сборника. Здесь можно найти сведения о соединениях воевавших армий, обмене польских и советских военнопленных, местах их захоронения, об органах военного и политического руководства. Завершает сборник блок фотоиллюстраций: это и «пленные большевики», и места захоронений пленных, и территории бывших лагерей как напоминание о трагических днях военного противостояния России и Польши в 1919—1921 гг.

*Капитан 1 ранга
в отставке
П.Д. БУРИКОВ*

* Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг. Сб. документов и материалов. М.: СПб.: Летний сад, 2004. 912 с., ил.

Сведения об авторах номера

АБРАМОВ Евгений Петрович — старший научный сотрудник Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

БУРИКОВ Петр Дмитриевич — главный документовед Военно-мемориального центра ВС РФ, капитан 1 ранга в отставке (Москва)

ГЛАДКИХ Павел Федорович — профессор кафедры организации и тактики медицинской службы Военно-медицинской академии имени С.М.Кирова, полковник медицинской службы в отставке, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Санкт-Петербург)

ЖДАНОВСКИЙ Александр Сергеевич — историк, полковник в отставке (Москва)

ИВАНЦОВ Владимир Алексеевич — заместитель начальника Военно-медицинской академии имени С.М.Кирова, генерал-майор медицинской службы, кандидат медицинских наук (Санкт-Петербург)

ИВАШКО Михаил Иванович — профессор кафедры философии и социально-экономических дисциплин Российской академии правосудия, полковник запаса, кандидат исторических наук, доцент (г. Люберцы Московской обл.)

КИБОВСКИЙ Александр Владимирович — референт департамента Аппарата Правительства РФ, кандидат исторических наук (Москва)

КИКНАДЗЕ Владимир Георгиевич — старший редактор редакции «Военно-исторического журнала», капитан 3 ранга, кандидат военных наук (Москва)

КОРОВИН Владимир Михайлович — заместитель начальника Военного института радиоэлектроники по учебной и научной работе, полковник, доктор педагогических наук, профессор (г. Воронеж)

КОРЧАГИН Евгений Николаевич — заместитель директора музея «Исаакиевский собор», капитан 1 ранга в отставке, кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург)

КОРЯВКО Владимир Иванович — профессор кафедры оперативного искусства ВМФ Военной академии Генерального штаба ВС РФ, капитан 1 ранга в отставке, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

КУШЕР Юрий Леонидович — старший научный сотрудник Института военной истории МО РФ, полковник запаса (Москва)

ЛОБАНОВ Андрей Владимирович — начальник военного представительства МО РФ, подполковник (Москва)

ЛОТА Владимир Иванович — кандидат исторических наук, доцент (Москва)

МАТВЕЕВ Владимир Дмитриевич — капитан 2 ранга в отставке (г. Подольск Московской обл.)

МУХАНБЕТКАЛИЕВ Хайрлы Салыхович — заместитель начальника Национального университета обороны Республики Казахстан по научной работе, полковник, кандидат военных наук (г. Щучинск Акмолинской обл., Республика Казахстан)

МУСАЕВ Вадим Ибрагимович — ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ОППОКОВ Виталий Георгиевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала», капитан 1 ранга в отставке (Москва)

ПАЛЬЧИКОВ Николай Викторович — ведущий специалист 2-го управления Главного управления воспитательной работы ВС РФ, полковник запаса (Москва)

ПЕЧЕНКИН Александр Алексеевич — профессор кафедры истории экономики, политики и культуры Всероссийского заочного финансово-экономического института, доктор исторических наук, доцент (г. Киров)

СВИРИДОВ Владимир Александрович — начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного института радиоэлектроники, полковник, кандидат педагогических наук, доцент (г. Воронеж)

СУДАРИКОВ Андрей Михайлович — начальник научно-исследовательской части Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, кандидат химических наук, доцент (Санкт-Петербург)

ФРОЛОВ Михаил Иванович — профессор кафедры истории Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

ХВОРОСТЬЯНОВ Юрий Александрович — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

ХЛОБУСТОВ Олег Михайлович — старший научный сотрудник Академии ФСБ России, полковник запаса (Москва)

ШАРОН Борис Георгиевич — инженер ООО «Дедал», подполковник в отставке (г. Калининград)

ШЕЛЕПОВ Анатолий Михайлович — начальник кафедры организации и тактики медицинской службы Военно-медицинской академии имени С.М.Кирова, генерал-майор медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

ЯСМАН Зинаида Даниловна — ведущий научный сотрудник Государственного исторического музея, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Материалы номера рецензировали: генерал-майор Н.В. Бурбыга (Главное управление воспитательной работы ВС РФ); заслуженный работник культуры РФ И.О. Гаркуша (Российский государственный военно-исторический архив); генерал армии В.И. Исаков (Тыл Вооруженных сил); полковник С.А. Ильенков (Архивная служба ВС РФ); подполковник А.И. Колясников (Главное управление воспитательной работы ВС РФ); кандидат военных наук, доцент полковник С.А. Лебедев (Военно-научный комитет Тыла ВС РФ); кандидат военных наук генерал-полковник А.А. Ноговицын (Главное командование ВВС); доктор политических наук, кандидат экономических наук генерал-полковник Н.И. Резник (Главное управление воспитательной работы ВС РФ); полковник В.И. Терещенко (Военно-научный комитет Сухопутных войск); С.А. Харитонов (Российский государственный военно-исторический архив); генерал-лейтенант в отставке Ю.А. Хворостьянов.

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов "Военно-исторический журнал" может публиковать и оплачивать лишь те материалы и документы, в которых имеется обратный почтовый адрес автора, номера телефонов, полностью указаны его должность, фамилия, имя и отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих – номера паспорта и удостоверения личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, отпечатанные на пишущей машинке или изготовленные на ПЭВМ в двух экземплярах (на дискете — с одной распечаткой, набранной в Word 95, 97) через два интервала с постраничными, последовательно пронумерованными ссылками на использованные источники. Рукописи, не заказанные редакцией, не рецензируются и не возвращаются. За справками о присланных в редакцию материалах обращайтесь по тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19. Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ "О средствах массовой информации" редакция имеет право не вступать в переписку с авторами. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения автора. За качество полиграфического исполнения журнала и его распространение отвечает Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ. В случае затруднений в оформлении подписки и обнаружения брака сообщите по адресу: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а, Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ.

При перепечатке материалов ссылка на "Военно-исторический журнал" обязательна.

Компьютерная верстка — В.А. ГОРОХОВСКИЙ

Электронная версия «Военно-исторического журнала» на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Адрес редакции для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (095) 157-84-50(факс), 157-87-19.

Сдано в набор 26.09.2005
Подписано к печати 07.11.2005
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Усл.печ.л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд.л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Общий тираж 4750 экз. Зак. 3009.

Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ

Отпечатано в ООО «Красногорская типография».

© «Военно-исторический журнал», 2005.

• **Памятные даты**

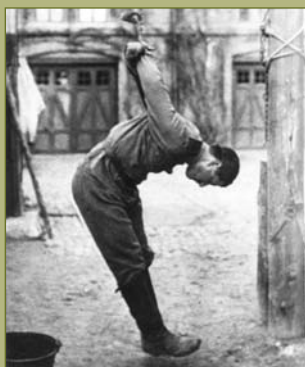
11 ноября — День памяти погибших в Первой мировой войне

«ВОЙНА ДО ПОСЛЕДНЕГО РУССКОГО СОЛДАТА»

▲ 5-я рота лейб-гвардии 3-го стрелкового его величества полка на марше под Варшавой
Русские военнопленные в австрийском лагере

► Плакат художника ВИНОГРАДОВА

Зверства немцев

► Плакаты времен Первой мировой войны

ПЕРВАЯ мировая война, длившаяся 4 года, 3 месяца и 10 дней, по своим масштабам и последствиям не имела себе равных во всей предшествующей истории человечества. Она породила череду мировых катастроф, социальных и политических катаклизмов, коренным образом изменивших политическую карту и расстановку сил в мире, прежде всего в Европе.

Поистине неисчислимы бедствия принесла война народам: 10 млн. убитых (столько, сколько погибло во всех европейских войнах за тысячу лет) и 20 млн. раненых (из них 3,5 млн. человек остались калеками) — таков ее кровавый итог. Наибольшие потери понесла в Первой мировой войне российская армия. Они составили в общей сложности 9347,3 тыс. человек, из них безвозвратные потери — 2254,4, санитарные — 3749,0, попавшие в плен (без учета возвратившихся оттуда в ходе войны) — 3343,9 тыс. человек. Для сравнения: общие потери Франции составили 4701,8 тыс. человек, Англии — 3303,1, Германии — 7860,0 и Австро-Венгрии — 4880,0 тыс. человек. Столь большие потери России обуславливались целым рядом причин. Главными из них являлись не только необходимость русской армии в течение 3,5 лет удерживать огромный фронт от Балтики до Черного моря (протяженность — 1934 км, не считая 1100-км фронта на Кавказе) и противостоять объединенным силам Германии, Австро-Венгрии и Турции, но и неудовлетворительная деятельность военного и политического руководства России: крайне низкий уровень материально-технического обеспечения русской армии современными видами вооружения и боеприпасов, низкий образовательный уровень основной массы солдат, отсутствие у 60 проц. новобранцев надлежащей военной подготовки. Все это приводило к неоправданно большим потерям в армии. Не последнюю роль в этом сыграла и корыстная политика союзников России по блоку, которые вели войну «до последнего русского солдата», используя русских солдат как разменную монету и не раз вынуждая военно-политическое руководство России преждевременно, без необходимой подготовки бросать в бой войска, причем в нарушение ранее согласованных планов.

ДОБЛЕСТЬ, ВОИНСТВЕННОСТЬ, СОВЕРШЕНСТВО»

▲ Суконная куртка образца 1914 года для офицеров авиации

▲ Рабочая синяя суконная рубашка для нижних чинов авиационных и воздухоплавательных частей. На рубашке по правилам мирного времени нашит алый сутажный шнур

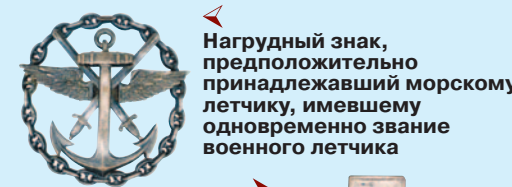
▲ Складная суконная шапка-пилотка образца 1914 года для нижних чинов авиационных и воздухоплавательных частей

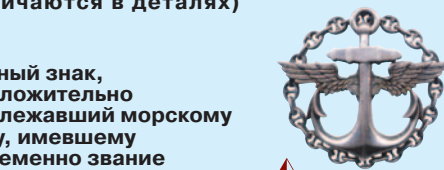
▲ Складная шапка-пилотка образца 1914 года для офицеров авиации

▲ Нагрудные знаки военных летчиков (при общем рисунке знаки заметно отличаются в деталях)

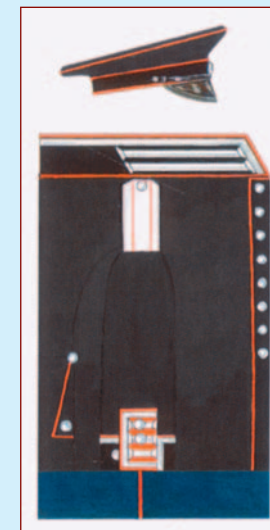
▲ Нагрудный знак, предположительно относящийся к Севастопольской военной авиационной школе

▲ Нагрудный знак морского летчика

▲ Различные варианты авиационных жетонов и брелоков

▲ Сводная таблица нагрудных знаков и «орлов» на погоны военных летчиков и летчиков-наблюдателей

▲ Военный летчик
Рисунок художника В. С. СВАРОГА из журнала «Солнце России». Сентябрь 1915 г.

▲ Группа офицеров 5-го корпусного отряда 1915 г.

▲ Схема обмундирования офицеров Управления военного воздушного флота, установленная в октябре 1916 г. Реконструкция

• **Гражданская война**

7 НОЯБРЯ 1920 года в ходе Гражданской войны Красная армия силами Южного фронта начала Перекопско-Чонгарскую операцию против белогвардейских войск барона П.Н. Врангеля с целью прорыва укреплений на Перекопском перешейке и занятия Крыма. В ходе операции, успешно завершившийся 17 ноября 1920 года, был ликвидирован последний фронт Гражданской войны. О причинах поражения Вооруженных сил Юга России читайте в материале полковника запаса Ю.Л. Кушера.

Гражданская война характеризовалась бескомпромиссностью и ожесточенностью борющихся сторон. Ярким свидетельством этого являются плакаты времен Гражданской войны, созданные белыми и красными. Они очень похожи по композиции, образам, фигурам. Эти плакатные воители — создание одного народа, расколотого на две ошестившиеся друг на друга половины. И победит в этой войне та, которая будет более безжалостной, беспощадной к чужим и своим, яростней и настойчивее. Поэтому, когда мы видим, как призыву Д. Моора «Ты записался добровольцем?» вторит вопрос неведомого художника из противоположного лагеря «Отчего вы не в армии?», то понимаем, что победит не тот, кто вежливо интересуется, а тот, кто грозно Тычет пальцем.

Эта братоубийственная война дорого обошлась нашей стране. Россия, до этого времени являвшаяся одной из великих держав мира, утратила многое из того, что было достигнуто в предшествующие столетия. Общая сумма ущерба составила 50 млрд. золотых рублей. Велики были и человеческие жертвы. Безвозвратные потери Красной армии составили 940 тыс. человек, санитарные потери — 6792 тыс. Белые армии потеряли в боях 225 тыс. человек. Общие потери России в Гражданской войне составили 13 млн. человек.

«КРОВЬ ОБАГРИЛА... СМЕРТЬ ПОБЕЛИЛА»

Гражданская война в плакатах

Читайте в номере

Публикацию подготовил подполковник Ю.Л. НИКОЛАЕВ